

В.Ю. Гессен

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Валерий Юльевич Гессен родился в 1927 г. в семье историка Юлия Исидоровича Гессена, получившего известность своими трудами по истории евреев в России и по истории труда. В 1951 г. окончил политико-экономический факультет ЛГУ. По причине еврейского происхождения и наличия нежелательных для большевиков родственников, был выпущен не преподавателем политической экономии, а экономистом. Работал по этой специальности на предприятиях, в проектных и научно-исследовательских организациях, преподавал в высших учебных заведениях. Закончил аспирантуру в Ленинградском горном институте. Кандидат экономических наук. Имеет 20 публикаций по экономике промышленности.

Историей занимается с 1980 г. После 1990 г. получил возможность печататься по истории евреев Санкт-Петербурга и рода Гессенов. Позднее так же занимался и другими историческими темами: российская эмиграция, предпринимательство и переписи населения в России, трагические события на указанном факультете ЛГУ в 1949–1950 гг. Автор около 100 опубликованных исторических работ, в том числе четырех монографий: «Жизнь и деятельность И. В. Гессена – юриста, публициста и политика» (2000), «К истории Санкт-Петербургской еврейской религиозной общины. От первых евреев до XX в.» (2000), «Историк Юлий Гессен и его близкие» (2004), «К истории евреев: 300 лет в Санкт-Петербурге» (2005). Все исторические работы выполнены с максимально возможным использованием архивных материалов. Является членом правления Санкт-Петербургской еврейской религиозной общины.

Семья Вознесенских – ВЫСОКАЯ И ТРАГИЧЕСКАЯ СУДЬБА

В.Ю. Гессен

**СЕМЬЯ ВОЗНЕСЕНСКИХ –
ВЫСОКАЯ И ТРАГИЧЕСКАЯ
СУДЬБА**

Санкт-Петербург
2013

ББК 63.3(0)6

Г 43

Гессен В.Ю. Семья Вознесенских – высокая и трагическая судьба.
СПб.: Полторацк, 2013. 114 с.

Книга посвящена истории рода Вознесенских в первой половине XX в., когда они сыграли немалую роль в жизни страны, в ее экономике, особенно в период Великой Отечественной войны, в становлении экономического образования и в других сферах. Существенное внимание уделено трагическим событиям, связанным с наиболее кровавыми проявлениями сталинской диктатуры: развязанной борьбой с «космополитами» и с «Ленинградским делом», а так же с борьбой между представителями сталинской верхушки за власть.

Книга адресована широкому кругу читателей, интересующихся историей России.

ISBN 978-5-904819-62-0

© ООО «Полторацк», 2013

© Гессен В.Ю., 2013

ВВЕДЕНИЕ

Трагическая судьба представителей рода Вознесенских в конце 1949 – начале 1950-х гг. за последние десятилетия не раз становилась предметом исторических исследований. Однако каждое из них касалось отдельных сторон связанных с этим событий, отдельных лиц, не давая представления о трагедии в целом. В данной книге сделана попытка осветить эту проблему с наиболее возможной полнотой на основе архивных и литературных данных, а также воспоминаний ряда лиц, в частности автора данной книги, который в 1946–1951 гг. был студентом политико-экономического факультета ЛГУ. При этом основное внимание уделено обстоятельствам жизни, научной, административной и преподавательской деятельности профессора Александра Алексеевича Вознесенского, а также и его брата Николая Алексеевича, выдающегося государственного руководителя.

По возможности обстоятельно освещено все то, что было связано с арестом и осуждением братьев Вознесенских, а также их родных. В связи с этим в немалой степени затронута тема репрессий в отношении преподавателей, аспирантов и студентов политико-экономического факультета ЛГУ.

После завершения Великой Отечественной войны многим казалось, что сталинские репрессии не возобновятся, что кровавые события 1937 г. не повторятся. Однако все это оказалось совсем не так. Уже с конца 1946 г. начал готовиться, а затем и разворачиваться новый этап борьбы властей с собственным народом, прежде всего под флагом искоренения космополитизма. Затем возникли и другие крупные по своим масштабам следственные «дела». Наиболее значительным из них считается «Ленинградское дело», которое привело, в частности, к уничтожению руководителей Ленинграда, вынесших на себе тяготы войны, блокады города. Все это завязалось в один клубок на фоне междоусобной борьбы кремлевских руководителей за право быть рядом со Сталиным – инициатором репрессий, наследовать после его возможной смерти руководящие посты в государстве. И здесь они уже ни с чем не считались. Для них, как и для самого «вождя народов», человеческая жизнь ничего не стоила.

Отметим, что год выпуска этой работы – 2013 – для данной темы является как бы юбилейным в том смысле, что он связан с днями рождения: 115-летней годовщиной А.А. Вознесенского и 110-летней Н.А. Вознесенского. Подчеркнем, что все возможные в тех условиях проявления ими свободомыслия и ныне вызывают интерес, продолжают являться предметом изучения со стороны историков.

Автор выражает благодарность:

– Ирине Александровне Вознесенской за поддержку при работе над текстом данной книги и при ее выпуске;

- Анне Александровне Вознесенской за активное участие в выпуске книги;
- Льву Александровичу Вознесенскому за ценные указания и предоставленные фотографии;
- Антону Леонидовичу Дмитриеву за помощь в работе и за фотографии.

1. Общие сведения о семье Вознесенских

Происхождение этой фамилии точно не известно. Но можно полагать, что она имеет церковные истоки, возможно, связана с православным праздником Вознесения Господня. В прошлые годы она была распространена среди духовенства и учащихся церковных училищ. И конечно, со стороны ортодоксальных большевиков она сама по себе могла вызывать неприязнь.

Отец Александра Алексеевича Вознесенского – Алексей Дмитриевич Вознесенский – происходил из Тульской губернии, родился в семье дьячка. Как старший сын он должен был также следовать по духовной линии. Но он от этого отказался. В материалах допроса его дочери в 1937 г. было сказано, что он являлся личным почетным гражданином, т.е., подчеркнем, не потомственным, не наследственным. Его внук Лев Александрович Вознесенский писал, что ныне не понять, как Алексей Дмитриевич это звание получил. «Но как бы то ни было, столь, казалось бы, незначительный факт через десятки лет дорого обошелся его детям – моему отцу, его брату, их сестрам, став одним из пунктов их обвинения по “Ленинградскому делу”»¹. Можно полагать, что он получил это звание как бы автоматически, за выслугу лет, находясь на скромном поприще местного уровня – приказчиком лесничества, затем лесником. Женой Алексея Дмитриевича была Любовь Георгиевна, урожденная Глаголева (1866–1951), родившаяся в семье священнослужителя небольшого чина. У них было четверо детей: Александр Алексеевич (1898–1950), Мария Алексеевна (1901–1950), Николай Алексеевич (1903–1950), Валентина Алексеевна (1905–1996).

Александр Алексеевич Вознесенский родился в селе Подмалиново Новосильского уезда Тульской губ., Мария и Николай в селе Теплое Чернского уезда Тульской губ., по новому делению Тепло-Огаревского района Тульской обл., а Валентина Алексеевна – в деревне Акинтьево также Чернского уезда². Когда дети подросли, семья переехала в уездный город Чернь. По этому поводу Валентина Алексеевна в своих воспоминаниях писала: «О селе Теплое я ничего сообщить не могу, – не помню его, так как, когда мы переехали в Чернь, мне было менее пяти лет. Этот переезд, видимо, был связан с необходимостью обучения детей. Хотя наши родители сами и не имели образования даже в пределах начальной

школы [имея в виду полной – четыре класса], но нам, детям, они сумели как-то привить тягу к учению, к знанию. Я, как младшая в семье, сильно чувствовала это стремление у своих братьев и сестры».

Валентина Алексеевна также писала об отце. что он «был мелким служащим лесной конторы, заработки его были ничтожными, и семья наша постоянно терпела нужду и лишения <... > Умер он 30 сентября 1917 г. от бронхиальной астмы, 54 лет от роду. Помню, когда отец уже был больным, я ходила с ним в больницу и носила с собой маленькую скамеечку. Ходить отцу было тяжело, он задыхался и часто присаживался на нее для отдыха. Отец наш был очень добрым, мягким и общительным по натуре человеком. Ему было свойственно чувство юмора, он любил пошутить. Старший брат Александр рассказывал, что когда отец работал в лесной конторе, он писал “лес” через “е”, а не через “ять”. И не удивительно, ведь отец учился всего 2–3 года в начальной школе и, конечно, не мог не делать подобные ошибки. Но на замечания сына отец говорил: “Э-эх, сынок, за такое жалование, да еще яти им буду писать!”³ Позднее, вспоминая об этом эпизоде с отцом, мы все от души смеялись». В анкете А.А. Вознесенский в отношении отца писал, что его «бывшее сословие (звание) – лично-почетный гражданин, до Октябрьской революции приказчик, а затем сторож в лесу». На вопрос о его занятии после Октября ответил: «умер в 1917 г.». О матери написал, что она была «дом. хозяйкой»⁴.

Валентина Алексеевна отмечала: «Мама наша, Любовь Георгиевна, занималась домашним хозяйством, растила и воспитывала детей (ведь нас было четверо!). В детстве в школу ходить ей не пришлось, так что образования она не получила. Но самоучкой она научилась читать и писать. Читать она очень любила. Как-то уже совсем в преклонном возрасте, лет восьмидесяти, она с увлечением читала рассказы Чехова: и то плакала, то смеялась, читая их». И далее: «Мама любила всех нас, ей хотелось, чтобы все мы жили дружно между собою. Она радовалась тому, что все мы смогли получить при Советской власти высшее образование, что мы с увлечением работали. Она гордилась преданностью своих детей Советской власти, Коммунистической партии. Как-то она сказала: “Ах, какие вы счастливые, получили образование, работаете. Вот если бы я сейчас была молодая, то я упорно училась бы и много-много работала бы”. Трудолюбие было одной из основных черт мамы. Она не любила сидеть праздно, “сложь руки”. Безделье ее прямо-таки тяготило. Даже в глубокой старости она всегда находила себе какую-либо работу: что-нибудь чистила, стирала, шила и т. п. Мама не терпела лжи, была прямолинейной в своих высказываниях и считала, что всегда надо говорить человеку правду в глаза, как бы она неприятна ни была. Умерла мама 15 января 1951 г. в Туруханске, куда мы с ней были отправлены после того, как с Николаем Алексеевичем произошла страшная катастрофа. Мама ничего не пони-

мала. Она рассказывала мне, что тем, кто ее допрашивал, она говорила: “Не волнуйтесь, партия разберется”». По официальным данным, Любовь Георгиевна Вознесенская была арестована в октябре 1950 г. в возрасте 84-х лет «как лицо, представляющее общественную опасность». Постановлением ОСО МГБ СССР 11 ноября 1950 г. по статьям 7 и 35 УК РСФСР осуждена на восемь лет ссылки. Была отправлена по этапу в Туруханск Красноярского края. Умерла там от дизентерии 15 января 1951 г. Впоследствии была реабилитирована⁵.

Первой женой А.А. Вознесенского была Анна Васильевна Судакова (1902–1979). Ее дед Мартемьян Судаков имел детей: Василия (1872), Осипа, Анну и Евдокию. Василий Мартемьянович Судаков происходил из Вологодской губернии, получил религиозное образование. Был диаконом, затем священником – всего восемь месяцев, так как в ноябре 1929 г. отказался от этого сана, чтобы не препятствовать своим детям в получении образования, не создавать повода для их преследований со стороны властей. Однако это не спасло его. И в 1937 г. он попал под расстрел. С женой Елизаветой Михайловной Малининой он имел девять детей. Сын Петр Васильевич служил в армии, был младшим командиром. Как сын священника испытывал притеснения, не выдержав которых застрелился, что произошло в конце 1920-х гг. Дочь Анна Васильевна родилась в селе Никольское Вологодской губернии. Училась в Петроградском университете. После замужества оставила занятия в нем и поступила в управление «Ленэнерго». Была арестована в октябре 1950 г. Осуждена ОСО МГБ СССР по ст. 58-1 «в» и 58-10 ч. 1 УК РСФСР на 10 лет ИТЛ. Ее дело было пересмотрено постановлением ВКВС СССР и прекращено за отсутствием состава преступления. 3 февраля 1954 г. она была реабилитирована⁶.

С Анной Васильевной Александр Алексеевич состоял в браке с 1922 по 1932 г. У них родилось два сына: Лев Александрович (1926) и Эрнест Александрович (1931–1997). Анна Васильевна говорила, что А.А. Вознесенский спас ее в годы блокады, обеспечив ее эвакуацию в 1942 г. вместе с ЛГУ. Хотя ко времени ее ареста она давно не была его женой, ее обвинили в «партийном проступке», в сокрытии сведений, относившихся к ранее арестованному А.А. Вознесенскому, в попустительстве преступлениям, в которых он обвинялся. Конкретно проступок ее состоял из писем к мужу, посланных в 1929 г. Как рассказывала Ирина Александровна Вознесенская, читавшее одно из них в следственном деле ее отца, в нем содержалась весьма обстоятельная, продуманная и в целом весьма критическая оценка многих обстоятельств тогдашней жизни. В частности, в нем была жалоба на материальные трудности, обострившиеся к тому же существенным вычетом денег из зарплаты в виде обязательного взноса на государственный заем⁷. Получалось потом, по мнению следствия, что

на примере своего коллектива она критиковала морально-политическую обстановку в стране. Это письмо хранилось у А.А. Вознесенского, было фактически выкрадено у него и передано следственным органам. В сентябре 1938 г. она была исключена из партии «за антисоветское содержание писем к мужу», написанных в 1929 г. Все это увязывалось с отношением к А.А. Вознесенскому, которому в феврале 1938 г. партийная комиссия Краснознаменного Балтийского флота «за притупление большевистской бдительности» объявила строгий выговор с занесением в личное дело. Как писал В. Михельсон, «этот выговор он получил от перестраховщиков Военно-морской академии, где он возглавлял кафедру политэкономии, в связи с арестом сестры Марии, на защиту которой он выступил. В эти дни и стала белой голова Александра Алексеевича. Ее трагедия была первым предвестником бед, которым спустя ряд лет предстояло обрушиться на членов семьи Вознесенских. Второй выговор, как явствует из решения Куйбышевского райкома партии, он получил в декабре 1938 г. “за не реагирование на контрреволюционные письма бывшей жены с занесением в личное дело”. Оказывается, он был обязан, получив такое письмо, тотчас же бежать в соответствующие органы и подать заявление. Партийная комиссия КБФ не удовлетворилась выговором, а поставила вопрос о нецелесообразности его использования на преподавательской работе. Тогда, правда, бюро Ленинградского горкома партии во главе со вторым секретарем А.А. Кузнецовым выразило А.А. Вознесенскому полное доверие и сняло с него наложенные партийные взыскания»⁸.

Отметим, что эти письма А.В. Судаковой, хранившиеся в 1938–1949 гг. в партийном архиве Ленинграда, в 1949 г. были вновь приобщены к следственным делам и использованы следователями против Анны Васильевны и А.А. Вознесенского. На допросах она всё, что считали в них антисоветским, относила только к себе, заявляла, что бывший муж к этому отношения не имеет, что он «советский человек», что «антисоветских» бесед у них не было. По этому поводу так и хочется спросить, почему А.А. Вознесенский своевременно не уничтожил эти письма. Но он, видимо, был такой высокой души человек, который просто не мог это вовремя сделать⁹. И сегодня это трудно понять. Как писал Лев Александрович Вознесенский, «мать вышла из лагеря совершенно больной, находясь в заключении, трудилась на тяжелых работах, в том числе на лесоповале. В 1954 г. ей дали комнату в Ленинграде, куда к ней переехал Эрнест»¹⁰. Отметим, что теткой Л.А. Вознесенского была Лидия Васильевна Судакова (1909–1990), которая не подвергалась аресту и много сделала для детей своих арестованных родственников¹¹. Подчеркнем, что практически всем репрессированным Вознесенским во время следствия поминалось, что они происходили из «служителей культа», хотя, может, реже, чем личное почетное гражданство их отца и деда.

Лев Александрович Вознесенский – известный государственный и общественный деятель. Родился в Ленинграде. До ареста студент 4-го курса экономического факультета МГУ. Был арестован 20 декабря 1950 г. Осужден ОСО МГБ СССР 11 ноября 1950 г. по ст. 58-1 «в» ч. 1 УК РСФСР на восемь лет ИТЛ. Около четырех лет провел в лагерях. На первом допросе следователь, увидев, что Лев Александрович засмеялся, услышав обвинения во вражеской деятельности в отношении его отца и его самого, закричал: «Смеешься? Твой отец больше года смеялся нам в лицо, когда мы называли его врагом народа! Теперь, наверное, смеется в другом месте!»¹² После освобождения он окончил экономический факультет и аспирантуру МГУ, стал кандидатом экономических наук, преподавал и вел научную работу. Затем был консультантом редакции журнала «Коммунист», референтом Отдела международной информации, лектором и консультантом Отдела пропаганды ЦК КПСС. С 1974 г. – политический обозреватель Центрального телевидения СССР. Был первым и на протяжении ряда лет единственным политическим обозревателем по вопросам внутренней жизни страны. Стал организатором и ведущим новаторских по содержанию и форме телевизионных циклов, с конца 1980 г. и в течение многих лет прямых телевизионных передач с участием руководителей правительства, министерств и ведомств, известных ученых, которые отвечали на задаваемые вопросы телезрителей. В 1988 г. параллельно с работой на Центральном телевидении по предложению Н.И. Рыжкова организовал и возглавил первое в стране специальное структурное подразделение в высших органах власти – Отдел информации Совета министров СССР с целью обеспечения открытой прямой и обратной связи между правительством и обществом. Принципы и практика работы Отдела в дальнейшем были воспроизведены практически во всех органах государственного управления. В разных формах выдвигал идеи перестройки в Советском Союзе задолго до ее начала. Выступал со многими лекциями и докладами по этим проблемам в различных аудиториях, как в СССР, так и за его пределами. Принимал участие в отечественных и иностранных научных и политических дискуссиях. Лауреат премии Союза журналистов СССР. Имел правительственные награды. Его книга «Истины ради...» имеет весьма существенное значение для описания жизни и деятельности рода Вознесенских.

Он писал, что когда начались среди них аресты, в дополнение к «выявленным» следователями указанным двум криминалам в их происхождении, был найден еще и третий, еще более, по их представлениям, порочащий. Он заключался с том, что во время допроса Мария Алексеевна Вознесенская сказала, что в г. Ефимове проживала тетка ее отца, которая содержала сапожную мастерскую. В ней некоторое время работал и ее отец, которому тетка хотела в будущем поручить вести дела в этой ма-

стерской. Но из этого ничего не вышло. Отец отказался от этого, ушел в приказчики к купцу Борисоглебскому. Но следователи этот эпизод «творчески» переработали. И в обвинительных документах двух сыновей и дочери Алексея Дмитриевича Вознесенского было записано, что они происходят из семьи владельца сапожной мастерской, т. е. являются потомками эксплуататора¹³.

Другой сын А.А. Вознесенского от первого брака – Эрнест Александрович Вознесенский – родился в апреле 1931 г. в Ленинграде. В августе 1941 г. был эвакуирован с братьями и второй женой отца в Галич, а оттуда через несколько месяцев по инициативе и участии брата отца Н.А. Вознесенского – в Свердловск. После возвращения родителей из Саратова в Ленинград поселился у матери. В январе 1949 г. переехал к отцу в Москву, у которого уже жил старший брат Лев. В 1950 г. после окончания школы сделал попытку поступить на юридический факультет МГУ. Но не был принят по анкетным данным: в связи с начавшимися преследованиями Вознесенских. Однако поступил на 1-й курс финансово-экономического факультета Московского финансового института. Арестован 21 октября 1950 г. Осужден ОСО МГБ СССР 11 ноября 1950 г. по ст. 58-1 «а» ч. 1 УК РСФСР на восемь лет ИТЛ особого режима. Провел два года в лагерях объединения «Воркутауголь». За отказ сотрудничать с «органами» отсидел немало дней в карцерах. 23 декабря 1953 г. освобожден из мест заключения. Был реабилитирован и вернулся в Ленинград. Затем переехал в Москву в связи с восстановлением на первом курсе Финансового института. В этом же году вернулся к матери в Ленинград вместе с женой. Был зачислен с ней на второй курс ЛФЭИ, которому впоследствии было присвоено имя Н.А. Вознесенского. Окончил институт в 1958 г. После этого в нем началась его научная и педагогическая работа, защита кандидатской диссертации, а затем и докторской по теоретическим проблемам финансового контроля в СССР (последняя в 1970 г.). В период с 1972 по 1982 г. возглавлял кафедру финансов. Являлся автором учебников и монографий по проблемам социалистических финансов. Монографии «Дискуссионные вопросы теории социалистических финансов», «Методологические аспекты анализа сущности финансов» получили широкую известность в научном сообществе финансистов. В 1970-х гг. им были написаны воспоминания, которые в 1990 г. вышли в свет под названием «Вхождение в жизнь». Они имеют серьезное значение для выполнения данной работы, в основном за счет характеристики условий лагерной жизни. Там он, в частности, вспоминал последнюю встречу летом 1949 г. Н.А. Вознесенского на его даче с братом Александром Алексеевичем. Они тогда не могли наговориться, наверно ожидая всего самого худшего. Писал он и о том, что после ареста А.А. Вознесенского его брат Лев Александрович, учившийся на четвертом курсе экономического факультета

МГУ, проделал титаническую работу по спасению отца. Она заключалась в рассылке писем членам Политбюро ЦК КПСС (кроме Берии и Маленкова) и другим известным лицам, в котором высказывал свое мнение об отце и просил обеспечить объективное ведение следствия по его делу. И заключил это сообщение такой фразой: «Но не всякая, пусть даже и титаническая деятельность дает желаемый результат»¹⁴.

Второй женой Александра Алексеевича Вознесенского была Клавдия Николаевна Мироненко (1903–1993) с которой он жил с 1933 по 1941 г. Она училась на правовом отделении ЛГУ в 1924–1927 гг., затем преподавала на юридическом факультете «Историю государства и права». В 1934 г. она была там ассистентом, преподавала в ЛИИС «Исторический материализм»¹⁵. Во время эвакуации в Свердловске 31 июля 1944 г. защитила диссертацию, стала кандидатом юридических наук. После возвращения из эвакуации снова преподавала в ЛГУ. С 23 мая 1949 г. возглавляла кафедру истории государства и права. 25 июня 1949 г. утверждена Минюстом в звании доцента¹⁶. Работала над докторской диссертацией на тему «Совет министров царской России после 1905 г.». Участвовала в подготовке большой коллективной работы «История государственных учреждений царской России в XIX веке и в начале XX века»¹⁷. В начале мая 1949 г. как секретарь партбюро юридического факультета выступила на 3-й партийной конференции ЛГУ¹⁸. Приказом по юридическому факультету от 1 декабря 1949 г. она была освобождена от должности заведующей кафедрой¹⁹. Приказом № 2972 от 10 декабря 1949 г. за подписью ректора ЛГУ Н.А. Домнина ее освободили от работы в университете, «как не могущую быть использованной на педагогической работе»²⁰. Затем появился приказ ректора ЛГУ № 319 от 31 января 1950 г. о переводе доцента Мироненко К.Н. из ЛГУ на постоянную работу в Среднеазиатский госуниверситет на должность доцента кафедры теории государства и права на основании приказа заместителя министра высшего образования СССР А.И. Михайлова²¹. Из отдельной квартиры на ул. Чайковского, 10, ее с детьми выселили в коммунальную квартиру в доме на ул. Пестеля, где они получили две комнаты. Через некоторое время один из следователей (видимо из бывших ее учеников) посоветовал ей немедленно уехать из Ленинграда. После этого во исполнение указанного распоряжения от 26 января 1950 г., также подписанного А.И. Михайловым, была переведена на постоянную работу в Томский госуниверситет²².

Она выехала туда и с февраля 1950 г. преподавала. Была арестована и привезена в Ленинград. Почти полгода находилась в следственной тюрьме Управления УМГБ ЛО, подвергаясь допросам. Находясь в нескольких сотнях метров от дома, где жили ее дети, она была лишена возможности видеться с ними. Осуждена ОСО МГБ СССР 4 июля 1951 г. по ст. 7 и 35 УК РСФСР на пять лет ссылки. Жила в с. Маклаково Красноярского

края. Работала на деревообрабатывающем предприятии в сушильном цехе. Сдала экзамен на мастера сушильного дела. Освобождена в 1953 г., реабилитирована. После возвращения в Ленинград работала в Юридическом институте, с 1954 г. в ЛГУ²³.

От брака Клавдии Николаевны Мироненко с Александром Алексеевичем Вознесенским появилось двое детей. Валерий Александрович Мироненко (1935–2000) до ареста учился в школе. Когда ему исполнилось 16 лет и он получил паспорт, был осужден ОСО МГБ СССР 22 марта 1952 г. также на пять лет ссылки. Как и мать, выслан в с. Маклаково. После освобождения был реабилитирован. Окончил ЛГИ по специальности «гидрогеология» и ЛГУ по специальности «математика-механика». С 1958 г. работал инженером, заведующим лабораторией во Всесоюзном НИИ горной геомеханики и маркшейдерского дела. Доктор геологических наук. С 1972 по 1997 г. профессор на кафедре гидрогеологии ЛГИ. С 1990 г. член-корреспондент АН СССР²⁴. Ирина Александровна Вознесенская (1941) после ареста матери была отправлена в детприемник-распределитель, находившийся в г. Пушкине, затем в детский дом № 32 на 17-й линии Васильевского острова. Находилась там до возвращения из ссылки матери в 1954 г. Окончила филологический факультет ЛГУ. Кандидат филологических наук. Преподавала в Ленинградском финансово-экономическом институте им. Н.А. Вознесенского²⁵. Ее дочь Анна Александровна Вознесенская (1966) генеральный директор весьма известной компании, занимающейся развитием обучения иностранным языкам.

В дальнейшем изложении будет подробно сказано и о других представителях рода Вознесенских, в основном репрессированных. А всего из него репрессиям в 1949–1951 гг. подвергся 21 человек.

Что касается Александра Алексеевича Вознесенского, то впервые в адресном справочнике Ленинграда он упомянут в 1925 г., как проживавший на Университетской набережной, 11, где тогда были студенческие общежития²⁶. С 1926 г. он жил на набережной реки Фонтанки, 22²⁷. В 1929–1931 гг. там же проживала и его сестра Валентина Алексеевна и их мать Любовь Георгиевна²⁸. Последние годы в Ленинграде жил на Университетской набережной, 7/9, кв. 49.

2. Александр Алексеевич Вознесенский

2.1. Ученая, педагогическая и организационная деятельность

В сентябре 1917 г. после окончания средней школы Александр Алексеевич Вознесенский поступил в Петроградский историко-филологический институт, преобразованный в 1918 г. в Педагогический институт. В 1921 г. был переведен в ПГУ. Его он окончил в 1923 г. по созданному в 1921 г. Факультету общественных наук (ФОН)²⁹. В анкете А.А. Вознесенский писал, что учился в этом учебном заведении, в 1917–1923 гг., в результате чего

получил специальность «теоретическая экономика»³⁰. Во время учебы он был с декабря 1917 г. по 1918 г. секретарем экономического отдела Петроградского райсовета, в 1919–1921 гг. уполномоченным Наркомпроса по Педагогическому институту. Писал в автобиографии: «За время пребывания в высшей школе непрерывно совмещал свои учебные занятия с общественной и советской работой, как в многочисленных студенческих организациях, так и в различных учреждениях»³¹.

С 1920 по 1923 г. он преподавал в средней школе, а с 1923 г. – во многих высших учебных заведениях, где не только вел семинары, но и читал лекции, со временем заведовал кафедрами политической экономии. В 1922–1925 г. он был преподавателем политграмоты на рабочем факультете ПГУ. В 1922–1924 гг. он секретарь Президиума ФОН ЛГУ, в который входили пять отделений: экономическое, правовое, общественно-педагогическое (история), этнолого-лингвистическое и литературно-художественное. После завершения учебы по рекомендации профессоров А.И. Буковецкого и И.М. Кулишера он был оставлен на кафедре политической экономии. В анкете А.А. Вознесенский писал, что в 1923–1931 гг. он был доцентом, а потом профессором ЛГУ, в 1925–1933 гг. он доцент, затем профессор Коммунистического института им. Н.К. Крупской. В 1925–1937 гг. – старший руководитель, начальник кафедры Военно-морской академии³². В 1929–1935 гг. он преподаватель Института красной профессуры, в 1930–1936 гг. старший научный сотрудник ЛОКА. В 1932–1936 гг. – профессор, заведующий кафедрой политической экономии ЛИФЛИ. С 1937 по 1941 г. он профессор, заведующий кафедрой Юридического института³³. Видимо, по этому институту он в декабре 1937 г. был утвержден ВАК в профессорском звании по кафедре политической экономии³⁴. В 1940 г. преподавал на Ленинских курсах при ЦК КПСС. Занимался общественной работой, был, например, в 1920–1922 гг. членом Петроградского совета, в 1934–1937 гг. членом бюро секции научных работников³⁵. Ученую степень кандидата экономических наук получил в 1936 г.³⁶ Принят в члены ВКП(б) Василеостровским райкомом Ленинграда в апреле 1927 г.³⁷

Валентина Алексеевна Вознесенская писала, что ее старший брат – Александр Алексеевич, – будучи студентом ПГУ и приезжая в Чернь на летние каникулы в 1918–1921 гг., выступал с докладами на общеполитические темы на митингах и собраниях. «Он был начитанным и образованным человеком, прекрасно владел ораторским искусством. Четкость и ясность изложения, строгая логика мышления делали его выступления весьма популярными и убедительными»³⁸.

Один из бывших студентов ФОН вспоминал о занятиях семинара по политической экономии, которым руководил профессор С.И. Солнцев. «Занятия проходили в помещении экономического кабинета. Студенты обычно собирались за полчаса и беседовали на разные темы. Перед-

ко в них принимали участие и студенты более раннего поступления: А. Вознесенский и В. Рейхардт. Рассказывали о студенческих сходках в 1920/21 учебном году»³⁹. Одна из студенток этого факультета писала, что вернувшись после длительного отсутствия в Ленинград, вероятно после лагерей и ссылки, не застала здесь А. Вознесенского. Вспоминала, что он вступил в партию значительно позже их совместной работы в академической секции, в которой он был единственным беспартийным. До этого читал лекции по политэкономии в отделении языкознания и материальной культуры ФОН⁴⁰. Другой бывший студент отмечал: «По нашему настоянию был введен факультативный курс В.В. Святловского “История социализма”. Одновременно на историческом отделении был создан семинар того же профессора по изучению произведений К. Маркса. В 1920/21 учебном году этот семинар не был еще официальным. Но в следующем учебном году был утвержден как учебный семинар по политэкономии. Немало помогал нам в академических начинаниях работавший в деканате факультета общественных наук секретарем студент А.А. Вознесенский, тогда еще беспартийный»⁴¹.

В цитируемой работе имеется такое замечание: «В 1924 г. при реорганизации ФОН секретарем его президиума был назначен кандидат в члены РКП(б) А.А. Вознесенский»⁴². В ней так же сказано, что в 1924 г. он руководил семинаром по изучению «Капитала» К. Маркса⁴³. В 1921 г. на базе ФОН было организовано Научное общество марксистов. Из экономистов в нем принимали участие А.А. Вознесенский, В.В. Рейхардт, М.Ю. Бортник, В. Серебряков, В.В. Святловский, А.А. Пальцев, А.И. Буковецкий.

Как отмечал С.И. Тюльпанов, в 1920-е гг. в острой идеологической борьбе происходило становление марксистского направления в университетском образовании. И А.А. Вознесенский был активным его представителем. Его первой научной работой стала большая статья «Социально-экономические предпосылки австрийской школы». Она была написана им еще на студенческой скамье⁴⁴. Вскоре появилась его работа «Краткий обзор русской литературы по политической экономии за 1923 г.»⁴⁵. «И хотя в отдельных положениях этих первых научных трудов А.А. Вознесенского лишь только еще отразился сам процесс становления политической экономии социализма, он уже в них проявил себя как знаток не только теоретических проблем, но и методологии этой науки, а также и методики ее преподавания»⁴⁶.

Александр Алексеевич принял самое деятельное участие в происходивших экономических дискуссиях. Особенно широкую известность приобрела его статья «К вопросу о понимании категории абстрактного труда»⁴⁷. По мнению С.И. Тюльпанова, это была первая в советской литературе работа, направленная против как идеалистических, так и

механистических искажений методологии К. Маркса. В этой статье, как и в некоторых других, содержался детальный и чрезвычайно ценный анализ такой важнейшей категории политической экономии К. Маркса, как абстрактный труд, от правильного понимания которой в конечном счете зависит все в политической экономии. Становлению подлинно марксистских взглядов способствовали такие статьи А.А. Вознесенского, как «Против идеалистических и механистических шатаний в политической экономии»⁴⁸, «Антимарксистские извращения в теоретической экономике»⁴⁹.

Но особенно ценными являются крупные по объему работы: «Предмет политической экономии» и «Товар», написанные для вузовского учебника политической экономии, выдержавшего к 1933 г. три издания⁵⁰. С.И. Тюльпанов подчеркивал, что в этих работах дан непревзойденный в советской экономической литературе тонкий и всесторонний анализ взаимосвязи предмета и метода политической экономии, основных моментов способа производства материальных благ, диалектики производительных сил и производственных отношений, двойственного характера труда и других категорий экономической науки. Утверждал, что еще в тот период Александр Алексеевич показал сущность и причины изменения содержания товарно-денежной формы продукта в различных укладах экономики переходного периода и в условиях строительства социализма, определил основополагающие начала характеристики специфической формы продукта труда в социалистическом обществе. Заметным явлением в нашей экономической литературе была его статья «Расширенное социалистическое воспроизводство»⁵¹, где была изложена система взглядов на эту проблему, которой ученые и преподаватели придерживались и в дальнейшем.

Методологический характер имели и пропагандистские статьи А.А. Вознесенского: «Значение изучения “Капитала” К. Маркса»⁵² и некоторые другие. Кроме указанных С.И. Тюльпановым, отметим такие опубликованные труды А.А. Вознесенского, как «О коммунистическом отношении к труду»⁵³, «Как жил и работал К. Маркс»⁵⁴, «Всемирно-историческое значение “Капитала” К. Маркса».

Ряд брошюр, в основном публицистического характера, был написан и напечатан в первый год войны. Так, уже в начале июля 1841 г. появилась брошюра «Организованность, дисциплинированность и самоотверженность советских патриотов – залог быстрой победы над врагом», в январе 1941 г., т. е. уже в период блокады Ленинграда – «Ленин и оборона социалистического отечества».

Занимая видное место в истории формирования и развития советской экономической мысли, научное наследие А.А. Вознесенского вместе с тем невелико по объему: обнаружено примерно 25 печатных листов его опу-

бликованных политико-экономических работ. Наиболее значительные труды не были напечатаны и рукописи пропали во время последующих репрессий.

К упомянутым трудам добавим пропавшие вследствие ареста статьи: «Марксистско-ленинская теория капиталистических кризисов» (1938), «Разработка И.В. Сталиным теории империализма», «Как самостоятельно изучать “Капитал” Маркса»⁵⁵. Не увидела света уже подготовленная к печати монография А.А. Вознесенского «Логика и основные идеи “Капитала” К. Маркса и современный капитализм» объемом свыше 11 печатных листов (1941). Также и рукопись брошюры «Динамика стоимости рабочей силы при капитализме» (1937).

М.П. Саков в своей статье приводил немало примеров, характеризующих значение научных трудов А.А. Вознесенского для становления политической экономии социализма⁵⁶. Но перед этим он характеризовал его как активного борца с фальсификаторами марксизма, выступавшими с левых и правых позиций. «Напряженность политической и теоретической обстановки нашла свое отражение в высоком публицистическом накале работ А.А. Вознесенского этого периода. В них он сражался, как и подобает ученому, – оружием знания, аргументов, творческой мысли, научной добросовестности». М.П. Саков отмечал, что предметом политической экономии являются производственные отношения как специфически общественная форма развития производительных сил. А.А. Вознесенский в числе первых советских экономистов отстаивал это исходное марксистское положение. Он всесторонне обосновывал это понимание предмета политической экономии, что имеет принципиальное значение для определения путей ее дальнейшего развития. Подчеркивая определяющую роль производительных сил в развитии общества, он много внимания уделял анализу их взаимодействия с производственными отношениями. Он доказывал их неразрывное единство и диалектическое взаимодействие, их активную роль в этом развитии. Утверждал, что для характеристики производственных отношений решающее значение имеет тип связей или способ соединения производительных сил со средствами производства. Обосновывал правомерность и необходимость существования политической экономии социализма, т.е. считал необходимым понимание того, что политическую экономию надо изучать в широком смысле, как охватывающую не только капитализм, но и все сменяющие друг друга способы производства. Доказывал, что социалистический способ производства, несмотря на то, что является планомерно организованным обществом, имеет свои экономические законы. Подчеркивал положение о сознательном использовании при социализме объективных экономических законов.

А.А. Вознесенский считал, что в период формирования политической экономии социализма как нового раздела экономической науки

особенно важно было выбрать правильный метод. Применение метода материалистической диалектики к каждой науке имеет свои специфические черты, выявление которых и составляет первейшую и труднейшую задачу. Четкая и ясная постановка этого вопроса А.А. Вознесенским, безусловно, помогла выработке исходных методологических позиций политической экономии социализма. Он утверждал, что для нее это означает, что она не может механически воспринимать логику раскрытия предмета политической экономии капитализма, должна выработать свой метод, соответствующий природе нового способа производства. Научные интересы Александра Алексеевича всегда были направлены на актуальные жизненные проблемы, идеологически острые, теоретически наиболее сложные. Поэтому он столько внимания уделял правильному пониманию таких экономических категорий, как товар и деньги. Его работы, связанные с ними, выделяются именно четкостью и ясностью научной логики раскрытия их сущности.

В заключение своей статьи М.П. Саков писал: «Секрет успешной деятельности А.А. Вознесенского кроется в том, что он глубоко понимал творческий характер марксизма. Он по-настоящему овладел его методом и умело применял его в своих экономических исследованиях. Конечно, в его трудах есть положения, характеристики и оценки, которые уже утратили свою актуальность, или оказались неточными, а иногда неверными. Это естественное следствие специфических условий того времени – начало периода формирования политической экономии социализма. Однако бесспорным является то, что он внес серьезный вклад в развитие марксистско-ленинской политической экономии»⁵⁷.

С.Д. Зак, бывший в течение первых двух лет аспирантом А.А. Вознесенского, а потом доцентом на руководимой им кафедре политической экономии в ЛГУ, писал в своей статье об истории создания упомянутой выше подготовленной к печати монографии своего учителя «Логика и основные идеи “Капитала” К. Маркса и современность». Отмечал, что раньше – в 1973 г. – писали, что рукописи этой книги и второй, упомянутой выше, «не увидели света» или «пропали», вместо того, чтобы сказать, что они были изъяты при аресте их автора и уничтожены⁵⁸. С.Д. Зак отмечал, что более подробно по этой теме он хочет высказаться в статье «А.А. Вознесенский – ученый, педагог, организатор», которую будет публиковать в будущем. А в данном случае эту же тему описал более кратко. Над рукописью первой названной книги ее автор начал работать в 1930-х гг. И перед началом Великой Отечественной войны ее объем составлял примерно, как уже сказано, 11 печатных листов. С ней были ознакомлены профессор В.В. Рейхардт и преподаватель Е.С. Берлович, которые ее высоко оценили. Потом она автором дорабатывалась, и к 1947–1948 гг. ее объем возрос до 20 печатных листов, и она была готова

к печати. По словам А.А. Вознесенского, им были написаны два или три варианта книги. На основе их он хотел опубликовать цикл брошюр, посвященных научной биографии К. Маркса, а также создать для студентов комментарий ко всем томам «Капитала», но в ином плане по сравнению с тем, как это было сделано в известной работе Д.И. Розенберга.

С.Д. Зак также отмечал: «Благодаря стечению некоторых обстоятельств, я имел возможность не только ознакомиться с рукописью А.А. Вознесенского, но даже в известной степени ее изучить. Со смертью его рукопись монографии исчезла из его личного архива и до настоящего времени нигде не обнаружена». Потому С.Д. Зак считал своим долгом хотя бы фрагментарно воспроизвести некоторые положения и мысли, сохранившиеся в памяти и в некоторых записках. Он подчеркивал, что А.А. Вознесенский писал о неразрывной связи трудов В.И. Ленина об империализме («Развитие капитализма в России» и «Империализм как высшая стадия капитализма») с «Капиталом» К. Маркса, составляющих с ним единый труд, который когда-нибудь надо вместе и издать. Он подчеркивал, что К. Маркс в своих исследованиях пользовался, прежде всего, логическим методом, а В.И. Ленин – историческим. Доказывал, что К. Маркс начал свой главный труд не с простого товарного производства, а именно с капитализма. Мысль А.А. Вознесенского сводилась к тому, что товар становится исходным пунктом социально-экономической системы капитализма с того момента, когда товаром становится и рабочая сила.

Интересны приведенные С.Д. Заком высказывания А.А. Вознесенского по поводу оперирования К. Марксом отдельными понятиями в зависимости от конкретных условий их применения. Когда, например, абстрактный труд является формой общественного труда, но в отношении к стоимости продукта выступает как ее содержание. «Эти рассуждения Александра Алексеевича нам представляются тонкими и важными для понимания диалектики категорий в “Капитале”». Большое внимание он уделил вопросам стоимости рабочей силы. Утверждал, что при определении динамики этого показателя надо брать систему капитализма в целом, брать в разные фазы ее развития, даже в разные фазы цикла. В разных странах могут брать верх как факторы понижающие, так и факторы повышающие. Много внимания уделял анализу теории прибавочной стоимости в «Капитале», о его попытках объяснить, что представляют собой «законы-тенденции», о которых писал К. Маркс. С.Д. Зак в связи с этим писал: «Поскольку каждая тенденция порождает контртенденцию, то в определенных странах, в определенные периоды та или иная контртенденция берет верх и становится доминирующей». В связи с этим А.А. Вознесенский считал, что элементы организованности, планомерности и сознательности в современном капитализме есть, прежде всего, реакция на хаос и анархию, которые грозят системе гибелью. Отсюда

стремление государства использовать эти контртенденции в интересах монополистической системы и своей политикой парализовать нежелательное действие экономических законов⁵⁹.

Л.А. Вознесенский писал, что особый интерес представляло изложение основных положений уничтоженной после ареста А.А. Вознесенского указанной рукописи. С.Д. Зак хорошо был знаком с ней. Нередко заменяя А.А. Вознесенского, он по ней читал лекции. Указывая на это, вполне справедливо отмечали, что тогда уничтожали не только людей, но и их мысли⁶⁰. Л.А. Вознесенский считал, что его отец внес весомый вклад в создание основ для появления и развития политекономии социализма. Ярко выраженная особенность его работ – их глубокая методологичность, что имело исключительно важное значение в условиях, когда еще только вырабатывались принципы научного анализа совершенно новой социально-экономической действительности, а предлагаемые выводы проверялись суровой практикой жизни. «Так, за два года до начала широкомасштабной дискуссии по этой проблеме, он в своей обширной статье “К вопросу о понимании категории абстрактного труда” первым выступил как против механистических, так и против идеалистических ее трактовок. Дал в этой и более поздних своих работах детальный и чрезвычайно ценный анализ этого основополагающего понятия экономической теории Маркса»⁶¹.

Лев Александрович подчеркивал, что заметный след в истории политекономии советского периода оставили два крупных раздела – «Предмет политической экономии» и «Товар», подготовленные его отцом для вузовского учебника, на что было указано выше. «Интегральный характер этих работ, которые представляли собой сплав экономического, философского и социологического анализа, позволял студентам пройти школу подлинного научного мышления, когда в центре внимания исследователя оказывались внутренние противоречия, присущие экономическим явлениям и процессам. Это облегчало выявить закономерности их развития и взаимодействия. В его работах дана всесторонняя характеристика предмета и метода политической экономии и их единства, основных моментов способа производства материальных благ, содержания таких понятий, как производительные силы и производственные отношения, раскрыта диалектика из взаимосвязи»⁶².

«Как и ряд других экономистов, Александр Алексеевич защищал тезис о научной правомерности и необходимости формирования политической экономии переходного периода и периода социализма. И, что особенно ценно, уже в те годы, вопреки весьма распространенным представлениям, говорил о существовании экономических законов его движения и их объективном характере. Основным из них на переходном этапе он считал закон социалистического обобществления, который реализуется через

плановую деятельность государства. Она же, по ее выполнению, может быть успешной только при использовании товарной формы в качестве рычага планирования народного хозяйства. Вместе с тем, подчеркивая товарный характер тогдашнего общественного производства, он впервые проанализировал социально-экономическую природу и роль продукта труда в каждом секторе народного хозяйства в переходный период»⁶³.

В публикациях, посвященных анализу политико-экономических работ А.А. Вознесенского, отмечается, в частности, и статья «Расширенное воспроизводство» (1941), где обозначены его важнейшие черты и особенности. И именно такая система взглядов на эту проблему стала затем общепринятой в научной и учебной литературе. В равной степени это относится и к другим новаторским позициям. Своими сочинениями, создававшимися автором в процессе поиска научной истины, преодоления принимавшихся экономистами (в том числе и им) в то время за истину заблуждений, он принимал активное участие в коллективной выработке методологических основ и теоретических выводов нарождающейся политекономии социализма.

В высшей степени требовательный к себе во всем, и прежде всего в научном отношении, он, добиваясь максимальной точности в содержании, в научной разработке тех или иных идей, умел изложить их просто и доходчиво. Именно с этих позиций он не был удовлетворен хорошо известным в те годы, весьма полезным при всех его недостатках уже упомянутым четырехтомником «Комментариев» Д. Розенберга к «Капиталу» К. Маркса. Он считал, что раскрыть логику и содержание этого основополагающего труда можно и нужно глубже, точнее, доходчивее. И при всей своей занятости практическими делами он все же делал наброски для такого издания. К сожалению, они, как и фактически законченные рукописи книг, были уничтожены вместе с автором. Прирожденный, как многие считали, администратор, блестящий организатор, он тем не менее остро переживал то, что служебные и общественные обязанности отвлекали его от чисто научной и преподавательской деятельности. Однажды, в пору самых высоких официальных признаний эффективности его работы на посту министра, он с ноткой горечи сказал: «Все, что я делал и делаю в сфере управления, очень скоро после того, как я уйду из нее, забудется. Останется лишь то, что принадлежит науке»⁶⁴.

Теперь от рассмотрения ученой деятельности А.А. Вознесенского перейдем к деятельности педагогической, хотя в жизни этого человека их полностью разграничить весьма трудно. И это потому, что, например, элементы науки он стремился привнести во все сферы деятельности. Как писал С.И. Тюльпанов в цитируемой работе, А.А. Вознесенский, несомненно, достиг вершины педагогического мастерства. «Секрет его успеха не только в том, что он обладал поразительной работоспособно-

стью, глубокими знаниями, остроумием и великолепным ораторским мастерством. Но и тем, что для него было характерно уважение к аудитории, стремление поделиться со слушателями не столько тем, что они могут прочесть в литературе, сколько новым, рожденным недавно. Он считал, что студент университета должен обладать не просто суммой знаний, а знаниями, основанными на подлинно научной методологии. Он должен понимать логику той науки, которую он изучает. Выводы им не декларировались, а доказывались. Аудитория подходила к ним как бы самостоятельно».

Как отмечал академик М.П. Алексеев (1896–1981), он встретил А.А. Вознесенского в самое суровое время – осенью 1941 г. «Сосредоточенный, озабоченный, но собранный, спокойный, строгий. Он как бы воплощал в себе идеального, прирожденного руководителя. Таких руководителей редко можно встретить именно среди ученых. Некоторые из них увлекаются организационной деятельностью в ущерб своим научным интересам. Другие, наоборот, принужденно занимаются хозяйственно-административными делами, с горечью покоряются обстоятельствам, которые отрывают их от книг. Для меня и сейчас остается загадкой, как А.А. Вознесенский мог совместить в себе и ученого, и администратора, и педагога. Казалось, что он работает круглосуточно, не зная ни сна, ни отдыха. Более того, представлялось, что он сам был увлечен каждым делом, с которым вы к нему обращались. Внимание, заинтересованность твоими делами, тобой как человеком, как членом большого коллектива, даже твоими научными замыслами. Все это действовало неотразимо на собеседников». М.П. Алексеев также писал, что на филфаке по инициативе А.А. Вознесенского был основан Филологический институт, открыты три новых отделения: испанское, скандинавское, славянское. Он считал, что в истории славистики мало отражен такой эпизод, как возрождение в конце 1940-х гг. международных конгрессов славистов, посвященных славяноведению как науке. Это было сделано при непосредственном участии Александра Алексеевича, который был поистине вдохновителем этого чрезвычайно полезного дела. Весной 1947 г. он был организатором создания Ленинградского отделения Всероссийского общества «Знание», был его председателем⁶⁵.

С.И. Тюльпанов характеризовал совместное с А.А. Вознесенским преподавание политической экономии на Ленинских курсах при ЦК КПСС в 1940 г. При этом он писал, что «читать лекции после него было довольно трудно. И не только по политической экономии, но по другим социально-экономическим дисциплинам. Уровень его лекций по содержанию и по педагогическому мастерству был, в известной степени, катализатором повышенной интенсивности работы всего коллектива преподавателей над своими курсами. Это стихийно возникшее своеобразное соревнование

осуществлялось без всяких формально зафиксированных обязательств. Оно весьма положительно сказалось на общем уровне преподавания на курсах»⁶⁶.

Что касается организационной деятельности А.А. Вознесенского, то о ней еще будет немало сказано ниже.

2.2. В ЛГУ: создатель политико-экономического факультета и ректор

Следует отметить, что в 1918 г. юридические факультеты российских университетов, в рамках которых изучались не только правовые, но и экономические науки, достигшие к началу XX в. высокого уровня развития, были упразднены. Вместо них были созданы громоздкие и малоуправляемые ФОНы, целью которых была коренная перестройка преподавания всех общественных наук на основе марксизма. Летом 1925 г. ФОН ЛГУ был закрыт, его экономическое отделение было присоединено к экономическому факультету ЛПИ. Туда же перешли многие теоретики-экономисты, работавшие в ЛГУ. В университете остались лишь общеуниверситетские кафедры политической экономии и теории советского хозяйства. Они выполняли чисто идеологические, пропагандистские функции. К тому же их работники в ходе многочисленных кампаний 1930-х гг., направленных на борьбу с «врагами народа», нередко становились жертвами политических репрессий. В результате кадровый состав этих кафедр становился все более слабым.

В начале 1930-х гг., после провозглашения курса на развернутое наступление социализма по всему фронту в СССР существенно изменилась и политика в сферах образования и науки. Тогда бытовал лозунг «Науку необходимо "ввинтить" в производство». На практике это приводило к дальнейшей деградации и атрофии фундаментальной теории во всех общественных науках, включая экономическую. Дело дошло до того, что в конце 1930-х гг. на кафедре политэкономии ЛГУ не было ни одного профессора и даже доцента, а среди 101 члена университетского ученого совета не было ни одного экономиста. В декабре 1939 г. студент пятого курса экономического отделения исторического факультета ЛГУ Э.М. Юдовин писал, имея в виду старую общеуниверситетскую кафедру политэкономии: «Несколько больше года тому назад университетская кафедра политической экономии не была центром ни научной, ни методической работы. Ряд курсов читался на низком уровне. Студенты были недовольны постановкой преподавания политической экономии»⁶⁷. Подобная ситуация наблюдалась и в других университетах страны. В конечном счете, курс политической экономии был временно снят с преподавания во всех вузах страны⁶⁸. В 1938 г. в СССР не хватало 300 преподавателей политэкономии и философии. В то же время к началу

этого года по всей стране при кафедрах социально-экономических наук проходили подготовку всего семь аспирантов по политэкономии и 25 – по философии⁶⁹.

Руководство партии, политика которой довела до подобного кризиса, обвинило в этом и других провалах системы высшего образования так называемых «врагов народа». К ним были причислены, в частности, назначенные совсем недавно, в мае 1936 г., председатель Комитета по делам высшей школы при СНК СССР И.И. Межлаук (1891–1938) и его заместитель, видный экономист Ш.М. Дволайцкий (1893–1937)⁷⁰, а также многие директора вузов, в том числе и директор ЛГУ М.С. Лазуркин (? – 1937). Все они были расстреляны.

После выхода в свет «Краткого курса истории ВКП(б)» партийное руководство страны ставит вопрос о необходимости резкого усиления идеологической работы. В резолюции Первого Всесоюзного совещания работников высшей школы СССР, состоявшегося в 1938 г., указывалось на необходимость «уделить особое внимание преподаванию социально-экономических дисциплин, как одному из основных условий овладения большевизмом. Организовать подготовку и повышение квалификации преподавательских кадров по политэкономии, философии и ленинизму»⁷¹. Таким образом, необходимость открытия политэкономических факультетов для подготовки преподавателей политэкономии обосновывалась потребностями идеологического характера. Задача ставилась так: «...советскому специалисту надо знать основы политэкономии... в такой же мере, как сопротивление материалов»⁷². Интересно, что такое заявление было сделано на указанном совещании студентом Московского института коммунального строительства Д.М. Гальпериним.

После ликвидации ФОН в ЛГУ осталась только кафедра политической экономии, которая с 1934 г. входила в состав исторического факультета. Ее заведующим был профессор Плотников, репрессированный в 1937 г. Кафедра статистики была ликвидирована. В 1938 г. партком ЛГУ поставил вопрос о восстановлении и укреплении кафедры политэкономии. 7 февраля 1939 г. приказом по ЛГУ А.А. Вознесенский назначен на ней профессором⁷³, а 15 июня 1939 г. и. о. заведующего⁷⁴. 17 июня 1940 г. приказом по ЛГУ приставка «и.о.» была снята⁷⁵. Надо отметить, что утверждение его на этом посту партийным бюро ЛГУ произошло только 21 ноября 1940 г.⁷⁶

В то же время по его инициативе в сентябре 1939 г. на историческом факультете ЛГУ было открыто экономическое отделение, на которое были зачислены более 100 студентов (не только с исторического, но и с других факультетов университета, например с географического). По этому поводу сами организаторы писали: «Только во втором семестре 1938/1939 учебного года по инициативе А.А. Вознесенского и группы

студентов исторического факультета, перешедших из недолго существовавшего и имевшего экономический уклон ЛИФЛИ, было создано небольшое экономическое отделение <...> Заведующим отделением была проделана большая работа по подбору квалифицированных работников, а также по отбору действительно интересующихся экономической наукой студентов»⁷⁷.

В июне 1940 г. был издан приказ МВО о введении в вузах преподавания политэкономии и диалектического и исторического материализма⁷⁸. В начале 1941 г. в печати отмечалось: «Вопрос об экономической подготовке специалистов, выпускаемых высшими техническими учебными заведениями, становится одним из центральных в работе высшей школы»⁷⁹. Нужно было срочно готовить преподавателей по этим дисциплинам. Вот почему в 1940 г. принимается решение об открытии политэкономических факультетов в ряде центральных университетов страны. Был издан приказ ВКВШ № 535 от 3 июля 1940 г.: «Открыть с 1 сентября 1940 г. при Ленинградском университете экономический факультет на базе существующего экономического отделения исторического факультета. Зам. председателя ВКВШ А. Жуков»⁸⁰.

Первым деканом политико-экономического факультета ЛГУ был назначен А.А. Вознесенский с 1 августа 1940 г. в соответствии с приказом № 226 от 10 сентября 1940 г.⁸¹ Факультет был открыт в составе трех курсов. Перед Александром Алексеевичем встала серьезнейшая задача – формирование костяка факультета – профессорского корпуса, который всегда определяет его педагогический и научный потенциал, его авторитет. Эта задача была решена весьма успешно. Несомненно, немалую роль в этом сыграл субъективный фактор – личные качества А.А. Вознесенского, его незаурядный организаторский талант, энергия. Но немалое значение имел объективный фактор. К концу 1930-х гг. в Ленинграде почти не осталось квалифицированных теоретиков-экономистов: их воспроизводство, как уже отмечалось, было блокировано, а зрелые ученые либо оказывались жертвами бесконечных репрессий, либо постепенно вымирали. К руководству партийными организациями на разных уровнях приходят люди, плохо ориентирующиеся или совсем не ориентирующиеся в вопросах экономики, что порождало бесхозяйственность и непростительные ошибки, за которые приходилось дорого платить. Руководство партии выдвигает в этих условиях лозунг резкого повышения уровня экономической подготовки партийных кадров, тем более что в соответствии с дополнениями к Уставу ВКП(б), принятыми в марте 1939 г. на XVIII съезде ВКП(б), производственные партийные организации получили право контроля хозяйственной деятельности администрации. В своем докладе «Третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР» В.М. Молотов подверг критике тех руко-

водителей, «которые считают ниже своего достоинства заглядывать в баланс, изучать отчетность, заботиться о хозяйственном расчете. С этой беззаботностью и экономической безграмотностью надо решительно покончить, как с антигосударственной и антибольшевистской практикой»⁸². В мае 1940 г. секретарь Ленинградского горкома ВКП(б) А.А. Кузнецов в своем отчете о работе Горкома ВКП(б) заявил: «Нужно поставить вопрос, чтобы наши хозяйственные и партийные кадры овладели основами экономической науки»⁸³. Решительного поворота партийных организаций и хозяйственных руководителей к экономической стороне деятельности предприятий потребовала и состоявшаяся в мае 1940 г. IX областная и VII городская Ленинградская объединенная партконференция. В принятой резолюции указывалось: «Партийные, советские, хозяйственные и другие кадры должны постоянно расширять свои знания в различных областях общественно-политических наук»⁸⁴. Руководящие партийные работники встали перед необходимостью существенного повышения уровня своей экономической подготовки. Немногие оставшиеся в живых старые экономисты, получившие образование еще в дореволюционной России или за границей, еще недавно гонимые властями, теперь привлекаются к чтению лекций для партийного актива всех уровней. Лекции для руководящих работников в 1940 г. читали, в частности, ленинградские профессора А.И. Буковецкий, В.В. Новожилов, А.И. Ротштейн.

В декабре 1940 г. в Коллегии НКП РСФСР состоялось обсуждение работы ЛГУ. Как отмечалось в отчете, «в прениях, развернувшихся по докладу директора ЛГУ П.В. Золотухина и содокладу зам. начальника Управления университетов НКП РСФСР Усачева, выступавшие (начальник Управления университетов Щеголев, зам. наркома Сергеенков, начальник Управления подготовки учителей Каблуковский, академики Байков, Мещанинов и др.) отметили ряд бесспорных достижений университета, в частности, восстановление гуманитарного образования (создание исторического, философского, экономического, филологического факультетов), пополнение ряда кафедр высококвалифицированными кадрами...»⁸⁵.

В начале 1941 г. А.А. Кузнецов сообщил о том, что в этом направлении уже сделано много: «Проводится большая работа по ознакомлению руководящих партийных и хозяйственных работников с основами политической экономии, с экономикой социалистической промышленности»⁸⁶.

В.В. Ковалев писал, что «во втором семестре 1938/1939 учебного года по инициативе А.А. Вознесенского на основе группы студентов исторического факультета было создано небольшое первое в стране политико-экономическое отделение исторического факультета, которым он руководил. В 1940 г. на его базе также по его инициативе был создан политико-экономический факультет, который он возглавил. На нем тогда

функционировали две кафедры – политической экономии (заведующий профессор А.А. Вознесенский) и конкретных экономик (заведующий профессор Я.С. Розенфельд). В его структуре не было кафедры по финансовой проблематике. И отдельные вопросы финансов, денежного обращения, кредита и банков освещались в курсах политэкономии капитализма и истории экономической мысли»⁸⁷.

«Сам факт создания факультета политэкономии был крупным событием в деле окончательного оформления системы преподавания и научной работы в крупнейшем советском университете, которым является ленинградский. Создание в ряду университетских факультетов экономических – большое достижение в строительстве советских университетов вообще. Наш университет может гордиться тем, что был в числе пионеров этого важного шага в развитии системы преподавания и научной работы университетов. В самом деле, как можно представить себе систему советских университетов, строящих всю свою учебную, научную и воспитательную работу на основе определяющей роли единственно-научного мировоззрения – марксизма-ленинизма, если в этой системе не признается необходимой, органической частью политическая экономия, которую Ленин характеризовал как главное содержание марксизма». Подчеркивалось, что он является прямым продолжением недолго существовавшего в прошлом экономического отделения ФОН. «Хотя там преподавали профессора далеко не всегда являвшиеся последовательными марксистами, обстановка тех лет позволяла подготовить кадры, которые явились костяком современного политико-экономического факультета, а также работают ныне на преподавательской и научной работе в других учебных заведениях страны. На экономическом отделении ФОН политической экономией руководил профессор Солнцев, считавший себя марксистом, неплохо знавший марксистскую литературу, сам испытывавший на себе значительное влияние так называемого “социального направления” буржуазной политической экономии. Надо отдать ему должное: в его кружках и семинарах проходили неплохую школу учащиеся того времени. Из других профессоров следует отметить И.М. Кулишера, видного ученого в области истории народного хозяйства, В.В. Святловского в качестве заведующего отделением, помогавшего студенчеству в борьбе за советское лицо отделения и освоение марксистской науки, А.В. Венедиктова (экономика и организация промышленности), А.И. Буковецкого (денежное обращение и кредит). Их лекции и семинары вооружали фактическим материалом, методикой научной и учебной работы»⁸⁸.

По этому поводу В.С. Торкановский писал в одной из своих статей об экономическом факультете ЛГУ, причем в разделе сборника, весьма остроумно названного «Оттепель в отдельно взятом вузе»: «Факультет создавался в годы, которые, бесспорно, были для нашей страны наиболее

трудными. Только что прошла серия тяжелейших сталинских репрессий, уничтоживших лучших специалистов самых разных профессий, особенно тех, которые получили образование еще в дореволюционной России. Экономика не стала исключением. Более того, поскольку эта наука была в то время сильно идеологизирована, она оказалась в числе наиболее пострадавших. Существовала очевидная опасность того, что отечественные экономисты в будущем станут не знатоками хозяйственных проблем, а всего лишь толкователями текстов классиков марксизма-ленинизма. Переломить складывающуюся тенденцию деградации отечественной науки было нелегко, но возможно. Попытку сделать это предприняло трое ленинградских экономистов, испытавших ранее репрессии на самих себе. Это были Александр Вознесенский, Сергей Тюльпанов и Виктор Рейхардт. Именно в этом тесном кружке зародилась идея создания экономического факультета университета. При этом непосредственным организатором стал Вознесенский»⁸⁹.

В.С. Торкановский считал, что это ему удалось сделать лишь благодаря определенному стечению обстоятельств. При этом основное значение имело то, что его младший брат – Николай Алексеевич Вознесенский, при поддержке А.А. Жданова буквально за несколько лет сделавший феноменальную карьеру, «вознесся» к 1938 г. на пост председателя Госплана СССР, а на следующий год стал заместителем председателя СНК. «Несмотря на то, что Александр Алексеевич был человеком иного типа, нежели Николай, склонный к научно-аналитической, а не к политической деятельности, и отношений между братьями практически никаких не было, однако фамилия Вознесенского позволяла в этот период добиваться того, чего не удалось бы простому смертному». Он подчеркивал, что А.А. Вознесенский создал факультет в качестве научного центра, а не идеологического, хотя, естественно, в те годы быть свободным от марксизма было невозможно, да и сам Александр Алексеевич к этому не стремился. «В результате первые выпуски факультета становились обладателями комплекса реальных знаний, а не набора оторванных от жизни догм. Однако любой либерализм в те годы, не мог быть устойчивым. Менее чем через 10 лет все резко изменилось к худшему <...> Прервалась связь поколений, нарушены были лучшие университетские традиции».

В другой своей статье В.С. Торкановский отмечал, что в конце 1930-х гг. из-за недостатка кадров нельзя было обходиться в преподавании экономических дисциплин одними профессорами-коммунистами. Поэтому А.А. Вознесенский привлек преподавателей из числа старой интеллигенции, хорошо знавшей свой предмет. Так что в тот момент в этом не было ничего героического, как пишут некоторые. Другое дело, что он сумел их сплотить в единый коллектив⁹⁰. Однако все же опасность неблагоприятных последствий от такого шага им, наверное, в какой-то

мере все же ощущалась. Но главным для него, как всегда, было дело. В мае 1941 г. прошла 1-я конференция коммунистов ЛГУ, и его избрали в партбюро⁹¹. И это, казалось, не могло не укрепить его позиции. Но, к сожалению, это только так казалось.

Из отчета о деятельности кафедры политической экономии, руководимой А.А. Вознесенским, видно, что в 1940 г. ее сотрудники разрабатывали такие проблемы: «Развитие ленинской теории империализма» (А.А. Вознесенский), «Проблемы докапиталистических формаций» (В.В. Рейхардт), «Против буржуазной апологетики в теории национального дохода» (А.А. Пальцев), «О распределении доходов и богатств в современной Англии» (М.В. Раутбард), «Особенности экспорта капитала в различного типа страны» (М.Ю. Бортник), «Социально-экономические воззрения Ш. Фурье» (Е.М. Виленкина), «Стахановское движение и переход к коммунизму» (М.Б. Гинзбург), «Производительные силы и производственные отношения в СССР» (совместно с кафедрой марксизма-ленинизма). В годы Великой Отечественной войны кафедрой разрабатывались такие проблемы: «Война и социалистическое хозяйство» (В.В. Рейхардт), «Опыт работы зарубежных предприятий в условиях войны» (Я.С. Розенфельд)⁹². В.С. Торкановский писал: «К июню 1941 г. факультет политической экономии набрал уже большую силу. Шли занятия на четырех курсах, всего обучалось более 200 студентов, много аспирантов. К чтению лекций стали привлекаться молодые ученые, среди них А.Г. Милейковский, Е.Д. Каганов, А.А. Пальцев и другие. Приближалось время, когда молодая поросль политэкономов должна была выступить со своими научными исследованиями, начало которым было уже положено. Настроение на факультете было оптимистическое, в коллективе существовало полное морально-политическое единство, все были уверены в том, что тяжелые испытания, которые советская общественная наука претерпела в 1930-е годы, не повторятся»⁹³.

Как писала Л.Л. Эляшова, «впоследствии, став опытным лектором, я особенно ясно поняла природу мастерства Александра Алексеевича. Он умел показать логику теоретических открытий так, что мы чувствовали себя причастными к этим открытиям и уходили с лекции в радостном, приподнятом настроении. Теоретические положения на этих лекциях не оставались абстракцией, они объясняли жгучие вопросы современности. Немало студентов Вознесенского полюбили политическую экономию, кто-то полюбил ее пожизненно. Элюся Рыжикова, Таня Пьянова и я перешли на политико-экономический факультет (с исторического. – *В.Г.*). Даже дополнительная сдача многих экзаменов не устрасила нас. И, должна признаться, что, став преподавателем, старалась читать лекции так, как читал их профессор Вознесенский. Его давно не было в живых, но то, чем он наградил нас, своих учеников, продолжало жить»⁹⁴.

С.М. Фирсова говорила о нем: «Александр Алексеевич был человеком исключительного обаяния. Стройный, красивый, скромно и со вкусом одетый, с добрыми глазами и приветливой улыбкой, он всегда был готов помочь в работе, делах, беде. Это притягивало к нему людей разного возраста и положения – от сотрудников кафедры политической экономии ЛГУ, которой он заведовал с 1939 по 1948 г., до студентов». Она отмечала, что с началом войны он был назначен ректором ЛГУ. Действительно, это произошло в соответствии с приказом наркома просвещения РСФСР № 750 от 11 июля 1941 г. Кто его рекомендовал на этот пост, трудно сказать, возможно А.А. Жданов. Естественно, что экономическому факультету он смог уделять меньше внимания, но оставался заведующим кафедрой политической экономии и читал курс лекций. В 1947 г. по его инициативе при политико-экономическом факультете был создан НИИ ЭФП. В самом начале первого военного учебного года он говорил: «Честь и достоинство нашего Университета и его ведущая роль среди ленинградских вузов обязывает держать высоко знамя Университета, и работать в настоящей сложной обстановке, не допуская никаких проявлений либерализма в оценке знаний студентов, не делать скидки на трудности»⁹⁵. Обратим внимание, что о ведущей роли ЛГУ он говорил с первых дней своего ректорства, правда пока только в пределах Ленинграда.

С.М. Фирсова также писала: «Недюжинные организаторские способности Александра Алексеевича, его активность, большое чувство ответственности ярко проявились на должности ректора. Он был вездесущим и вникал во все важнейшие вопросы, стоявшие перед университетом, и в то же время оставался демократичным руководителем, доступным для любого сотрудника, любого студента. Если возникали трудности, которые, казалось, мог решить только ректор, студент записывался к нему на прием в уверенности, что в назначенный день он будет принят и в случае необходимости ему помогут. Из этого вовсе не следует, что А.А. Вознесенский был этаким “добрым дядюшкой”. Он был очень строгим и требовательным руководителем. Но все знали – он строг и справедлив. И к нему шли безбоязненно, веря, что истина и человечность для него важнее всего»⁹⁶.

Профессор Н.М. Волынкин отмечал, что «встреча и совместная работа с такими людьми, каким был А.А. Вознесенский, не проходит бесследно. Она помогает в дальнейшей работе и жизни. В последующие десятилетия каждый, с кем я учился и трудился в то время, когда он был ректором, подчеркивал, что работать с ним было нелегко, но интересно и поучительно»⁹⁷.

О.С. Иоффе, ставший известным знатоком гражданского права, писал, что, когда он поступил на юридический факультет ЛГУ в 1938 г., читавшие им разные курсы лекторы производили удручающее впечатление, кроме

И.И. Яковкина и Крыльцова. «Однако произошел ошеломляющий перелом, когда на кафедру взшел для преподавания политической экономии профессор Вознесенский. Прочно сшитый и крепко сшитый, всегда в отглаженном черном костюме и белой рубашке с галстуком, он уже своим видом производил убедительное впечатление. Когда же бурным потоком полилась его стройная, безукоризненно грамотная речь, он мог делать с аудиторией все, что считал нужным. Александр Алексеевич строил свои лекции на началах абсолютной логики, ни одного лишнего слова, посылка за посылкой, вывод за выводом, он вел слушателей от одного тезиса к другому, давая для отдыха великолепные отступления, во время которых удавалось оторваться от конспектирования и с наслаждением слушать увлекательные попутные пассажи. Но это продолжалось недолго. Как только исчезала улыбка с лица, и улыбчивый голос сменялся серьезным звучанием, студенческие руки начинали вновь двигаться для важнейших записей, не пропуская ни одного слова, без которого все то, что так хорошо усваивалось, вдруг ускользало от слушателей из-за разрыва стройных логических связей. Тут вы впервые начинали если не понимать, то чувствовать, что такое гуманитарная наука, и вам самому хотелось стать ученым, если не таким, как Вознесенский (при любом сомнении мысль эта казалась дерзкой), то, по крайней мере, по преподанному им образцу. С большой горечью узнал я в конце сороковых – начале пятидесятых годов о тяжелой участи Вознесенского, который был арестован и погиб в застенках КГБ <...> Тот, кто его слушал, мог свободно читать и перечитывать Маркса. Я это делал с “Капиталом” пять раз: общее ознакомление при первом чтении, при втором – углубленное знакомство с тем же трудом, при третьем – сосредоточение на примечаниях автора, могущих служить самостоятельным, остроумным, полным иронии произведением, при четвертом и пятом – тщательное конспектирование читаемого и перечитываемого. Как ни относиться к Марксу, считать ли, что его теория явилась переходом от утопии к науке или от утопии к утопии, марксово учение об экономике капитализма перенасыщено подлинно научным анализом. А социализма он касался лишь косвенно, как писал Ленин, и потому оказался здесь свободным от утопии»⁹⁸.

Профессор С.С. Кузнецов вспоминал А.А. Вознесенского после назначения его ректором университета: «Это был мужественный, энергичный, живой, работающий человек, влюбленный в университет, в котором он получил образование и остался на научно-преподавательской работе. В те довоенные времена вознаграждение научно-преподавательских кадров было весьма скромно. Теперь можно сказать, что, вероятно, это было хорошо, так как в науку и преподавание шли люди, если так можно сказать, одержимые, увлеченные этими профессиями. Они не искали никаких материальных благ и были счастливы, что им удалось остаться

в университете для овладения наукой и преподавательским мастерством. Таким и был профессор А.А. Вознесенский, что он особенно обнаружил в годы войны»⁹⁹.

Следует отметить, что непосредственно перед началом Великой Отечественной войны – 30 апреля 1941 г. – из ЛГУ было послано в Министерство просвещения Эстонской республики письмо, в котором сообщалось о положительном решении в связи с их просьбой направить лекторов для чтения лекций по отдельным курсам. Среди профессоров, которые могут быть для этого направлены в сентябре текущего года, указан А.А. Вознесенский, который может прочесть лекции по следующим темам: 1. Закономерности социалистического воспроизводства. 2. Общий кризис капитализма и Вторая мировая война. 3. Социализм и коммунизм. 4. Значение «Капитала» Маркса¹⁰⁰.

2.3. Начало Великой Отечественной войны, блокада Ленинграда и эвакуация в Саратов

Начало войны круто изменило жизнь А.А. Вознесенского. В приказе наркома просвещения РСФСР № 750-л от 11 июля 1941 г. говорилось: «1. Назначить тов. Вознесенского Александра Алексеевича ректором Ленинградского государственного университета. 2. Тов. А.М. Комарову приступить к работе проректора»¹⁰¹. В приказе по ЛГУ № 372 от 18 июля 1941 г. было указано, что ректором он назначается с 3 июля 1941 г. с выплатой ему дополнительно 50 % оклада заведующего кафедрой политической экономии¹⁰². Вскоре он был назначен начальником штаба местной противовоздушной обороны ЛГУ.

Общую обстановку первых месяцев войны наиболее полно характеризует В.С. Торкановский: «План срочных мероприятий, необходимых в случае войны, не был полностью отработан. Ректору приходилось самому решать многие сложные задачи, связанные с ее началом. Стало ясно, что Александр Алексеевич Вознесенский не только ученый-теоретик, но и человек, способный к решительным действиям. Вскоре началась мобилизация студентов и сотрудников ЛГУ в армию и на трудовые работы. В эти дни я ректора не видел, но все мы знали: в университете есть лидер, вокруг которого сплочен наш коллектив. Этому лидеру можно было верить, он беспредельно предан общему делу, является мудрой и светлой личностью. Каждого он напутствует на большой труд, с каждого строго спрашивает за результаты работы, каждого поймет <...> Главное – он сам среди нас, все делит с нами, никакие личные чувства его не одолевают. Он вселял неистощимую веру во всех. Все службы университета работали четко. Бережно сохранялись бесценные культурные сокровища. Создавались стационары для лечения ослабевших преподавателей и студентов. Коллектив ученых продолжал свои исследования, читал в

осажденном городе лекции, проникнутые патриотизмом, уверенностью в нашей победе. Александр Алексеевич, похудевший, горевший внутренним неистребимым огнем, был повсюду. Он провожал нас в армию, посещал госпитали, добывал хлеб и дрова для ученых и студентов. Стена его кабинета, выходящая в коридор, была теплее других, люди старались постоять возле нее. Несколько раз в день ректор выходил из кабинета и молча, жестом, приглашал их зайти и обогреться»¹⁰³.

Как вспоминал В.И. Демин, «в первые дни войны студентов направляли рыть окопы на Карельском перешейке. Шли строем на Финляндский вокзал. Впереди был профессор А.А. Вознесенский. На привокзальной площади он выступил с напутственной речью. Он, в частности, сказал: “Друзья учтите, что войну наш народ ведет не против капитализма вообще, а только с германским фашизмом”»¹⁰⁴.

Л.Л. Эльяшова вспоминала: «Любили мы А.А. Вознесенского не только как профессора, но и как ректора. В самое мрачное время, когда “пал ленинградец на желтый снег пустынных площадей” (О. Берггольц), студенты университета не чувствовали себя забытыми в промерзших зданиях и общежитиях. Из комнаты в комнату несло: “Вознесенский приходил к нам в общежитие, расспрашивал. Бодрый, белый воротничок”; “У нас в лаборатории был ректор”; “Ректор говорил, что в главном здании скоро будет кипяток”. И действительно, вскоре мы могли выпить кружку драгоценного кипятку, согреться. В конце ноября 1941 г. фугасной бомбой был взорван флигель нашего общежития на 5-й линии Васильевского острова, 66. Много народу погибло, день и ночь шло спасение заваленных обломками. Вдруг узнаем: ночью приезжал Вознесенский, разговаривал с теми, кого спасли, укрывал их одеялами. Как-то само собой к имени нашего ректора стали добавлять слово “папа”. “Папа Вознесенский переводит нас на филологический факультет!” – разнеслась однажды весть. Это было спасение. В нашем общежитии царили холод и мрак – ледяные батареи, фанера на окнах, а на филфаке – печи, светлые аудитории. “Папа” распорядился топить печи мебелью, и мы получили благодатное тепло. “Папа Вознесенский нас эвакуирует, он добьется, он спасет нас”. И он добивался всего, чего можно было добиться; спасал тех, кого можно было спасти, – студентов, профессоров, сотрудников, университет»¹⁰⁵.

Из студентов и преподавателей создавались партизанские отряды. Комиссар одного из них – М.Д. Смолкин – писал: «Хочется отметить то внимание и заботу, которое проявил к нашему отряду [партизанскому] ректор университета А.А. Вознесенский. Тогда с питанием было трудно, но он постарался обеспечить нам питание, остающиеся студенты-комсомольцы окружили нас уходом. И вскоре мы готовы были двинуться [в новый партизанский поход]»¹⁰⁶. По свидетельству очевидцев, Александр Алексеевич много сделал для спасения студентов и сотрудни-

ков ЛГУ в период блокады города путем организации стационаров для ослабевших и больных.

Л.Л. Эльяшова писала: «Массовая эвакуация ленинградцев через Ладожское озеро началась 22 января 1942 г., главным образом в сторону Кавказа, куда вскоре вторглись немцы. Насколько мне известно, нас от этой участи спасло то, что наш ректор А.А. Вознесенский добился разрешения на эвакуацию ЛГУ на базу Саратовского университета, объясняя, что мы едем не отдыхать, а работать. Мы оказались первыми блокадниками, прибывшими в Саратов в марте 1942 г.»¹⁰⁷. Как отмечал В.Н. Семенов, «15 февраля 1942 г. железнодорожный состав с эвакуированными прибыл в наш город, где их встречали как героев и сделали все возможное для размещения людей, их питания, адаптации к местным условиям. Уже через 10 дней после приезда и студенты, и преподаватели прибывшего университета приступили к занятиям...»¹⁰⁸ Л.Л. Эльяшова согласилась с указанным описанием встречи, но утверждала, что первый эшелон прибыл 11 марта и до конца месяца прибывшие приходили в чувство после всего пережитого.

По некоторым косвенным признакам можно сделать предположение, что А.А. Вознесенский ставил перед властями Ленинграда вопрос об эвакуации университета еще в первые дни сентября 1941 г., до установления полной блокады города (8 сентября). Но ему это власти не разрешили, как считается, из-за боязни возникновения паники среди населения. Сам Александр Алексеевич, проводив последний эшелон с коллективом ЛГУ 3 марта 1942 г.¹⁰⁹, прибыл в Саратов самолетом и встречал там первый из них.

1 апреля 1942 г. А.А. Вознесенский сообщил председателю ВКВШ С.В. Кафтанову о том, что университет после перерыва возобновил в Саратове свою учебную и научную работу¹¹⁰. Также писал ему, что на первом заседании ученого совета университета в эвакуации 13 апреля были заслушаны доклады о намеченной научной работе в 1942 г. и подробные планы учебной работы во 2-м семестре 1941/1942 учебного года¹¹¹. Отметим, что по состоянию на 14 мая 1942 г. в ЛГУ был 391 студент, в том числе на политико-экономическом факультете – девять, из них на 2-м курсе – три и на 5-м – шесть¹¹². На 1 августа 1942 г. на этом факультете было 15 студентов, в том числе на 2-м курсе – двое, на 3-м курсе – пять и на 5-м курсе – восемь при общей численности студентов университета 421 человек¹¹³. В составе ученого совета ЛГУ было два представителя факультета: декан доцент В.В. Рейхардт и профессор кафедры конкретных экономик Я.С. Розенфельд¹¹⁴. Тогда из Москвы рекомендовали на политико-экономическом факультете иметь три специализации: 1. Теория политической экономии. 2. Теория статистики. 3. Проблемы синтетического народно-хозяйственного планирования. Правда, В.В. Рейхардт в

тот момент выступал против последней специализации¹¹⁵. Но, видимо, потом согласился.

В.Н. Семенов писал, что особенно сложная обстановка сложилась в Саратове во время Сталинградской битвы, когда город считался прифронтовым, был наводнен войсками, ранеными. «Но Александр Алексеевич был сильной личностью и умел работать в экстремальных условиях, проводя в ректорском кабинете все рабочее время и часто – сверх того <...> В общем, с ректорскими обязанностями А.А. Вознесенский справлялся. Никаких чрезвычайных событий, связанных с недосмотром или упущением ректората, не отмечено, что можно считать заслугой приезжего ректора, быстро разобравшегося в обстановке и выработавшего рациональный курс, коим в течение двух лет следовал университетский корабль, благополучно минуя “мели и рифы” военного времени. Кроме ректорских обязанностей, он в качестве профессора читал студентам курс политической экономии, и делал это успешно, ибо предмет знал отлично и обладал талантом лектора»¹¹⁶.

А.А. Вознесенский телеграфировал в Москву о том, что на соревновании 14-ти вузов Саратова ЛГУ занял первое место, а Саратовский университет – четвертое¹¹⁷. Сообщал о том, что 15 июня 1943 г. закончилась научная сессия по истории русской науки, во время которой заслушали 26 докладов. Сам он делал доклад на тему «Ленин и Сталин великие корифеи науки». «Сессия показала величие русской науки и ее громадную роль в создании мировой культуры»¹¹⁸. И находясь в эвакуации, он не забывал сотрудников ЛГУ, оставшихся в блокированном городе, о чем свидетельствует следующий документ: «Телеграмма. Ленгорисполком. Заместителю председателя Федоровой. Из Саратова 15 апреля 1943 г. убедительно прошу оказать содействие улучшению продовольственного положения библиотекарей Ленинградского университета. Ректор А.А. Вознесенский»¹¹⁹.

Даже в это суровое время он не забыл поздравить академика Е.В. Тарле с полученной им «высокой правительственной наградой»¹²⁰. Поздравлял и Д.Д. Шостаковича, послав телеграмму: «Дорогой Дмитрий Дмитриевич, профессора, преподаватели, студенты и служащие Ленинградского университета, прослушав 7-ю симфонию, приветствуют вас, одного из замечательных сынов нашей родины, благодарят вас за ваше бессмертное творение, воплощающее в звуках мысли и чувства советского народа, и желают вам творческих успехов на многие годы»¹²¹. Телеграфировал Сталину о том, что коллектив ЛГУ собрал средства на постройку самолета и на вооружения для Красной Армии¹²², получив в ответ его благодарность¹²³. Заботясь о питании сотрудников и студентов университета, 14 мая 1942 г. просил заместителя Наркомторга Захарова о предоставлении специальных нарядов на получение в Саратове 1,5 т муки, 200 кг

сахара, 6000 яиц¹²⁴, просит разрешения взять 15 голов крупного рогатого скота для подсобного хозяйства университета¹²⁵.

Он стремился к тому, чтобы в эвакуации не терять связь с руководителями Ленинграда, напоминать об университете. Так, он послал 23 июля 1943 г. телеграмму: «Секретарю ЦК ВКП(б), Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) А.А. Жданову, [второму] секретарю Ленинградского обкома и горкома А.А. Кузнецову, председателю исполкома Ленгорсовета П.С. Попкову. Мы, в Саратове, делаем все для победы. По итогам соревнования саратовских вузов в 1 семестре 1942/1943 учебного года ЛГУ вручили Красное знамя. На днях производится выпуск студентов авиационной специальности. Ректор ЛГУ Вознесенский, секретарь партбюро Легкий, секретарь комитета ВЛКСМ Фишман, председатель месткома Вайнштаб, председатель профкома Прупис [Фирсова]»¹²⁶.

Видимо, этой же цели – напоминания о роли и значении университета – служила и составленная в июне 1943 г. за его подписью «Справка о работе Ленинградского университета за пять лет (1938/1939–1942/1943 учебные годы)». В ней указывалось, что за это время выпущено 3250 научных и научно-популярных работ, из них 350 в период Великой Отечественной войны. В это число входят 185 учебников и учебных пособий для высшей школы, о необходимости содействия выпуску которых говорил В.М. Молотов. Подчеркивалось, что, несмотря на тяжелые условия работы в блокированном Ленинграде, эвакуацию и устройство на новом месте, научная деятельность университета не была остановлена. «Показателем этого является наличие в настоящее время в портфеле университета 130 готовых к печати научных работ, из них 10 крупных учебников для вузов и свыше 30 больших монографий. За 1942/43 учебный год выполнено 164 темы (кроме сведений по филиалу ЛГУ в Елабуге)». Отмечалось, что показателем напряженной научной жизни университета за последние пять лет является обилие и разнообразие проводимых научных собраний и конференций, на которых заслушано 434 доклада, 12 научных сотрудников университета удостоены высшей награды – премии имени т. Сталина. «За последние годы, в особенности в период войны, осуществлен решительный поворот в тематике научно-исследовательской работы к запросам жизни, практики, нуждам обороны. В то же время, отнюдь не отказываясь от научной разработки теоретических проблем, имеющих в конечном счете практическую ориентировку».

Писали также, что за пять лет выпущено 4800 высококвалифицированных специалистов, из них 1700 в период войны, 615 аспирантов, из них 115 в годы войны. Проведено 450 защит диссертаций на звание кандидатов наук, из них 250 работниками и сотрудниками ЛГУ. Научно-пропагандистская работа получила особенное развитие в годы войны. За время блокады опубликовано 50 популярных брошюр, прочитано

700 лекций в частях РККА, в госпиталях, на оборонных предприятиях. После прибытия в Саратов напечатано 30 популярных брошюр, создан лекторий, в котором проведено 600 лекций, обслужено 120 000 человек. Всего в Саратове и области работниками университета прочитано за год свыше 3000 лекций и докладов. И в конце этой «Справки» говорилось: «Из приведенных выше кратких данных видно, что Ленинградский университет прилагал за истекшие пять лет все силы для осуществления на практике исторических указаний т. Сталина, данных на приеме работников высшей школы в Москве в мае 1938 г. Ленинградский университет стремится и в дальнейшем идти по тому же пути, вкладывая свою долю участия в историческое дело разгрома ненавистного врага – немецко-фашистских захватчиков»¹²⁷.

Символично, что в эвакуации, в преддверии празднования 125-летия ЛГУ, на ученом совете и вне его начинается дискуссия об особой миссии этого университета, о путях ее реализации, инициатором которой стал А.А. Вознесенский. Стилистика этого обсуждения в какой-то степени напоминает известные дискуссии в печати в 1860-х гг., породившие университетскую автономию. «Это было проявление освобождения духа, опаленного войной и теми испытаниями, которые пережил ЛГУ и его питомцы»¹²⁸. Он прилагал усилия к тому, чтобы в тех суровых условиях войны отметить эту годовщину. Стремился к тому, чтобы использовать это событие в интересах его преподавателей и студентов, что видно из следующего документа, отправленного 22 мая 1943 г.: «Секретарю Ленгоркома ВКП(б) Кузнецову А.А., Предисполкома Ленгорсовета Попкову П.С. В феврале 1944 г. исполняется 125 лет ЛГУ. Университет продолжает работать в Саратове. Эвакуировано в марте 1942 г. студентов 400, преподавателей и научных работников 138. По приезде в Ленинград сможем развернуть работу немедленно. Ставлю вопрос перед ЦК партии и Правительством о восстановлении восточного факультета, составлявшего когда-то гордость Петербургского университета. Договорился с Комитетом по делам высшей школы об открытии при приезде в Ленинград юридического факультета. По нашей инициативе в ЦК и перед правительственными органами поставлен вопрос о реформе университета с целью поднять его роль и значение в развитии науки и культуры советской страны. В связи с этим разработан проект нового устава ЛГУ. За реализацию этого устава весь коллектив будет дружно бороться. И если этот устав мы – с неперемной помощью ленинградских организаций – проведем в жизнь, смею заверить Вас: Ленинград будет гордиться своим университетом. К 125-летию университета (в феврале следующего года) мы готовим: а) Книгу в 12–15 печатных листов по истории университета; б) Большую научную сессию; в) Статьи в заграничной и советской прессе и ряд других мероприятий. В связи с юбилеем университета об-

ращаемся к Вам со следующими просьбами: 1. Поддержать перед ЦК и Правительством наше ходатайство, чтобы 125-летие ЛГУ было отмечено официально. 2. Поставить перед правительством вопрос о награждении университета орденом (Честное слово, ЛГУ работал и работает не хуже Московского университета, которому незадолго до войны дали орден Ленина). Награждение ЛГУ орденом, – помимо того, что университет заслужил это, – в серьезнейшей степени способствовало бы развертыванию его работы. 3. Поддержать представление университета о награждении отдельных его работников. 4. Если возможно, то дать указание о напечатании в Ленинграде в течение декабря месяца книги, посвященной истории университета. 5. Было бы важно, и это вызвало бы огромный подъем работы университета, если бы Вы теперь приняли решение о награждении медалями “За оборону Ленинграда” тех его работников, которые имеют на это право и заслужили эту великую честь (материалы давно представлены и находятся в Ленинграде). 6. Убедительно прошу командировать в феврале в Саратов (если мы к тому времени не будем в Ленинграде) представителя Ленгоркома и Ленсовета. Очень прошу Вас, Алексей Александрович и Петр Сергеевич, информировать о предстоящем юбилее Андрея Александровича [Жданова]. Мне было бы крайне важно знать, найдете ли Вы возможным пойти навстречу просьбам, изложенным в настоящем письме. Уважающий Вас А. Вознесенский¹²⁹.

Видимо, большая часть предложений руководства ЛГУ нашла поддержку в Москве. Об этом свидетельствуют выдержки из воспоминаний ряда лиц. Так, В.А. Качаева пишет: «Он пришел (как всегда – энергичный, подтянутый, доброжелательный, красивый) и стал нам рассказывать, чего ему удалось добиться в этот раз в Москве. Сказал, что есть решение наградить университет к юбилею орденом Ленина. Мы все зашумели, заплодировали. Он не останавливался, радовался вместе с нами. Сказал, что состоится торжественный акт и научная сессия, посвященные 125-летию университета. Но что не исключено, что сессия будет перенесена по срокам и состоится по возвращении в Ленинград»¹³⁰. В соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 декабря 1942 г. за участие в героической обороне Ленинграда группа научных работников, студентов, аспирантов и служащих ЛГУ была награждена медалями «За оборону Ленинграда». Среди них были А.А. Вознесенский, В.В. Рейхардт и Я.С. Розенфельд. Торжественное вручение этих медалей состоялось 21 октября 1944 г. в Ленинграде¹³¹.

В.Г. Березина вспоминала: «В Саратове ЛГУ пережил радостное событие – награждение его орденом Ленина в связи с 125-летием. 24 февраля 1944 г. в Театре оперы и балета им. Н.Г. Чернышевского состоялось торжественное заседание, посвященное юбилею университета и вручению ему высокой правительственной награды, награждению профессоров,

преподавателей и сотрудников. Это особенно убедительно прозвучало в передовой статье [газета «Ленинградский университет»] ректора профессора А.А. Вознесенского»¹³². В честь этого события были в исключительно скромном виде изданы тезисы докладов, в том числе к выступлениям четырех представителей политико-экономического факультета: М.Ю. Бортника, Л.В. Некраша, В.В. Рейхардта и С.Я. Розенфельда¹³³.

Весьма интересен был доклад А.А. Вознесенского 25 марта 1943 г. на ученом совете ЛГУ «О задачах, характере и перспективах университетского образования». В нем указывалось, что в руководящих учреждениях поставлен вопрос об университетах. Обосновывалось положение о том, что университеты должны занять более высокое место в системе образования, стать научно-учебными учреждениями. Студент уже на студенческой скамье должен участвовать в научном поиске. Ведущим профессорам должна быть предоставлена возможность подбора кадров по их усмотрению и, прежде всего, кадров аспирантов. «Одной из важнейших характеристик университета является наличие в его составе научных школ и научных направлений». Выступавшие высказывали мнение о том, что Академия наук гипертрофирована, что наличие в ее составе отдельных институтов не может по эффективности сравниться с университетами, в которых имеется комплекс наук, которые могут взаимодействовать в научном поиске. Поэтому научные учреждения не надо отрывать от университетов¹³⁴.

Можно полагать, что эти или подобные идеи А.А. Вознесенский развивал и в дальнейшем. Вероятно, они были встречены в академических кругах, мягко говоря, без восторга, что в последующем могло отрицательно сказаться на его судьбе. Правда, тогда явного противопоставления со стороны А.А. Вознесенского ЛГУ Московскому университету, конечно в пользу первого, замечено вроде не было. Хотя как сказать, иногда это уже как бы проскальзывало.

В определенной мере некоторые, скажем так, прогрессивные для того времени, устремления А.А. Вознесенского проявились в его докладе в 1943 г. на расширенном заседании ученого совета, когда рассматривался вопрос о ломоносовских традициях в развитии университетского образования. Отмечен был доклад А.А. Вознесенского, в котором «были воссозданы замечательные черты этого образования в Петербурге в XVIII в.: демократизм, связанный с тем, что властям не удалось “одворянить” университет, глубокая связь с практикой. Говорил он и о традиционной связи университета с Академией наук»¹³⁵.

Его высокие деловые качества как ректора отмечали многие бывшие студенты. Например, С.С. Кузнецов и В.И. Горелова писали: «В предзимье ректор А.А. Вознесенский попросил нас собрать студентов для разгрузки дров. Гортоп уведомил, что приплыли четыре баржи с дровами. Из них

одна выделена ЛГУ. Ректор был ходовой, деятельный человек. За короткое время установил самое благожелательное отношение с местным начальством. Возможно, это облегчалось и положением его младшего брата»¹³⁶.

Александр Алексеевич пользовался любовью и уважением студентов и сотрудников, о чем говорил профессор Ю.И. Полянский: «Александр Алексеевич трудился не только много, но и в высшей степени организовано и целеустремленно. Бесспорно, он обладал недюжинным административным талантом. Своим энтузиазмом, любовью к университету он заражал сотрудников, работавших с ним. Он был добрым человеком, но тем из них, кто не выполнял его указаний, не было пощады. Он постоянно работал, и я неоднократно задавал себе вопрос: “А когда же ректор отдыхает, сколько времени он отводит на сон?”».

Л.Л. Эльяшова вспоминала: «В октябре 1942 г. у нас, историков третьего курса, учебный год начинался с новой лекции – неизвестной политэкономии. Мы сидим в нарядной аудитории Саратовского университета и ждем профессора Вознесенского. Ректора Вознесенского мы хорошо узнали и полюбили за время войны, но как-то он читает лекции? И вот он вошел, как всегда, подтянутый, в темном костюме, белоснежной рубашке с галстуком. Молодой, красивый, но совершенно седой. (Говорили, это след 1937 года). Казалось, что его светлые глаза смотрят прямо на тебя, строго и дружелюбно. И началось необыкновенное. Лектор нам поверял крайне важные, сложные и интересные мысли об основах жизни человеческого общества. Не надо ничего запоминать, но очень хочется, необходимо все понять, постигнуть. И мы напряженно слушаем, боясь пропустить хоть слово. За свою долгую жизнь я слышала очень много лекций, в том числе и прекрасных, но более захватывающих, чем лекции профессора Вознесенского, не встречалось. Раскрасневшиеся, с блестящими глазами, мы удивленно переглядывались уже на лекции, а после нее некоторые из нас поняли, что именно эта наука – его. Я одной из первых перешла на экономический факультет, не испугавшись даже дополнительной сдачи нескольких экзаменов. И потом стойко переносила ироничное приветствие декана истфака Мавродина: “Здравствуйте, ренегат”. Археологов он с истфака все же не отпускал. Наш университет в Саратове стал немногочисленным, и на 3-м курсе политико-экономического факультета училось пять девочек. А нам читали лекции и вели семинары семь профессоров, в том числе с мировым именем»¹³⁷.

С.М. Фирсова писала, что А.А. Вознесенский был главным ее учителем, воздействие яркой личности которого она испытывала всю жизнь. «Нравственные и этические его позиции, его поведение в труднейшие, трагические периоды жизни были для меня образцом. Я часто соотносила свои поступки с тем, как бы поступил в аналогичных ситуациях Алек-

сандр Алексеевич. Иногда я ловлю себя на мысли, что проецирую его возможные оценки на себе. Это был человек исключительного обаяния, по-настоящему демократический. Лекции его по политэкономии были для студентов праздником. Интересно было следить за развитием мысли лектора. Захватывала открывающаяся возможность понять стройную экономическую теорию Маркса. Он приучал студентов к самоуправлению. Особенно проявились его организаторские способности в годы войны, в эвакуации. Я была в 1942–1943 г. председателем студенческого профкома ЛГУ и поэтому особенно близко наблюдала А.А. Вознесенского в работе, его стиль, его отношение к людям»¹³⁸.

И еще из воспоминаний Л.Л. Эльшаевой: «К сожалению, нашего лектора часто отвлекали административные, общественные дела. Он [в Саратове] был ректором двух университетов, вице-председателем Общеславянского комитета и Славянского комитета СССР, что требовало не только внимания, но и отъездов в другие города. И хоть был наш лектор чудом организованности, работоспособности, энергии, немало его лекций заменялось. Помню в Саратове дискуссию о сущности советских денег. Страсти разгорелись, и решили узнать мнение Александра Алексеевича. Его вытащили из кабинета, усталого (дело было поздно вечером). Как ото сна отряхнулся он от своих ректорских дел, выслушал разные мнения и тут же высказал свое. Оно было блестяще методологически, убедительно. Наш ректор был идеальным администратором: требовательным, строгим, но неизменно внимательным и дружественным. Дружественным был и сам дух университета военной и послевоенной поры. Ощущалось университетское братство, чему способствовал наш ректор...»

И далее: «Возвращаясь в Саратов из командировки, ректор обычно собирал всех сотрудников и студентов, делился результатами своей поездки, доверительно говорил о наших перспективах, трудностях, как бы советовался со всеми. Помню, как в начале 1944 г., вскоре после снятия блокады, он вернулся из Ленинграда и радостно рассказывал о планах возвращения в родной город. Высказал мысль о самостоятельном восстановлении университетских зданий, об организации курсов маляров, штукатуров, стекольщиков. Хорошо помню, как он высмеял тех немногих, кто боялся возвращения в Ленинград потому, как говорил он, что в Саратове больше пшена. Мы дружно смеялись, предвкушая радость возвращения»¹³⁹.

«До общей реэвакуации ректор направил в Ленинград энергичных людей, способных организовать подготовку общежитий к приезду студентов и освободить квартиры наших преподавателей, занятые другими людьми. Среди “первопроходцев” оказалась Соня Прупис (Фирсова) и доцент Косачевская <...> Мы разместились в общежитии на проспекте Добролюбова, у самой Невы. И, самое удивительное, – в чистеньком,

только что отремонтированном общежитии. Не зря “папа” заблаговременно посылал передовой отряд. Они не только организационными делами занимались, но и ремонтом. Как выяснилось, штукатурила наше общежитие председатель профкома Прупис, а застеклением окон занималась Косачевская. Неплохо поработали»¹⁴⁰.

В апреле ректор А. А. Вознесенский подписал смету на ремонт университетских зданий. В смету были включены: Главное здание, здания филологического, исторического, химического, математико-механического факультетов, здания институтов, лабораторий, кафедр, котельной во дворе Главного здания, Биологического института в Петергофе, столовой № 8, среднего флигеля общежития на Мытнинской набережной, общежития на 5-й линии В.О., д. 66 без восстановления разбомбленной части, ремонт и надстройка общежития на ул. Стахановцев, д. 17, и др. 6 июня 1944 г. он приезжал в Ленинград с целью подготовки реэвакуации университета¹⁴¹. 5 ноября 1944 г. получил благодарность народного комиссара просвещения РСФСР В. Потемкина (1874–1946) за успешную работу и премию 1500 руб.¹⁴²

2.4. Послевоенные годы

В мае-июне 1944 г. была осуществлена реэвакуация ЛГУ. Несколько месяцев ушло на подготовку учебных помещений к занятиям. Учебный процесс начался 2 октября. Вернувшись в Ленинград, А.А. Вознесенский продолжал свою деятельность по развитию образовательной и научной деятельности ЛГУ. За время его ректорства здесь появилось четыре новых факультета, в числе которых был юридический, восстановленный после 14-летнего перерыва¹⁴³. Был восстановлен по инициативе А.А. Вознесенского и восточный факультет. Во время пребывания университета в Саратове была создана инициативная группа по его созданию в новых условиях, в которую вошел профессор В.М. Штейн, разработавший профиль нового факультета, структуру его учебных планов¹⁴⁴. Появилось в ЛГУ 46 новых кафедр, 12 научно-исследовательских институтов. И на первых же послевоенных выборах в АН СССР сразу шесть ученых ЛГУ стали действительными членами и 19 – членами-корреспондентами. А.А. Вознесенский стал одним из основателей специального высшего экономического образования в стране, заведовал кафедрами политической экономии в ЛГУ и в ряде других вузов Ленинграда. Крупные и плодотворные изменения произошли в качественных характеристиках его научной, преподавательской и воспитательной работы. Многие его начинания приобрели всесоюзное значение, способствовали прогрессу высшего образования в стране. Трудные послевоенные годы восстановления ЛГУ стали годами расцвета его административной и учебной деятельности¹⁴⁵.

В связи с предстоящим 125-летием в марте 1944 г. ЛГУ был награжден орденом Ленина. Тогда же такой орден получил и А.А. Вознесенский. А всего орденами и медалями тогда были награждены 47 человек. Под руководством А.А. Вознесенского была создана Юбилейная комиссия¹⁴⁶. В университетской печати была помещена его статья «Наши задачи в новом учебном году»¹⁴⁷, отмечалось его выступление на совещании аспирантов ЛГУ¹⁴⁸, о вручении ему медали «За оборону Ленинграда»¹⁴⁹. В статье, посвященной открытию 20 ноября 1944 г. Юбилейной сессии, он писал о значении ЛГУ в развитии образования и науки¹⁵⁰, затем на заседании ученого совета сделал доклад на эту тему¹⁵¹.

В феврале 1945 г. была проведена вторая конференция, посвященная 125-летию ЛГУ. Она проходила в Ленинграде в помещении Филармонии. Как вспоминает Л.Л. Эльяшова, она на торжестве сидела на балконе напротив сцены рядом с проф. А.М. Александровым. С началом нового учебного года появилась статья А.А. Вознесенского «Ленинградский университет на новом этапе»¹⁵². Он сделал доклад «О задачах экономистов» на теоретической конференции, проходившей на политико-экономическом факультете и посвященной речи товарища Сталина на предвыборном собрании избирателей, на которой присутствовало 200 человек. Выступал он и в прениях¹⁵³. Прочел доклад «Основная экономическая задача СССР» в университетской лектории (цикл лекций по послевоенной экономике)¹⁵⁴. Сделал доклад «О задачах славяноведения» на посвященной этой теме конференции¹⁵⁵, как обычно, в начале учебного года поместил статью о задачах ЛГУ¹⁵⁶.

Начался быстрый рост политико-экономического факультета. Число студентов и аспирантов превысило довоенный уровень: 1940/41 – около 200, 1944/45 – 110, 1945/46 – 221, 1946/47 – 281, 1947/48 – 347 (по плану). В 1945 г. на нем создается кафедра статистики (заведующий – профессор Л.В. Некраш), ставшая третьей кафедрой факультета. За время ректорства А.А. Вознесенского по его инициативе правительство после войны трижды принимало постановления об ЛГУ, сыгравшие важнейшую роль в превращении его в крупнейший научно-учебный центр страны. Он привлекал к работе в ЛГУ первоклассные научные силы и создавал им максимально возможные благоприятные условия для вдохновенного творчества. 4 сентября 1946 г. он выступил с докладом «Об усилении внимания к советской литературе, борьбе с низкопоклонством перед Западом, преодоления приятельской атмосферы на кафедрах» на объединенном заседании кафедр русской и западных литератур. Он вынужден был его сделать на основе постановлений ЦК ВКП(б) от 14 и 26 августа и вытекающих из них указаний для перестройки работы филологического факультета¹⁵⁷. Хотя вряд ли он их в душе полностью одобрял.

12 апреля 1946 г. было подтверждено заведование А.А. Вознесенским кафедрой политической экономии¹⁵⁸. 6 октября 1947 г. был издан в МВО приказ № 1675/К об утверждении его заведующим этой кафедрой по совместительству¹⁵⁹. Несмотря на загруженность административными и общественными делами, он продолжал принимать участие в проводимых на политико-экономическом факультете конференциях. 24 января 1947 г. А.А. Вознесенский получил благодарность министра высшего образования за успешную работу¹⁶⁰.

А.А. Вознесенский 3 января 1947 г. сделал доклад «О роли науки в социалистическом обществе» на научной сессии ЛГУ, 13 января выступил с оценкой ее итогов¹⁶¹. 17 февраля выступил на совещании актива вузов Ленинграда¹⁶², 20 февраля – на отчетном годовом акте ЛГУ¹⁶³. 10 марта сделал доклад «Роль науки в социалистическом обществе» на открытии конференции студенческого научного общества ЛГУ, созданного год назад по его инициативе¹⁶⁴, а 8 мая выступил на заключительном заседании этого общества в зале Филармонии на тему «Советская наука, литература и искусство в новой сталинской пятилетке»¹⁶⁵. 11 мая выступил с докладом о деятельности ЛГУ на проводившемся тогда «Дне открытых дверей»¹⁶⁶. 26 мая 1947 г. на выпускном вечере филологического факультета выступил «с теплым приветственным словом»¹⁶⁷. Опубликовал посвященную ЛГУ статью «Крупнейший научно-учебный центр страны»¹⁶⁸. В октябре выступил на собрании научных работников ЛГУ – «Против низкопоклонства перед буржуазной наукой» с участием секретаря горкома партии по пропаганде. В своем докладе критиковал филологов, Я.С. Розенфельда в связи с его книгой «Промышленность Соединенных Штатов Америки и война», которую к этому времени уже всячески поносили. Сказал, что она представляет собой печальный пример того, к чему приводит объективизм, что это неудачная книга, по существу не марксистская. В основу ее положена порочная методология. Две крупнейшие ошибки допустил ее автор: некритическое отношение к буржуазным источникам и объективизм исследования¹⁶⁹. Действительно он так думал или нет, кто знает. В начале ноября опубликовал статью «Ленинградский университет за годы советской власти»¹⁷⁰. Может быть, это как бы в противовес изруганной книге под аналогичным названием. Были помещены фотографии А.А. Вознесенского как кандидата в депутаты Горсовета, а потом уже как депутата¹⁷¹. 4 декабря выступил с докладом «Социалистическое общество и советский патриотизм» на студенческой конференции «О советском патриотизме»¹⁷².

А.А. Вознесенский приказом № 815 от 22 апреля 1947 г. под его председательством создал Общеуниверситетскую комиссию по истории ЛГУ в годы Великой Отечественной войны. Там было сказано, что деятельность профессорско-преподавательского состава и студентов во время войны является одной из славных страниц его истории, Поэтому он считал весь

ма ценной инициативу исторического факультета по сбору документов и материалов, характеризующих эту деятельность¹⁷³. Он заботился о том, чтобы этот подвиг и понесенные потери не были забыты. Свидетельством этого является письмо в Ленинградскую городскую комиссию по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников: «На Ваш запрос представляем список виднейших деятелей науки ЛГУ, погибших во время блокады Ленинграда. Ректор А.А. Вознесенский». В приложении представлены характеристики на шестерых погибших ученых: А.А. Ухтомского, В.С. Порецкого, В.С. Садикова, П.П. Иванова, А.В. Немилова, Д.Н. Кашкарова¹⁷⁴.

Он продолжал постоянно расширять связи с университетской общественностью. И здесь можно привести слова Н.Н. Фирсова: «Хочу сказать о той огромной помощи, которую оказывал комсомолу ректор А.А. Вознесенский. Каждая полезная инициатива комсомола находила и него энергичную поддержку. Он заботился о молодежи, был чуток и внимателен к ней. Комсомольские активисты часто встречались с ректором. А мне приходилось встречаться с ним почти ежедневно, советоваться о наших больших и малых делах»¹⁷⁵.

Отметим, что Л.Н. Гумилев считал большой заслугой А.А. Вознесенского то, что он дал возможность ему защитить диссертацию на степень кандидата исторических наук, темой которой была «Подробная политическая история первого тюркского каганата». И это несмотря «на яростное сопротивление местных и московских властей». После этого Л.Н. Гумилев поступил научным сотрудником в Музей этнографии народов СССР. А 7 ноября 1949 г. он был вновь арестован и осужден на 10 лет лагерей¹⁷⁶.

Новый 1948 г. начался в университетской печати с материалов о дискуссии на филологическом факультете, представлявшей собой окончательный разгром научного литературоведения. Выступивший А.А. Вознесенский призывал, как и положено, к остроте критике, но упоминал и о необходимости принципиальности в оценках¹⁷⁷. На традиционном годовичном отчетном акте ЛГУ он уже не присутствовал, и ему послали приветствие в Москву¹⁷⁸.

В свое время немало писали о деятельности А.А. Вознесенского на посту вице-председателя Славянского комитета СССР и Общеславянского комитета (избран в Белграде в декабре 1946 г.), о проведении им в ЛГУ первой после войны международной сессии по славяноведению в 1946 г. Об этом, в частности, свидетельствовало значительное число уничтоженных после его ареста фотографий, относящихся к его выступлениям во время различных заседаний, на конгрессах, во время митингов в Югославии, Польше, Чехословакии. Он сыграл большую роль в установлении контактов ученых разных стран, в том числе славистов. Но из официальной истории это было полностью вычеркнуто.

2.5. Лишение А.А. Вознесенского поста министра, арест и гибель

В условиях того времени А.А. Вознесенский не мог в сколько-нибудь открытом виде противиться своему назначению на пост министра просвещения РСФСР. Его сын писал, что между братьями была договоренность: Николай Алексеевич будет в Москве, а Александр Алексеевич – в Ленинграде. На неоднократные предложения занять какой-либо пост в Москве он отвечал отказом, который «озвучивал» его брат. Если вопреки его желанию дело доходило до попытки назначения, то Николай Алексеевич каждый раз, как кандидат, а потом и член Политбюро, писал на опросном листке – «Возражаю». И тогда рассмотрение этого вопроса прекращалось. Такой механизм действовал до тех пор, пока А.А. Жданов и А.А. Кузнецов не согласовали со Сталиным назначение А.А. Вознесенского на пост министра просвещения РСФСР. И тут не подействовало даже то, Николай Алексеевич на опросном листке написал «Категорически против»¹⁷⁹. Сегодня трудно понять, зачем это было им нужно. А ведь зачем-то было надо, иначе бы они не обращались за согласием к «корифею». Для них это явно было частью какой-то многоходовой комбинации. А, может быть, это результат чей-то предательской подсказки со стороны других лиц с целью теснее связать их всех в один узел? Но то, что А.А. Жданов и А.А. Кузнецов в конечном счете проиграли от этого, так это однозначно.

Так или иначе, заняв этот пост в марте 1948 г., А.А. Вознесенский активно включился в работу. Этому предшествовал приказ заместителя министра высшего образования СССР А.В. Топчиева об освобождении его от должности заведующего кафедрой политической экономии ЛГУ с 1 марта 1948 г. «в связи с переходом на другую работу»¹⁸⁰. Затем был приказ А.В. Топчиева в связи с назначением А.А. Вознесенского министром просвещения РСФСР освободить его от должности ректора ЛГУ с 9 июня 1948 г., назначить и.о. ректора проф. Н.А. Домнина¹⁸¹. Интересно, что непосредственно после этого были направлены из ЛГУ в горком партии отчеты кафедры политической экономии за 1947/48 г.¹⁸² Может быть, А.А. Вознесенский ранее возражал против предложенной их редакции?

5 марта 1948 г. в актовом зале состоялось открытое заседание ученого совета ЛГУ, посвященное 50-летию А.А. Вознесенского и 25-летию его научной и педагогической деятельности, на которое он приехал из Москвы. С докладом о его жизни и деятельности выступил декан политико-экономического факультета В.В. Рейхардт. Он подчеркнул, что до последнего времени пребывания в университете, несмотря на большую загрузку, А.А. Вознесенский оставался заведующим кафедрой политической экономии. Выступавшие сожалели о его уходе. Были преподнесены адреса и подарки. А.А. Вознесенский поблагодарил собравшихся за высокую оценку его труда, призвал их не покладая рук работать на благо великой

Родины. На этом заседании юбиляр единогласно был избран почетным членом ученого совета университета¹⁸³. В марте 1949 г. в ЛГУ состоялся торжественный акт по поводу 130-й годовщины его основания. По этому поводу было получено поздравление от А.А. Вознесенского¹⁸⁴. И это было последнее упоминание его в печати университета в положительном смысле.

И вот что удивительно: в апреле 1948 г., когда, казалось, А.А. Вознесенский был вознесен, что называется, на верх служебной лестницы, появилась статья, посвященная сборнику «Ленинградский университет за советские годы. 1917–1947» (Л., 1948). Статья без подписи, разгромная. И это несмотря на то, что выпущен сборник был с участием А.А. Вознесенского – во всяком случае, так написано в нем, хотя в отдельных статьях он не упомянут. И заканчивалась она так: «Издательство Ленинградского университета совершило ошибку, выпустив эту недоброкачественную, вредную книгу, которая может только дезориентировать советского читателя. Но еще большую ошибку совершил авторский коллектив, работавший над составлением сборника и давший ложную, извращенную историю одного из передовых и крупнейших вузов нашей страны»¹⁸⁵. А вслед за этим появилось постановление парткома ЛГУ по этому вопросу. Указывалось, что сборник фальсифицирует историю университета, ставит на одну доску прогрессивных ученых и реакционеров типа Туган-Барановского, Лосского, Веселовского и др. Не показано значение Октябрьской революции для развития науки, борьбы марксистов за ее проведение. «Особенно в недопустимых хвалебных тонах описывается деятельность ученых-востоковедов, как в дореволюционное, так и в советское время (автор очерка профессор В.М. Штейн) <...> Партийный комитет привлек к партийной ответственности коммунистов, виновных в выпуске этой политически ошибочной книги»¹⁸⁶. Заметим, что здесь содержалась и критика В.В. Рейхардта – декана политико-экономического факультета, как автора одного из очерков.

К тому времени, когда А.А. Вознесенский занял пост министра, в ЦК ВКП(б) сложилось резко отрицательное отношение к деятельности Академии педагогических наук, которою возглавлял Иван Андреевич Каиров (1899–1978). А.А. Вознесенскому предложили одновременно стать ее президентом. Но он отказался, однако заявил, что поможет тому наладить дело. Обещание свое он выполнил. Когда его самого освободили от поста министра, то на его место назначили И.А. Каирова, который благодарил его за помощь. После этого Лев Вознесенский спросил отца, долго ли, по его мнению, продержится тот на новом посту. Отец ответил, что долго, так как он безынициативен, никогда не выдвигает новых идей. А, видимо, только такие люди там нужны. Так и получилось.

28 мая 1949 г. в Ленинграде был арестован В.В. Рейхардт. И тогда Клавдия Николаевна Мироненко – бывшая вторая жена Александровича

Алексеевича – поехала к нему в Москву, видимо имея в виду попросить его что-то сделать для защиты В.В. Рейхардта, вероятно по просьбе его жены. Но вместо обещания о защите А.А. Вознесенский, здраво оценив обстановку, ответил ей: «Это конец».

За несколько дней до снятия с министерской должности, которая состоялась 14 июня 1949 г., А.А. Вознесенского вызвал Г.М. Маленков. Ничего не объясняя, сказал, что ему надо с этой должности уйти, что «дело у него не пойдет». Александр Алексеевич поинтересовался причинами такого решения. Маленков пояснил, что конкретных причин действительно нет. Но как коммунист он должен помочь ЦК и самому сообщить о них. Получив такое задание, Вознесенские – отец с сыном Львом – долго трудились над его выполнением, с трудом набрали причины в количестве шести штук: вроде недостаточный контакт с коллективом, не исполнение каких-то высочайших указаний и т. д. Потом эти причины без всяких исправлений фигурировали в документах о снятии А.А. Вознесенского с министерской должности в виде обоснования.

ЦК ВКП(б) устроил заседание коллегии Министерства просвещения, на котором руководящую роль играли: Н.А. Михайлов, первый секретарь ЦК ВЛКСМ, и И.В. Дубровина, заведующая сектором школ в аппарате ЦК. У А.А. Вознесенского с ними до этого были многочисленные столкновения в связи с тем, что они бесцеремонно вмешивались в деятельность министерства с различными не к месту советами, необоснованными требованиями. И теперь им поручили обеспечить принятие решения коллегии с обвинениями в адрес А.А. Вознесенского уже как бы от имени коллектива. Однако, к удивлению этих лиц, выступавшие сотрудники министерства в основном положительно отзывались о министре. С трудом Михайлову удавалось от них услышать что-либо критическое. В конце концов, что-то отрицательное по отношению к работе министра для постановления коллегии все же было найдено. По этому поводу Александр Алексеевич потом говорил сыну, что ему приятно было видеть достойное поведение сотрудников, услышать благоприятные мнения о его деятельности. А освобождение от работы А.А. Вознесенского от работы в министерстве было оформлено постановлением Политбюро 12 июля 1949 г. За эту услужливость Михайлов потом стал секретарем ЦК ВКП(б), а И.В. Дубровина – заместителем министра просвещения РСФСР.

И все это несмотря на то, что за время пребывания А.А. Вознесенского на этой должности многое было сделано в области совершенствования образования, были решены многие давно назревшие вопросы, намечены мероприятия на будущее, в частности по политехнизации учебы. Уже были сделаны первые шаги к ликвидации раздельного обучения мальчиков и девочек, введенного во время войны¹⁸⁷. Затем 15 июля 1949 г. на основе указанного постановления был опубликован соответствующий указ ПВС

СССР, потом постановление Совета министров РСФСР 20 июля 1949 г. министр госбезопасности В.С. Абакумов представил Сталину подробную справку на А.А. Вознесенского № 5683/А. Как писал Лев Вознесенский, «вряд ли у кого-либо возникнут сомнения в том, какого характера она была»¹⁸⁸.

После освобождения от должности домой к Александру Алексеевичу позвонил К.Е. Ворошилов, тепло поговорил, предложил обращаться к нему, если потребуется помощь. Но через короткое время, когда А.А. Вознесенский позвонил ему, попросил о встрече, тот сказал, что им встречаться не обязательно, просьбы он готов выслушать и по телефону. Разумеется, таким предложение Александр Алексеевич не воспользовался. Так что Ворошилов вовремя переориентировался, что-то разузнав, немедленно решил быть подальше от Вознесенских¹⁸⁹.

Лев Вознесенский утверждал, что его отец никогда не ставил Сталина вровень с Лениным, никаких восторгов он у него не вызывал. «Вместе с тем как опытный политик отец понимал, что судьба всего народа, в том числе и его самого, прямо или косвенно подчинена капризу, воле, решениям Сталина, перед которыми бессильны и факты, и логика, и закон. Так, незадолго до ареста, объясняя Льву Александровичу цели и методы деятельности Берии, Маленкова и Кагановича по дискредитации Николая Алексеевича, Александр Алексеевич сказал: “Нас всех могут физически уничтожить. Единственная, хотя и слабая надежда – на прямое вмешательство Сталина. Но что бы со мной и случилось, знай всегда – перед партией и государством я не виновен ни на йоту”. Он говорил, что все лекции надо было заканчивать именем Сталина, и это автоматически обеспечивало аплодисменты. Однако за всю жизнь он только раз, в совершенно безвыходной ситуации – тема обязывала – позволил себе закончить лекцию таким тогда традиционным образом¹⁹⁰. И, вне сомнения, подобное отношение к вождю не осталось незамеченным.

Его третья, хотя и нерасписанная, жена Е.М. Косачевская вспоминала, что когда они ездили с А.А. Вознесенским отдыхать в Сочи и в Гагры он брал с собой чемодан книг, в основном художественную литературу. Утром и вечером купался, но никогда не загорал, уходил в санаторий и читал. В августовские дни 1949 г. – примерно за 10 дней до ареста, он целыми днями находился на беседах, похожих на допросы, которые проводили Маленков, Михайлов, кажется и Шепилов. Старались к чему-нибудь придаться. Так, к примеру, фигурировали затраты на ремонт детских домов, как якобы использованные не на эту цель. Но все в конце концов оказывалось в порядке. Придаться было не к чему и это названных лиц немало раздражало. А.А. Вознесенский после таких «бесед» приезжал домой или на государственную дачу в Кунцево к четырем часам утра. Настроение у него было «убийственным». Е.М. Косачевская как могла,

утешала его. Говорила ему: «Что ты унываешь. Ну, снимут тебя с работы, исключат из партии. Мы уедем в Сибирь. Будем преподавать в школе – я историю, ты литературу»¹⁹¹.

Но вот власти предложили ему поехать в Сочи, отдохнуть некоторое время. Казалось, что подозрения рассеялись, что стала очевидной лживость чьих-то наветов. 17 августа Евдокия Марковна проводила его, перед расставанием, следуя примете, они обменялись расческами, и... больше уже никогда не встретились. На следующий день он звонил ей в Москву, сказал о себе. Был арестован 19 августа 1949 г., в санатории на горе Ахун, во время своего вынужденного отдыха. На момент ареста он считался неработающим, постоянно проживавшим в Москве на улице Серафимовича, 2 (Дом правительства), квартира 195. Она была пятикомнатной, мебель почти вся казенная. Большая библиотека: целая стена полок с книгами и еще четыре ящика с ними, которые так и не были распакованы. Е.М. Косачевская потом писала, что среди них были редчайшие издания, называла книжку китайского экономиста XI века. Обыск московской квартиры начался 19 августа в 12 часов дня и продолжался сутки, изъяли деньги и облигации. Три комнаты опечатали, две оставили сыновьям Льву и Эрнесту. Одновременно проводили обыск на даче в Кунцево. Из записок бесед с Е.М. Косачевской можно понять, что она также собиралась ехать в Сочи, уже получила отпуск на работе. В списке изъятого указывалось: 1 костюм, 1 брюки и далее все больше по одному, только рубашек 10, галстуков 15, книг 1500. В эту последнюю поездку на юг А.А. Вознесенский взял с собой четыре книги, которые были изъяты при аресте.

Во время обыска московской квартиры А.А. Вознесенского дома находился сын Эрнест. И его следователи спрашивали: где золото, где машина, где деньги. Оказалось, что есть только книги. Удивились, что ничего ценного нет, а денег обнаружили только в виде остатка от зарплаты. Говорили, что совсем не так было при аресте министра лесной промышленности: добра навалом. Лев Александрович отмечал, что отец получал зарплату, установленную для республиканского министра просвещения, но фактически выполнял функции союзного министра, так как такой должности не было. Зная это, Сталин в какую-то благоприятную для него минуту или же в порядке провокации однажды предложил ему повысить зарплату до уровня, установленного для союзных министров. Но Александр Алексеевич отказался. Так что после деления получаемой заработной платы между семьями (часть матери, часть детям в Ленинград) дома денег оставалось весьма немного, что и вызвало удивление сотрудников карательных органов, проводивших обыск. Лев Александрович утверждал, что отец категорически запретил привозить к нему домой что-либо из государственного имущества: «Чтоб ни одного гвоздя из министерства!» – предупредил он Евдокию Марковну Косачевскую.

В этих вопросах он был крайне щепетилен и не давал ни малейших поводов для обвинений в каких-либо поступках с корыстной целью. Зато был щедр в заботе о других. И когда близкий ему человек стал его умолять не пытаться спасти арестованную сестру Марию Алексеевну («Что ты делаешь? Ты же каждую ночь ждешь ареста!»), то он отвечал: «Ты что, не понимаешь: мне легче умереть, чем чувствовать себя подлецом!»¹⁹².

С 30 августа 1949 г. начались интенсивные допросы А.А. Вознесенского в Лефортовской тюрьме. Они начинались со стандартных вопросов, в которых как бы уже содержалось предложение оговорить себя, типа: «Вы арестованы за проведение вражеской, антисоветской деятельности, за борьбу против партии и советского государства. Следствие предлагает вам дать подробные показания о совершенных вами преступлениях». И все в таком же духе, хотя обвиняемый, конечно, отрицал это¹⁹³. В заранее заготовленных протоколах допросов, как это часто делалось, в уста арестованных вкладывались такие штампы и ярлыки, которыми ни один человек, действительно не совершавший преступлений против советской власти, говорить о себе не мог. И это мы видели из многих следственных дел других арестованных. Лев Вознесенский писал, что с закрытыми материалами о методике допросов и применяемых психических и физических пытках ознакомиться не удалось. Однако из других источников известно, что следователями использовался весь их набор. Обобщенный протокол допросов А.А. Вознесенского был представлен Сталину 26 декабря 1949 г. На этом, как считалось, как бы закончилось формирование его следственного дела¹⁹⁴. Но допросы продолжались, как и отказы подследственного дать нужные следователям показания.

В течение почти 14-ти месяцев, пока до своей гибели он находился в тюрьме, а его сыновья Лев и Эрнест оставались на свободе, на домашний адрес отца приходили письма к нему как к депутату Верховного Совета СССР 2-го созыва с марта 1946 г. Их автоматически пересылали из аппарата Верховного Совета. Во многих из них содержались благодарности за помощь в разных вопросах. В том числе и от тех, кто его усилиями освобожден из тюрьмы, из ссылки. А в это время их спаситель подвергался пыткам в Лефортово¹⁹⁵.

А.А. Вознесенский был приговорен решением ВКВС СССР 27 октября 1950 г. к расстрелу. Обвинялся в измене Родине, участии в контрреволюционных организациях, антисоветской агитации. В более расширенном виде обвинялся в следующем: 1. В 1917 г. установил связь с «народными социалистами». 2. Неприязненно встретил Октябрьскую революцию. 3. Голосовал за меньшевистский список при выборах в Учредительное собрание. 4. Имел связь с антисоветски настроенной бывшей своей женой Судаковой и на протяжении долгих лет скрывал ее вражескую деятельность. 5. Составлял и издавал вредные работы, в которых извращал

щал марксистско-ленинскую науку, протаскивая троцкистские формулировки. 6. Являясь ректором ЛГУ, «проводил вредительско-подрывную работу, группировал в нем врагов партии из троцкистов, зиновьевцев и других антисоветски настроенных лиц, которые подвизались в качестве преподавателей и ученых и вредили в области подготовки кадров». 7. Будучи министром просвещения РСФСР, продолжал поддерживать связь с врагами советской власти, проникшими при его же участии в ЛГУ, оказывал им всяческую поддержку и помощь в сокрытии их преступлений.

В постановлении по данному следственному делу было указано, что А.А. Вознесенский изобличен в преступлениях показаниями А.А. Кузнецова, П.С. Попкова, В.В. Рейхардта, других арестованных, а также документами. Имеются сведения о том, что во время допросов А.А. Вознесенского не раз спрашивали о его отношениях с Б.Д. Кофманом (1879–?). Говорил, что он с ним готовил учебник политической экономии. Обвиняли в том, что он не разоблачил его как врага советской власти, скрывал его меньшевистские взгляды¹⁹⁶.

А.И. Кузнецов, который в 1960-х гг. вел расследование дел репрессированных, говорил сыновьям А.А. Вознесенского, что во время допросов пытали всех. Но наиболее тяжким пыткам подвергли А.А. Вознесенского и В.Э. Мейерхольда в 1940 г. «И если бы я рассказал Вам о том, что пришлось пережить Вашему отцу, Вы бы сошли с ума. Так что об это даже не пытайтесь меня расспрашивать»¹⁹⁷. Целью следователей тогда было создать вокруг А.А. Вознесенского дополнительные дела коллег из ЛГУ и Министерства просвещения, по Общеславянскому комитету, по ряду других организаций. Или хотя бы как можно теснее включить его в «Ленинградское дело». А.И. Кузнецов также говорил, что А.А. Вознесенский во время допросов не запятнал ни одного человека, спас многих от гибели, не позволил создать нового громкого процесса. Но, конечно, это не избавило от репрессий многих его родственников и знакомых, хотя, может быть, и не в столь тяжком виде, как это могло бы быть¹⁹⁸.

Этот следователь говорил Льву и Эрнесту Вознесенским, что братья и сестра Вознесенские больше года держались во время следствия упорно, не признавали себя виновными. И потому Сталин в конце концов послал в Лефортово комиссию в составе Берии, Маленкова и Булганина с целью выяснить причины этого. «И тогда к ним привели из карцера Вашего отца, в котором он в очередной раз находился. Кстати, вот папка, в которой подшиты квитанции (или корешки от них) на вывод его из камеры. Их более 90. Подобные папки имеются у всех арестованных. Но они в несколько раз тоньше. А ведь за каждой из этих 90 бумажек допрос, избияния, пытки, карцер. К тому моменту, когда А.А. Вознесенского привели на указанный допрос, то после всего перенесенного он уже почти ослеп (а зрение его было отменное. – Л.В.). И в слабо освещенной одним торшером комнате,

разглядев только стоявшего за креслом Булганина в маршальском мундире, воскликнул: “Какое счастье, что вы пришли товарищ Булганин! Наконец-то товарищ Сталин узнает правду!” “Тамбовский волк тебе товарищ!” – ответил Булганин. А из затененных углов комнаты раздался дружный хохот сидевших там Берии и Маленкова. Булганин же, выйдя из-за кресла, ударом ноги сбил А.А. Вознесенского на пол, стал топтать его своими маршальскими сапогами. Затем эта тройца допросила его. Он отверг все обвинения. Но они все равно написали следующую записку: “Товарищ Сталин! По Вашему указанию Вознесенского А.А. допросили и считаем, что он виновен. Маленков, Берия, Булганин”». А.И. Кузнецов утверждал, что фактически на основании этой записки А.А. Вознесенский и был расстрелян¹⁹⁹. Но это, конечно, не совсем так. Можно полагать, что это посещение Александра Алексеевича руководителями высокого ранга было в конце октября – начале ноября 1949 г. И привело оно не к окончанию следствия, а к его ужесточению. После этого обстановка в тюрьме стала еще более тяжелой для подсудимых. К каждому арестованному приставили по два следователя (один уставал, другой его сменял, или один записывал показания, а другой их выбивал). Допросы, как правило, стали продолжаться до 4-х часов утра. О более жесткой обстановке свидетельствует и то, что еще под протоколом от 25 ноября 1949 г. подпись А.А. Вознесенского более или менее нормальная. А через месяц – 26 декабря – подпись как бы другого человека, который еле удерживал перо. Скорее она похожа на отдельные точки, с трудом образующие контуры той или иной буквы. Нет сомнения в том, что это был месяц пребывания в ледяном карцере, особо изнуряющих пыток, после которых он был вынужден подписать признательный протокол без всяких оговорок²⁰⁰.

Несмотря на такое совершенствование организации «труда» следователей, они вырвали у Александра Алексеевича подпись под признанием его «вины» только 19 мая 1950 г., т. е. без малого через девять месяцев от начала допросов, избиений и карцеров. Лев Александрович Вознесенский утверждал, что как бы мужественно ни держались те или иные арестованные в чудовищной ситуации сталинского «следствия», они в конце концов были вынуждены подписывать какие-то признания. Кто-то больше не мог вытерпеть пыток, кого-то затагивали в сети добытых (лучше сказать, выбитых) показаний других лиц, кому-то обещали (чаще всего ложно) не трогать родных и близких, кого-то затагивали в ловушку чистосердечного признания перед партией²⁰¹.

О связях с А.А. Вознесенским следователи допрашивали многих лиц, арестованных по «Ленинградскому делу», особенно, конечно, преподавателей ЛГУ. Так, например, у доцента К.М. Варшавского в продолжение нескольких допросов выпытывали об их контактах. Он утверждал, что они были строго в служебном порядке, ничего личного не было. О его связях

с троцкистами в 1920-х гг. он ничего не слышал. Впервые К.М. Варшавский обратился к нему по телефону с просьбой ускорить прием на работу на политико-экономический факультет. Видимо, этот звонок позволил убыстрить поступление. Встречался он с ним на заседаниях кафедры политической экономии, на научных конференциях. О действительном прошлом К.М. Варшавского А.А. Вознесенский ничего не знал, видел только его анкету. В защите диссертации Александр Алексеевич ему никак не помогал, только подписал решение по этому поводу ученого совета ЛГУ. Обращался к нему с тремя просьбами, из которых он удовлетворил одну: дал разрешение на командировку в Москву в Госплан СССР за материалами для курса «Народно-хозяйственное планирование». Отказал в просьбе опубликовать в издательстве ЛГУ книгу одного из ведущих экономистов Госплана СССР, так как ЛГУ печатает только произведения своих сотрудников. Не удовлетворил просьбу о переводе К.М. Варшавского в НИИ ЭФП при ЛГУ в связи с его увольнением из университета: видимо, не решился конфликтовать с парторганизацией, на основе постановления которой это было произведено, хотя сам же и принимал его на работу²⁰².

Доцент Саул Давидович Зак особо подчеркивал, что при допросах следователи из него пытались «выбить» в буквальном и переносном смысле компромат на А.А. Вознесенского. Но он на все вопросы отвечал, что ничего антисоветского от него никогда не слышал, против линии партии он никогда не выступал. Так что следователям по этой теме нечего было записать в протокол. «После этого они окончательно зверели, и тогда от них можно было ждать все самого худшего. Я категорически отказывался соучаствовать в провокационном заговоре (я так квалифицировал намерения следствия) против советских ученых и студентов. Долго и упорно я сопротивлялся: не подписывал протоколы с провокационными вопросами и иезуитскими, клеветническими ответами, составленные следователями, особенно Гармановым. В знак протеста я объявил голодовку. Часами, подвергаясь гнуснейшим издевательствам, я не произнес ни единого слова. Мои протесты, мои ответы, полные правды, вызвали бешеную злобу и имели для меня роковые последствия <...> Когда я однажды выразил Гарманову протест против недопустимых методов ведения следствия, заявив, что я ведь, в сущности, только подследственный, он, оснащая свою речь замысловатой матерной бранью, ответил следующее: “Запомните, здесь подследственных нет, подследственные гуляют по улице (указывая на открытое окно) и сидят еще в учреждениях, Ты не подследственный, а обреченный и оставь надежду. Дачей показаний, нужных следствию, можешь только облегчить свою участь и участь семьи. У нас тоже план, и за срыв плана ты будешь харкать кровью...”»²⁰³.

Требования подтвердить связь А.А. Вознесенского с троцкистами обрушились на арестованного проф. Л.В. Некраша. Его отказ быстро

привел к тому, что сердце пожилого ученого не выдержало издевательств. Следователи точно рассчитали, что «слабым звеном» среди арестованных является декан политико-экономического факультета доцент В.В. Рейхардт. Выдержать изощренные моральные и физические пытки и ему оказалось не под силу. Он также вскоре умер в ходе следствия. Но перед этим успел подписать все обвинения в адрес А.А. Вознесенского. Хотя, может быть, их за него подписали, а уж во всяком случае, написали. Там все это умели делать.

Л.А. Вознесенский писал: «Пометки Сталина показывают, что он внимательно изучал протоколы допросов всех арестованных по “Ленинградскому делу”. В них указывал, кого еще надо арестовать. После протокола допроса Я.Ф. Капустина, на следующий день – 5 августа он изучал протоколы допроса В.В. Рейхардта. Казалось бы странным, что глава великой страны столь пристально изучает дело отдельного декана, профессора. Но действительно, изучал, как видно из пометок, очень внимательно. В одном из протоколов было указано, что в марте 1949 г., уже после исключения из партии, Рейхардт ездил в Москву к А.А. Вознесенскому посоветоваться и получить поддержку. Он назван в протоколе “матерым троцкистом”, подчеркнута связь с Александром Алексеевичем. Последнее верно: они были друзьями со студенческих лет, вместе работали в ряде вузов. А.А. Вознесенский неоднократно поддерживал Рейхардта в трудную минуту». Оставлял Сталин свои пометки и на протоколах допросов других профессоров, доцентов и преподавателей политико-экономического факультета. Некоторые после этого были тут же арестованы. Особенно отмечал все отрицательные оценки напечатанных их книг²⁰⁴. Как рассказывала в свое время С. Мамоновой дочь Виктора Владимировича Лаура Викторовна Рейхардт, сохранившая до конца жизни фамилию отца, тогда ее, 16-летнюю привезли в Москву, в тюрьму, где сидел Виктор Владимирович. Для расследовавших дело Рейхардта следователей-садистов не было ничего святого. Поэтому, выбивая из него ложные показания, они провели его мимо сидевшей в камере дочери. Таких пыток его сердце долго не могло выдержать²⁰⁵. Однако, насколько известно, Лауре Викторовне этого тогда не сказали. Разве мог после этого Рейхардт не подписывать всего того, что требовали следователи. Так последовал вопрос: «Следовательно, на возглавлявшийся вами политико-экономический факультет Ленинградского университета вы подбирали лиц, враждебно настроенных по отношению к ВКП(б) и советской власти?» Ответил: «Да». Далее спросили: «Какую работу вы проводили совместно с этими людьми?» Ответил: «Моя вина состоит в том, что названные выше лица были назначены на руководящие участки работы на политико-экономическом факультете. Это привело к тому, что процесс воспитания научных кадров приобрел антисоветский характер, чем наносился ущерб советскому государству». «Антисоветская

работа, как моя, так и перечисленных лиц, включая А.А. Вознесенского, проводилась в следующих направлениях. С одной стороны, нами готовились книги, содержащие в себе враждебные ВКП(б) установки. Антисоветские взгляды названных людей пропагандировались в процессе преподавания на факультете, а также в аспирантуре. При подготовке аспирантов к научной деятельности им прививались антимарксистские взгляды. Аспиранты, разделявшие взгляды указанных лиц, приближались, им оказывалось содействие в защите диссертаций, в продвижении на научную работу. С другой стороны, на факультете, ввиду того, что эти лица занимали руководящее положение, создавались условия, препятствующие росту молодых кадров и выдвижению их на научную и преподавательскую работу»²⁰⁶.

На допросе проф. А.И. Буковецкого следователь спрашивал его: «Вы не только скрываете ряд обстоятельств своей и названных вами лиц антисоветской деятельности, но и не называете многих врагов советского государства. Почему, например, вы не говорите о своей связи с Вознесенским А.А.?» Отвечал: «Ничего особенного в моей связи с А.А. Вознесенским не было». Потом спрашивали: «Подбор кадров политико-экономического факультета Ленинградского университета с троцкистом, меньшевиком и с иными антисоветскими и вражескими взглядами не был случайным явлением. Объясните, почему Вознесенский окружил себя такими людьми и покровительствовал им». На это ответил: «Я пояснял это ранее, как стремление Вознесенского набрать квалифицированные кадры профессоров». Не удовлетворившись, еще спрашивали: «Однако, например, Фирсова-Прупис и Зак не отличались выдающимися знаниями, зато они имели вражеские взгляды и в силу этого были протасены на научно-преподавательскую работу. Называйте принципы, которыми руководствовались Вознесенский и Рейхардт в насаждении враждебных элементов в университете». На это сказал: «Я затрудняюсь ответить на этот вопрос»²⁰⁷.

Был задан вопрос о политических взглядах А.А. Вознесенского, В.В. Рейхардта и А.М. Александрова. Отвечал, что это было давно и сейчас он затрудняется ответить. «Я считал Вознесенского и Рейхардта партийцами. Однако в какой степени они придерживались партийных взглядов, я сказать не могу»²⁰⁸. Задали такой вопрос: «Вы показали, что на Александрова влияли, он воспринял ваши меньшевистские взгляды. Почему не говорите о своем аналогичном влиянии на А.А. Вознесенского и В.В. Рейхардта?» Ответил, что они были ему менее близки. «Поэтому мне трудно сказать о моем меньшевистском влиянии на них. Там более, что после окончания ими ФОН я с ними не встречался до 1939 г., когда я возвратился в ЛГУ». Спросили: «Почему вы уклоняетесь от ответа на вопрос о характере политической связи с Вознесенским?» Последовал

ответ: «За давностью лет ничего нужного не могу припомнить. Фактов, которые бы свидетельствовали о наличии меньшевистских установок в ответах Вознесенского на экзаменах, у меня также в памяти не сохранилось». Безуспешно пытался следователь выведать у А.И. Буковецкого что-либо компрометирующее и об отношениях В.М. Штейна и А.А. Вознесенского. Но он уклонялся от ответов.

Надо отметить, что после ареста А.А. Вознесенского организаторы трагических событий на политико-экономическом факультете ЛГУ – С.А. Ильин, ставший деканом вместо изгнанного и потом арестованного В.В. Рейхардта, и парторг Моисеенко – на всех проводимых партийных собраниях клеймили А.А. Вознесенского троцкистом. Обвиняли в связях с троцкизмом и всех арестованных преподавателей, которых, прежде всего, называли космополитами (в основном его учеников С.М. Фирсову и С.Д. Зака).

В июне 1948 г. состоялось расширенное заседание отдела экономики НИИ ЭФП при ЛГУ, на котором в течение двух дней состоялось обсуждение книги В.М. Штейна «Очерки развития русской общественно-экономической мысли XIX–XX веков». Готовился полный ее разгром с обвинением автора в космополитизме. На нем Софья Михайловна Фирсова (Прупис), бывшая аспирантка А.В. Вознесенского, единственная из всех присутствующих, выступила в ее защиту. «Отстоять тогда профессора Штейна удалось. Но Фирсовой этого заступничества за космополита не простили. И когда ее арестуют, именно стенограмма этой защитной речи станет главным документом обвинения»²⁰⁹. На допросах она отвергла все попытки следователей склонить ее к обвинению Вознесенского в троцкизме. Она родила в тюрьме, провела более четырех лет в лагерях.

Во время допросов отказ арестованного от ответа на задаваемые вопросы являлся серьезным нарушением. Могли за это посадить в карцер. Поэтому подследственный должен был хоть что-то говорить, иногда сущую чепуху, или пытаться перевести вопрос с политических позиций на бытовые темы. Особенно это проявилось при допросах проф. В.М. Штейна, который фактически уклонился от политических обвинений А.А. Вознесенского, кроме, может быть, упоминания о назначении деканом политико-экономического факультета «троцкиста» Рейхардта. Хотя, скорее всего, такую его характеристику вписал следователь. Вместо политических обвинений он вынужден был согласиться с менее существенными в виде многочисленных связей с женщинами и якобы «потворствования еврейскому засилию» на факультете.

Но вернемся к следствию над А.А. Вознесенским. 25 сентября 1950 г. ему был предъявлен документ об окончании следствия, о составлении обвинительного заключения. При этом к ранее указанным пунктам обвинения (58-1 «а» и 58-11 УК РСФСР) приписали статью 58-10, ч. 1.

Правда, в УК разделения этой статьи на подпункты не было. После этого была составлена «Справка»: «Вознесенский А.А. арестован 19 августа 1949 г. и содержится под стражей в Лефортовской тюрьме МГБ СССР. Вещественных доказательств по делу нет. Свидетелей, подлежащих вызову в суд, нет. Помощник начальника Следственной части по особо важным делам МГБ СССР Сорокин».

Л.А. Вознесенский писал: «Наверное, десятки раз за последние годы читал я протокол заседания, где игралась сцена “рассмотрения” обвинений в адрес А.А. Вознесенского. И скажу прямо, даже за этим текстом стоит в невероятных условиях сохранивший свое достоинство человек, духовно не сломленный, до конца боровшийся не только за жизнь, но и за свое доброе имя, за справедливость. Удивительно, но и те же самые актеры-“судьи” вели себя, в отличие от “процесса” в Ленинграде [над Николаем Алексеевичем Вознесенским], вполне корректно и даже как-то уважительно. Вероятно, потому, что там они должны были играть свою роль для публики и главного зрителя, точнее читателя, Сталина, а здесь такой необходимости у них не было»²¹⁰. Один раз в ходе судебного заседания, когда Александр Алексеевич заявил, что, вопреки утверждению следователя, он ни в 1917 г. ни в дальнейшем никакого отношения к социалистам не имел, председатель Матулевич привел некую цитату из протокола допроса подсудимого. Произошел такой диалог:

«Подсудимый. Это не моя формулировка. Я только подписал протокол допроса от 26-го декабря 1949 г. В действительности было так, как я уже говорил суду выше.

Председательствующий. Из материалов дела видно, что некоторые формулировки, с которыми вы были не согласны, вы оговаривали и собственноручно вносили исправления. Здесь же никаких исправлений вами сделано не было.

Подсудимый. Верно, в некоторых протоколах допроса я вносил исправления, но только не в протоколе 26-го декабря 1949 г. О причинах подписания этого протокола я не хочу говорить суду Военной коллегии²¹¹. Напомню, что это было после месяца пыток и пребывания в чудовищных условиях карцера». Далее председательствующий спросил: «Кто вас выдвинул на должность министра просвещения РСФСР?». А.А. Вознесенский ответил: «Я не знаю. О назначении меня я имел разговор с А.А. Ждановым. В протоколе моего допроса по этому поводу записано иначе. Следователь сказал мне, что без секретаря ЦК ВКП(б) по кадрам [намек на А.А. Кузнецова] на такие должности не выдвигаются. Я согласился с ним, а при подписании протокола был в таком состоянии, что не мог осмысливать формулировки»²¹².

Виновным себя А.А. Вознесенский признал только частично, только в том, что «будучи ректором ЛГУ, санкционировал прием на профессорско-

преподавательскую работу нескольких лиц без специальной проверки» и «поддерживал связь со своей бывшей женой». «Больше я ни в чем себя виновным не признаю». Из последнего его слова: «Никаких группировок я не поддерживал и к ним не примыкал. Вреда партии умышленно я никогда не приносил. Я 32 года честно и искренне служил коммунистической партии. В течение 25 лет я непрерывно вел пропагандистскую работу. Я прочел более пяти тысяч лекций для студентов. Более тысячи для рабочих и служащих. Я все время вел большую воспитательно-политическую работу. Прошу все это учесть при вынесении приговора». Суд и учел это, объявив ему со всеми прежними обвинениями приговор, возможность которого он предвидел заранее, – расстрел с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества. По официальным данным, он был осужден ВКВС СССР 27 октября 1950 г. по ст. 58-1 «а», 58-7 и 58-11 УК РСФСР²¹³.

Заметим, что такую же процедуру с тем же результатом осуществил этот «суд» и в отношении его сестры Марии Алексеевны Вознесенской. Председатель суда Матулевич распорядился о немедленном исполнении этих приговоров, что и было осуществлено, как и четыре недели до этого в Ленинграде в отношении Николая Алексеевича Вознесенского. Александра Алексеевича и Марию Алексеевну Вознесенских расстреляли вместе по общему для них «наряду» 28 октября 1950 г. в 2 часа ночи²¹⁴.

Обо всем этом свидетельствует следующий документ:

«Сов. секретно. Военная коллегия Верховного суда Союза ССР. 27 октября 1950 г. № 0018383. Москва, ул. 25 Октября, 23. Начальнику отдела “А” МГБ СССР генерал-майору тов. Герцовскому. Прошу дать указание коменданту МГБ СССР о немедленном приведении в исполнение приговоров Военной коллегии Верховного суда Союза ССР от 27 октября 1950 г. в отношении Вознесенского Александра Алексеевича и Вознесенской Марии Алексеевны, осужденных к высшей мере уголовного наказания – расстрелу. Приложение: две копии приговоров по два экз. каждая. Председатель военной коллегии Верховного суда Союза ССР генерал-майор юстиции /Матулевич/. Гербовая печать: 4-ая Выездная Сессия Военной коллегии Верховного суда Союза ССР». К этому документу прилагался еще один: «Копия /оригинал от руки/ Сов. секретно. Москва. 28 октября 1950 г. Акт. Мы, нижеподписавшиеся, удостоверяем, что приговоры Военной коллегии Верховного суда СССР от 27 октября 1950 г. в отношении осужденных к ВМН – расстрелу Вознесенского Александра Алексеевича 1898 года рождения и Вознесенской Марии Алексеевны 1901 года рождения приведены в исполнение 28 октября 1950 г. в 2 часа 00 мин. (На имеющейся копии подписи отсутствуют)». Их тела сожгли в Московском крематории на территории Донского монастыря, а прах сбросили в огромную яму на местном кладбище. На

этой «Могиле невестребованных прахов» в 1996 г. был открыт мемориал жертвам политических репрессий первых послевоенных лет²¹⁵. И можно считать, что частичкой его является памятник трагической судьбы А.А. и М.А. Вознесенских. Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 14 мая 1954 г. А.А. Вознесенский был реабилитирован.

3. Николай Алексеевич Вознесенский

Теперь о брате Александра Алексеевича – Николае Алексеевиче Вознесенском, который был не раз упомянут в предыдущем изложении. О нем писала его сестра Валентина Алексеевна: «Насколько мне не изменяет память за давностью лет, Николай учился сначала в Чернской приходской школе три года (вероятно с 1911 по 1914 г.), а затем с 1914 по 1917 г. в Высшем начальном четырехклассном училище. В 1917/18 учебном году он посещал среднюю трудовую школу, но в то время он уже работал. После смерти отца семья наша буквально бедствовала, мы голодали, нищенствовали. Он начал работать с лета 1917 г. Сначала мальчиком у чернского гробовщика, выполняя подсобные работы, строгал доски, затем в типографии (может быть, наборщиком) и на других работах. В то время он был один “добытчик” в нашей семье. Александр учился в Петроградском университете, а я с Марией в школе. Свой заработок Коля отдавал маме, и на эти средства мы тогда жили. Помню, как она, получая от Коли очередную его получку, со слезами на глазах называла его “нашим кормильцем”. С лета 1919 г. до начала 1921 г. он работал секретарем Чернского укома комсомола. В августе 1919 г. вступил в члены ВКП(б). В 1921 г. несколько месяцев он работал в Тульском Обкоме комсомола. Тогда же поступил на учебу в Коммунистический университет им. Свердлова. Затем продолжал образование в институте Красной профессуры. Редко мне приходилось встречать людей, которые так, как он, сохранили бы черты своего характера от ранней юности до зрелого возраста: честность, правдивость, не терпел он фальши и лжи. В учении и в работе всегда проявлял собранность, упорство, трудолюбие. Он не любил попусту тратить время. Праздность, безделье, пустая болтовня претили его натуре»²¹⁶. С 1924 г. он был на партработе. В 1924–1926 гг. заведовал агитпропом Енакиевского райкома партии, в 1926–1927 гг. секретарь парткома Енакиевского металлургического завода, в 1927–1928 гг. – заместитель заведующего агитпропом Артемьевского окружкома. В 1931–1934 гг. учился, а затем преподавал в экономическом Институте красной профессуры. Одновременно был на руководящих постах в Наркомате рабоче-крестьянской инспекции СССР. С 1934 г. руководитель группы планирования и учета Комиссии советского контроля при СНК СССР, в 1938 – марте 1939 г. член бюро этой комиссии, ее уполномоченный в г. Сталино. После убийства С.М. Кирова переведен в 1935 г. в Ленинград, где назначен

председателем городского комитета по планированию. Одновременно в 1937 г. заместитель председателя Ленгорисполкома. Стремительный его взлет по служебной лестнице начался в 1937 г., когда в ходе чисток погибла большая часть хозяйственных руководителей СССР. В ноябре 1937 г., после нахождения в Ленинграде около трех лет, Н.А. Вознесенский переехал в Москву, будучи выдвинут на пост заместителя председателя Госплана при СНК СССР. А в январе 1938 г., после ареста председателя В.И. Межлаука (1893–1938), возглавил Госплан СССР, которым руководил десять лет. Правда, с марта 1941 г. по декабрь 1942 г. председателем Госплана был М.З. Сабуров (1900–1977). Одновременно с апреля 1939 г. по март 1941 г. он заместитель председателя СНК СССР. В марте 1939 г. избран членом ЦК ВКП(б), а в феврале 1941 г. стал кандидатом в члены Политбюро ЦК ВКП(б). По его предложению в последние предвоенные годы был резко увеличен объем капитальных вложений в оборонную промышленность на востоке СССР. 10 марта 1941 г. назначен единственным первым заместителем председателя СНК СССР, которым после начала Великой Отечественной войны стал И.В. Сталин. Вознесенский остался его главным соратником по руководству хозяйством страны. Только в 1942 г. была создана вторая должность первого заместителя председателя СНК, которую занял В.М. Молотов. С февраля 1942 по сентябрь 1945 г. Н.А. Вознесенский входил в состав Государственного Комитета Оборона. Под его руководством Госплан СССР превратился в важнейший орган управления народным хозяйством, фактически экономическим штабом, руководившим не только производством, но и реализацией продукции. С началом войны он отвечал за разработку военно-хозяйственных планов, формирование и развитие военной экономики страны, перебазирование на восток почти двух третей ее производственного потенциала, прежде всего предприятий авиационной, танковой промышленности, всех отраслей, производящих вооружение, боеприпасы, а также металлургии и других производств, обеспечивающих всем необходимым военно-промышленный комплекс. И это в условиях, когда транспортные потоки с войсками направлялись на запад, решить такую задачу для любого европейского государства было даже теоретически немыслимо²¹⁷. В годы войны он поразил мир беспрецедентной организацией работы народного хозяйства страны для нужд победы над фашизмом в тяжелейших условиях того времени.

Н.А. Вознесенский был автором многих статей по экономическим вопросам, вышедшей книги «Военная экономика СССР в период Отечественной войны» (М., 1947). Она была написана, что называется, по горячим следам, являлась первым научным трудом по всестороннему изучению военной экономики Советского Союза и ее роли в достижении победы над врагом. В ней весьма компетентно и всесторонне были раскрыты такие вопросы, как эвакуация промышленных предприятий в восточные районы

СССР в 1941–1942 гг., перевод экономики на военные рельсы, решение проблемы рабочей силы для народного хозяйства, возникавшие финансовые вопросы и т. д. Данная работа понравилась Сталину. В ней, как считается, автор стремился подчеркнуть что-то прогрессивное в развитии экономики, которое, однако, не выходило за пределы существовавшей системы, не могло быть истолковано как не соответствующее указаниям вождя. Он был избран в число членов АН СССР (27 сентября 1943 г.), за свои труды и практическую деятельность получил степень доктора экономических наук (1943), за выпуск указанной книги стал лауреатом Сталинской премии первой степени (1948)²¹⁸. Все полученные 100 тысяч рублей отправил в детские дома Горьковской и Тульской области. За свою деятельность был награжден двумя орденами Ленина.

Для Н.А. Вознесенского послевоенные годы были периодом его растущего влияния. Сталин, судя по многим признакам, высоко ценил его как специалиста и преданного делу руководителя. Писатель К. Симонов со слов министра путей сообщения И.В. Ковалева записал характерные высказывания Сталина о Вознесенском: «Вот Вознесенский, чем он отличается в положительную сторону от других заведующих, – как объяснил мне Ковалев, Сталин иногда так иронически “заведующими” называл членов Политбюро, курировавших деятельность нескольких подведомственных им министерств. Другие заведующие, если у них есть между собой разногласия, стараются сначала согласовать между собой разногласия, а потом уже в согласованном виде довести до моего сведения. Даже если остаются не согласными друг с другом, все равно согласовывают на бумаге и приносят согласованное. А Вознесенский, если не согласен, не соглашается согласовывать на бумаге. Входит ко мне с возражениями, с разногласиями. Они понимают, что я не могу все знать, и хотят сделать из меня факсимиле. Я не могу все знать. Я обращаю внимание на разногласия, на возражения, разбираюсь, почему они возникли, в чем дело. А они прячут это от меня. Проголосуют и спрячут, чтоб я поставил факсимиле. Хотят сделать из меня факсимиле. Вот почему я предпочитаю их согласованиям возражения Вознесенского»²¹⁹. К. Симонов также писал, что определенное впечатление произвел Н.А. Вознесенский на него, когда он наблюдал его на одном из заседаний по присуждению Сталинских премий: «Он запомнился мне не потому, что понравился, а потому, что чем-то удивил меня. Видимо, тем, как резковато и вольно он говорил, с какой твердостью объяснял, отвечая на вопросы Сталина, разные изменения, по тем или иным причинам внесенные в первоначальные решения Комитета по премиям в области науки и техники. Как несколько раз настаивал на своей точке зрения – решительно и резковато. Словом, в том, как он себя вел там, был некий диссонанс с тональностями того, что произносилось другими, и это мне запомнилось»²²⁰.

В марте 1946 г. с созданием Совета министров СССР Н.А. Вознесенский остался в его составе на должности заместителя председателя. 26 февраля 1947 г. переведен из кандидатов в члены Политбюро ЦК ВКП(б). Именно тогда Александр Алексеевич Вознесенский сказал своему сыну Льву: «Наконец-то Николай может ничего не бояться!» И ошибся. «Но как характерна эта фраза для той эпохи!» – пишет Лев Александрович²²¹.

Летом 1948 г. первый секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) П.С. Попков, как считается, по своей личной инициативе обратился к Н.А. Вознесенскому с предложением взять «шефство» над этим городом. Он отверг это предложение, но не доложил об этом в ЦК ВКП(б), что потом ставилось ему в вину. Этот факт, как бы не имеющий существенного значения, потом был соответствующим образом обработан следователями, что имело трагические последствия для этих и для ряда других лиц.

Как известно, Сталин исключительно резко отреагировал на весьма малосущественные обвинения в адрес А.А. Кузнецова, председателя Совмина РСФСР М.И. Родионова и секретаря Ленинградского обкома партии П.С. Попкова. Тем не менее 15 февраля 1949 г. Политбюро приняло постановление «Об антипартийных действиях Кузнецова, Родионова и Попкова», которое наносило косвенный удар и по Н.А. Вознесенскому. При этом указанное предложение П.С. Попкова, которое сочли антипартийным, явилось как бы первым звеном в цепи последующих обвинений Н.А. Вознесенского. Для Маленкова и Берии он был наиболее опасным конкурентом в борьбе за высшие посты в государстве. Они настраивали Сталина против него, подбрасывая все новые и новые порочащие факты.

В начале 1949 г. органы МГБ с подачи Сталина, Маленкова и Берии начали организацию крупных политических процессов. При этом Н.А. Вознесенский должен был стать ключевой фигурой фасильфицированного заговора по организации обособления РСФСР на правах отдельной республики в составе СССР со столицей в Ленинграде.

Наверное, с этим и другими обвинениями был связано то, что в июле 1949 г. Н.А. Вознесенский обнаружил на своей даче пистолет с одним патроном. Кто и зачем его подбросил? Это осталось неизвестным. Но он тут же сдал его вместе с оружием, которое было у него дома. Так он пренебрег намеком на уход от ответственности путем самоубийства.

На таком политическом фоне происходила разработка народнохозяйственного плана СССР на 1949 г. По свидетельству А.И. Микояна, в ноябре 1948 г. при обсуждении вопроса в Политбюро Сталин предложил Н.А. Вознесенскому разработать такой план, чтобы в первом квартале 1949 г. избежать обычного сезонного падения объемов производства по сравнению с четвертым кварталом предыдущего года. Сталин на фоне

благоприятного 1948 г. явно вел дело к наращиванию темпов индустриального роста. И тогда Н.А. Вознесенский не посмел ему перечить. По мнению Микояна, Вознесенский не мог не понимать, что такое задание на первый квартал 1949 г. невыполнимо, хотел как бы, перестраховаться, учитывая неизбежное сезонное снижение объемов промышленного производства и строительства. Но вынужден был ответить согласием, потому что, «видимо, психологическая обстановка была такая». Принятое решение предусматривало рост промышленной продукции в первом квартале 1949 г. по сравнению с четвертым в 1948 г. на 5%. Н.А. Вознесенский, как следовало из его резолюции, просто не мог не согласиться с этим, Однако фактически по каким-то причинам (но, несомненно, не без его согласия) план на первый квартал был оставлен без изменений, хотя план на 1949 г. в целом подвергся соответствующей корректировке в сторону увеличения. Здесь дело было в том, что этот год был юбилейным – Сталину исполнялось 70 лет. И потому все годовые показатели должны были быть от победы к победе. Как же можно было допустить снижение объема производства, даже несмотря на все объективные причины! Обо всем этом Берия доложил Сталину. Создалась возможность обвинить Н.А. Вознесенского в обмане правительства²²².

Тогда же к Сталину обратился с запиской заместитель председателя Госснаба СССР М.Т. Помазнев. Он писал, что директивы правительства о росте промышленного производства на 5% в составленном Госпланом СССР плане на первый квартал 1949 г. не учтены. Записка, видимо, была составлена в феврале 1949 г. и ее использовали Берия и Маленков для обвинений Н.А. Вознесенского. Возможно, она была инспирирована ими. Во всяком случае, Помазнев вскоре был назначен на влиятельный пост управляющего делами Совета министров. Сталин поручил Бюро Совета министров рассмотреть эту записку. Н.А. Вознесенский пытался оправдаться, однако Бюро поддержало Помазнева и 1 марта 1949 г. представило Сталину доклад, критикующий позицию Госплана. Правда, пока в докладе речь шла лишь об отдельных ошибках и необходимости исправления планов на первый и второй кварталы 1949 г. Более широкие и резкие выводы пока не делались. Однако в цепи обвинений, предъявлявшихся Н.А. Вознесенскому, занижение плана на первый квартал 1949 г. стало вторым звеном.

К указанному можно добавить, что Госснаб был образован в 1948 г., и до 1952 г. его председателем был член Политбюро ЦК ВКП(б) верный сталинец Л.М. Каганович. Мы не знаем, как отнесся к этому Н.А. Вознесенский. Но возможно, отрицательно, так как этот орган перенял на себя часть функций Госплана. Не исключено, что между этими органами существовали противоречия, как в будущем между Госпланом и Госэкономсоветом (это уже по нашим собственным наблюдениям). И записка

М.Т. Помазнева, видимо, их отражала. Во всяком случае, она не могла возникнуть без согласия или даже инициативы Л.М. Кагановича, а значит, Политбюро.

Между тем начало разворачиваться «Дело Госплана», существом которого было обвинение Н.А. Вознесенского в неправильном отношении к секретным документам, что привело к их пропаже в Госплане. И это было третье звено в цепи его обвинений, окончательно решившее его судьбу. Обстоятельства фабрикации этого дела точно не ясны. Возможно, что его инициатором выступил уполномоченный ЦК ВКП(б) по кадрам в Госплане Е.Е. Андреев (такая должность тогда была создана, причем, вероятно, вопреки мнению Н.А. Вознесенского), с особым рвением выполнявший свою миссию. Не исключено, что дело возникло по инициативе сотрудников МГБ, проверявших Госплан. Во всяком случае, 22 августа 1949 г. Андреев направил секретарям ЦК Пономареву и Маленкову записку, в которой информировал, что в Госплане за пять лет – с 1944 по 1948 гг. – пропало 236 секретных документов. Приводил многочисленные факты нарушений руководством Госплана порядка обеспечения государственной тайны. Андреев при этом сообщал, что «в настоящее время секретное делопроизводство в Госплане проверяется сотрудниками МГБ СССР», не объяснив, началась ли эта проверка после обнаружения пропаж секретных документов или факт пропаж был вскрыт этими сотрудниками.

Информации Андреева сразу же был дан ход. 25 августа 1949 г. по записке было принято специальное решение Совета министров, которое обязывало провести расследование причин пропажи документов. Затем этим вопросом занялась КПК при ЦК ВКП(б), в частности, ее председатель М.Ф. Шкирятов. Ничего хорошего для Вознесенского это не предвещало, так как этот деятель был одним из самых рьяных и жестоких исполнителей сталинских указаний. 1 сентября он вызвал Н.А. Вознесенского и предъявил ему обвинения в связи с пропажей документов. Он предлагал исключить его из членов ЦК ВКП(б) и отдать под суд. Н.А. Вознесенский направил свои объяснения в ЦК на имя Сталина. Он пытался объяснить, что контроль за хранением секретных документов не входил в число его прямых обязанностей. Однако в целом его записка носила характер покаяния и была одной из попыток добиться прощения у Сталина. «Почему же я не принял решения о привлечении виновных к суду, а ограничился административными взысканиями и не сообщил об этих фактах в ЦК и правительство? Когда я пытаюсь осмыслить причины такого проступка, мне приходится разграничить вопрос: почему я не сделал этого тогда и как я понимаю это дело теперь? Тогда мне казалось, что поскольку нет данных, что документы использованы для разглашения государственной тайны и что о фактах недостачи документов, как мне говорил Купцов [заместитель Вознесенского, отвечавший за работу секретного отдела

Госплана], он сообщает в МГБ, я думал, что можно поверить объяснениям виновных и ограничиться административными взысканиями. Теперь я понимаю, что этот обывательский подход недопустим, что я допустил большую вину перед ЦК и правительством, что нельзя субъективным толкованием подменять законы, что их надо выполнять неукоснительно и что только суд и следствие компетентны решать данный вопрос. Все это теперь мне ясно потому, что после моего снятия с работы, ценой больших переживаний я ликвидировал свою болезнь – самонадеянность и самомнение, что все отношение к партийным и советским решениям, конечно, стало по-настоящему обостренным и бдительным». Письмо от 1 сентября заканчивалось так: «Обращаюсь в ЦК ВКП(б) и к Вам, товарищ Сталин, и прошу Вас простить мне мою вину, изложенную здесь. Наказание, которое я уже получил, и нахождение длительное время без работы настолько потрясло и переродило меня, что я осмеливаюсь просить Вас об этом и поверить, что Вы имеете дело с человеком, который извлек уроки и понимает, как надо соблюдать партийные и советские законы». Однако 11 сентября 1949 г. Секретариат ЦК, рассмотрев предложения Шкирятова, принял постановление «О многочисленных фактах пропажи секретных документов в Госплане СССР», решил вынести его на утверждение Пленума ЦК. Оно поддержало мнение КПК об исключении Вознесенского из состава ЦК ВКП(б) и предании его суду²²³.

Л.А. Вознесенский подчеркивал, что Николай Алексеевич был чрезвычайно осторожным человеком. Так, например, узнав о предстоящем намерении властей назначить его брата на должность, связанную с Министерством иностранных дел (был такой вариант до его назначения министром просвещения), он упросил не делать этого, так как это влекло за собой неизбежную связь с иностранцами, что могло при желании скомпрометировать братьев. Видимо, он хорошо знал приемы МГБ, включая их стремление цепляться к таким связям, делая из этого самые серьезные выводы²²⁴. Однако он имел привычку (со времен войны) уничтожать черновики плановых разработок, что теперь строжайше запрещалось. Всякая, ставшая ненужной, бумажка в Госплане подлежала передаче специальным службам, где ее регистрировали, уничтожение ее следовало активировать. Так он оказался виновным и в нарушении режима секретности²²⁵.

5 марта 1949 г. Президиум Верховного Совета СССР издал указ, в котором говорилось, что за разные действия, имевшие антипартийный и антигосударственный характер, включая занижение плана на 1-й квартал 1949 г., Н.А. Вознесенский освобождается от обязанностей председателя Госплана СССР, а указом от 7 марта – от обязанностей заместителя председателя Совета министров СССР. Тогда же путем письменного опроса членов ЦК ВКП(б) было принято решение его Пленума о том,

что в связи с этими указами, а также постановлением Совета министров СССР, вывести Н.А. Вознесенского из состава Политбюро ЦК ВКП(б)²²⁶. 12–13 сентября также опросом Пленум ЦК одобрил его исключение из ЦК и привлечение его к судебной ответственности за утрату документов Госпланом СССР.

Надо упомянуть, что 13 июля 1949 г. вышло строго секретное постановление Политбюро «О журнале “Большевик”», в котором ряд его сотрудников подверглись критике, получили взыскания за предоставление читателям книги Н.А. Вознесенского «Военная экономика СССР в период Отечественной войны» как учебника и глубоко научного исследования. В этом постановлении было указано на то, что Д.Т. Шепилов «совершил грубую ошибку, допустив рекомендацию Отделом пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) книжки Н. Вознесенского в качестве учебника для работы с секретарями райкомов партии и пропагандистскими кадрами. Отменить эти указания как ошибочные»²²⁷. Между тем в книге были соблюдены все необходимые тогда идеологические требования, восхваление Сталина осуществлено по всем поводам и даже при отсутствии таковых. Причем иногда вместе с Лениным. И, несмотря на все это, в середине 1949 г. наступил переломный момент, когда И.В. Сталин внутренне отказался от своих слов о скором возвращении автора этой книги (что он обещал ему после снятия с руководства Госпланом) в «руководящее ядро» и окончательно сдал его на расправу Берии и Маленкову²²⁸.

Между тем надо подчеркнуть, как писал А.З. Ваксер, «рукопись указанной книги Сталин держал у себя почти год, скрупулезно делая вставки, исправлял и в конце концов одобрил <...> Книга, помимо основного материала, содержала краткое изложение экономических воззрений автора. Среди них центральное место занимали положения о признании объективности экономических законов, необходимости укрепления экономических рычагов в организации производства и распределения, какими являлись цена, деньги, кредит, премия». А.З. Ваксер также отмечал, что «впервые после свертывания нэпа Вознесенским и его соратниками была осуществлена практическая попытка совмещения административной системы управления с использованием экономического инструментария хозяйствования, которая должна была повысить эффективность советской экономики, не только завершить восстановление, но и сделать шаг в совершенствовании всей хозяйственной системы. Она провалилась по многим причинам, в частности и потому, что не соответствовала методам и организации управления промышленностью, выпестованных Сталиным, требовала длительной подготовки, нового уровня хозяйственных кадров. Решить ее командными средствами, натиском, характерными для предвоенной, военной и послевоенной эпохи, оказалось невозможно. Жизнь, однако, заставила вновь вернуться к тем же идеям в конце 1950-х годов

<...> Сталин, в течение ряда лет поддерживавший эти идеи, бросил, как это бывало и прежде, вчерашних единомышленников, переложил всю ответственность за провал на них»²²⁹. Здесь А.З. Ваксер под провалом имеет в виду бюджетный кризис 1949 г., который власти постарались скрыть. И это удалось. А сделать это надо было в основном ввиду того, что это был год 70-летия Сталина, и омрачать его никак нельзя было. Ответственность за провал свалили на ленинградцев, включая Н.А. Вознесенского. И это, по мнению А.З. Ваксера, послужило, помимо всех прочих, экономической причиной возникновения «Ленинградского дела», что историки до сих пор не принимали во внимание.

В.М. Андрианов, направленный ЦК, 9 августа 1949 г. доложил И.В. Сталину о проделанной в Ленинграде «работе» по искоренению врагов. При этом он указывал и на книгу Н.А. Вознесенского «Военная экономика...», которую студенты якобы изучают на семинарах больше, чем тему развития тов. Сталиным теории марксизма-ленинизма²³⁰. Хотя, следует сказать, за эту книгу в 1948 г. он получил Сталинскую премию. Явно не вызвали сочувствия у вождя письма Н.А. Вознесенского, которые он послал непосредственно после ареста Марии Алексеевны и Александра Алексеевича, хотя и «ритуального» содержания, но явно с надеждой облегчить их судьбу²³¹.

С 1 сентября по 17 октября 1949 г. Н.А. Вознесенский направил Сталину последние в своей жизни четыре письма, касавшиеся его лично. В них он пытался объяснить ситуацию, просил о более объективном рассмотрении выдвинутых против него обвинений. Но все было напрасно. 4 сентября Бюро КПК приняло постановление о пропаже в Госплане секретных документов. Во всем обвинили Н.А. Вознесенского. В частности, в том, что, обнаружив в свое время виновников некоторых пропаж, он ограничился административными мерами воздействия, а не передал материал следственным органам. Но он-то знал, чем это может кончиться для этих виновников! Жалел людей. А теперь ему пришлось оправдываться, унижаться, бичевать себя, представляться каким-то недотепой, реагировать на обвинения какой-то отпиской, основное содержание которой сводилось к «не знаю» и к «не видел». В тех же случаях, когда прикинуться незнайкой не удавалось, Н.А. Вознесенский оправдывается различными пространными рассуждениями о собственных недостатках, которые он не сумел своевременно преодолеть²³².

Претензии к Н.А. Вознесенскому по поводу нарушений в хранении секретных документов и другие все же не были главными в комплексе обвинений. Главным являлось то, что самостоятельные мнения и действия Н.А. Вознесенского были нужны хозяину во время войны. Но она закончилась, а самостоятельность осталась. В.И. Ленин когда-то писал о необходимости придания Госплану законодательных функций. Возмож-

но, Н.А. Вознесенский в какой-то степени этому указанию продолжал следовать. Но времена-то изменились. Как уже сказано, серьезным обвинением была его тесная связь с руководителями Ленинграда, потакание их намерениям увеличить значение города. Так, он знал о предстоящем проведении в нем Всероссийской торговой ярмарки. Однако счел это малосущественным фактом, в ЦК не сообщил об этом.

Все попытки Н.А. Вознесенского опровергнуть наветы, объяснить причины допущенных ошибок не принимались во внимание, его прошлые заслуги никак не учитывались. Имелся документ об исключении Н.А. Вознесенского из партии, подписанный И.В. Сталиным. Но через много лет оказалось, что это исключение фактически так и не состоялось по каким-то техническим причинам (но в 1988 г. его, вместе с А.А. Кузнецовым, все же восстановили в партии)²³³.

Н.А. Вознесенского арестовали 27 октября 1949 г. При аресте была изъята, а потом, по некоторым сведениям, уничтожена рукопись книги, над которой он работал длительное время, – «Политическая экономия коммунизма» объемом 822 страниц²³⁴. Последний обобщенный протокол его допросов был представлен И.В. Сталину 9 декабря 1949 г. На этом как бы закончилась следственное формирование его дела²³⁵. Не позднее 12 ноября 1949 г. его исключили из АН СССР. Предложение о приговоре по этому делу министр МГБ В.С. Абакумов представил Сталину 18 января 1950 г. Постановление о расстреле Н.А. Вознесенского с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества Политбюро утвердило 30 сентября 1950 г.

Родные Николая Алексеевича получили следующий документ: «Военная коллегия Верховного суда РФ. 18 сентября 1998 г. № 4Н-04862/54. Справка. По сообщению Центрального архива ФСБ РФ № 10/а-3467 от 7 сентября 1996 г. приговор в отношении Вознесенского Николая Алексеевича, 1903 г.р., приведен в исполнение 1 октября 1950 г. в г. Ленинграде, место захоронения мемориальное кладбище “Левашовская пустошь”». Статьи обвинения его были 58-1а, 58-7, 58–11. На этом кладбище, где покоится прах более чем 40 тысяч расстрелянных в 1937–1952 гг., его семья поставила памятник-камень, на котором выбито его имя и годы жизни²³⁶. Для характеристики той эпохи следует привести такой факт, что в приговоре о расстреле после фамилии Н.А. Вознесенского чернилами вписано, как важное дополнение, что он происходит из семьи владельца сапожной мастерской²³⁷. Что касается упомянутого приведения в исполнение приговора, то по этому поводу был составлен «Акт» с грифом «Совершенно секретно». В нем указано, что «поименованные на обороте (т. е. получается, что этот «Акт» был написан на оборотной стороне приговора, который держал в руках руководитель расстрела) 1. Кузнецов А.А. 2. Попков П.С. 3. Вознесенский Н.А. 4. Капустин Я.Ф. 5. Лазутин

П.Г. 6. Родионов М.И. расстреляны в 2 часа ночи». «Акт» подписали: начальник Отдела «А» МГБ СССР генерал-майор Герцовский, начальник Комендантского отдела МГБ СССР генерал-майор Блохин и военный прокурор полковник юстиции Кульчицкий²³⁸. Так же был составлен следующий «Акт»: «Мы, нижеподписавшиеся, удостоверяем, что 1 октября 1950 г. в котельной Внутренней тюрьмы УМГБ Ленинградской области нами были уничтожены путем сожжения личные вещи, снятые с шести человек осужденных Военной коллегией суда СССР 29–30 сентября 1950 г. к ВМН – расстрелу. При сожжении присутствовал зам. коменданта УМГБ Лен. обл. майор Жемов. Нач. Комендантского отдела МГБ СССР генерал-майор Блохин, Нач. группы Комендантского отдела МГБ СССР полковник Семенихин, Нач. группы Комендантского отдела МГБ СССР ст. лейтенант Новиков»²³⁹. И, наконец, последний «Акт»: «Мы нижеподписавшиеся удостоверяем, что 1 октября 1950 г. в 4 часа 00 мин. было зарыто в яму на спецобъекте УМГБ Ленинградской области шесть трупов. Нач. Отдела «А» МГБ СССР генерал-майор Герцовский, Нач. Комендантского отдела МГБ СССР генерал-майор Блохин. Нач. Отделения Отдела «А» МГБ СССР подполковник Воробьев, Зам. Коменданта УМГБ Лен. обл. майор Жемов»²⁴⁰.

Таким образом, от вынесения приговора с учетом его окончательного согласования с Москвой, а это было около 12 часов ночи, до захоронения тел прошло примерно четыре часа. По некоторым сведениям, на приговоренных к смерти прямо в зале накинули белые мешки. И здоровенные конвоиры на себе их доставили в управление МГБ. А это было не так уж трудно: расстояние метров 200, вес крайне истощенных людей не так уж был велик. Но, скорее всего, все же их в этих мешках тащили до машин (идти после всего этого многие вряд ли могли), на которых и везли в управление. Там расстрел произвели весьма быстро. А от управления до места захоронения за два часа, наверное, проехать можно. Во всяком случае, при этом было выполнено распоряжение председательствующего на суде генерал-майора юстиции Матулевича: «Начальнику Отдела “А” МГБ СССР генерал-майору тов. Герцовскому А.Н. Прошу дать указание коменданту МГБ СССР о немедленном приведении в исполнение приговора Военной коллегии Верховного суда СССР от 29–30 сентября 1950 г. в отношении осужденных по ст. ст. 58-1 «а», 58-7 и 58-11 УК РСФСР к высшей мере уголовного наказания – расстрел [поименованы шесть человек]. Приложение: копия приговора»²⁴¹.

Как следует из указанного, Николая Алексеевича «судили» вместе со всеми основными жертвами «Ленинградского дела», когда большинство их «присудили» к расстрелу. Об обстановке этого «суда» некоторые сведения можно почерпнуть из воспоминаний сына Ф.Е. Михеева, осужденного к 10 годам тюремного заключения: «Непосредственно про суд, состояв-

шийся в Ленинградском доме офицеров, отец мог рассказать очень мало. По его словам, из Москвы его привезли в невменяемом состоянии. Он плохо ориентировался в окружающем, все было как во сне. Он даже не был уверен, что находится в Ленинграде, а не в другом месте. Вспоминал лишь отдельные, не связанные друг с другом эпизоды. Такое состояние могло быть вызвано физическим и психическим истощением в результате почти годового следствия. Оно не могло быть связано со страхом или волнением перед предстоящим судом: отец надеялся, что суд, наконец, разберется и признает его невиновным. Я думаю, почти уверен, что дело не обошлось без накачивания отца психотропными средствами, поскольку секретные фармакологические лаборатории НКВД и МГБ всегда работали эффективно. Отец помнил, что следователь все время находился рядом и что-то постоянно внушал. Видимо, подсудимые не находились в зале, а периодически вызывались, вернее, приводились или притаскивались конвойными, по одному или вдвоем, для дачи показаний. Отец считал, что достойнее всех вел себя Н.А. Вознесенский, который пытался возражать против обвинения. Окончания суда и чтения приговора отец совершенно не мог вспомнить, стал приходить в себя только во Владимире, в тюрьме»²⁴².

Как писала Валентина Алексеевна Вознесенская в указанных выше воспоминаниях, «Николай Алексеевич был строго принципиальным в решении всех вопросов до конца своих дней. Никакой обывательщины, никакой семейственности он не терпел и не допускал в решении политических вопросов. Его сослуживцы по Госплану называли “глыбой ума”». И до сих пор в ряде зарубежных и отечественных работах его вспоминают как гениального организатора эвакуации промышленности на восток и создания там военного производства, позволившего победить германский фашизм. Его называют «стратегом экономической победы».

С.И. Семин, работавший начальником управления Госплана при Н.А. Вознесенском, отмечал его исключительную энергию и прекрасную подготовку в области планирования развития народного хозяйства. «При всей жесткости директивной экономики председатель Госплана пытался, где только мог, более широко вовлечь трудящихся в процесс планирования, контроля, определения перспектив развития каждого предприятия. Не знал отпусков и выходных дней. После Бухарина это, пожалуй, был второй и, наверное, пока последний крупный экономист в нашем высшем руководстве»²⁴³.

В. Иванченко писал: «Н.А. Вознесенский оставил неизгладимый след во всех сферах жизнедеятельности советского народа. Память о нем сохранится вместе с памятью о Великой Отечественной войне. Но вместе с тем научное, методологическое и организационное наследие Н.А. Вознесенского крайне необходимо сегодня, когда Россия нуждается в экономической стратегии мобилизационного типа, чтобы реально встать

на путь стабильного развития в условиях современной глобализации, и, прежде всего, в экономике»²⁴⁴.

1 декабря 1973 г. в день 70-летия рождения Н.А. Вознесенского в ЛФЭИ, носившем тогда его имя, состоялось торжественное открытие посвященного ему мемориального комплекса с бюстом. В печати выражалась благодарность его жене за помощь по организации мемориала²⁴⁵.

Жена Н.А. Вознесенского – Мария Андреевна Литвинова (1907–2000) родилась в г. Дебальцево на Украине. Окончила библиотечный техникум, Московский педагогический институт. Работала школьной учительницей русского языка и литературы. Арестована 21 октября 1950 г. Приговорена ОСО при МГБ СССР к 10 годам лишения свободы. Была освобождена в 1954 г., реабилитирована²⁴⁴. У нее с Н.А. Вознесенским были две дочери: Майя Николаевна, по мужу Самсонова (1930), – архитектор, имеет дочь Елену, также архитектора, Наталья Николаевна Вознесенская (1941) – по специальности химик, имеет дочь Анну, юриста. Заметим, что из десяти детей Вознесенских только они не были арестованы по какой-то прихоти вождя. Казалось бы, наоборот: в первую очередь. Ан нет, таков каприз тирана. Но и на их долю выпало немало испытаний. Однако они, по крайней мере, оставались в Москве, продолжали учиться²⁴⁶.

4. О других членах семьи Вознесенских

О Марии Алексеевне Вознесенской ее сестра Валентина Алексеевна писала: «Наша сестра Мария Алексеевна отличалась с ранних лет серьезностью, трудолюбием и политической зрелостью». Она член ВКП(б) с 1919 г. После окончания Коммунистического университета была на партийной работе в Донбассе и в Ленинграде. 14 июля 1937 г. арестована по обвинению в том, что являлась «активной участницей контрреволюционной троцкистско-зиновьевской организации». На момент ареста – заведующая учебной частью Дома политпросвещения. Проживала в г. Ленинграде на наб. реки Фонтанки, 22, кв. 22. После 10 месяцев тюрьмы как социально-опасный элемент вместе с мужем Ф.Ф. Визнером и двумя малолетними сыновьями была сослана в Богучанский район Красноярского края (предположительно деревня Климено). Ее брат Н.А. Вознесенский сообщил об этом А.А. Жданову, попросил о помощи. Освобождена от ссылки 24 марта 1938 г., следственное дело прикрыли. «Но, – как писал Лев Вознесенский, – оно осталось, затаилось до поры до времени в архиве и ждало своего часа». Именно тогда возникла опасность ареста и для Александра Алексеевича, который, как считается, тоже участвовал в освобождении сестры. Может быть, органы его тогда вызывали? И уж, несомненно, завели на него дело, которое через годы очень им пригодилось. Возможно, это было так называемое «наблюдательное» дело, превратившееся потом в обычное следственное.

В начале войны Мария Алексеевна находилась в осажденном Ленинграде и занималась партийной работой. В конце 1942 г. переехала в Свердловск, была секретарем горкома ВКП(б) по пропаганде и агитации. Первым секретарем Областного и городского комитетов партии там с 1938 г. был В.М. Андрианов. Он тогда, что называется, использовал Марию Алексеевну, уговорив ее поставить свою подпись (кроме своей) на просьбе, посланной в Госплан СССР, о выделении городу дополнительных ресурсов угля. Сыграла свою роль ее подпись или нет, не известно. Но дополнительный уголь был получен. Позднее, когда В.М. Андрианов активно участвовал в разгроме ленинградских партийных и прочих кадров, об этой подписи вспомнили. При этом забыв, конечно, о подписи андриановской. Это потом ставилось Марии Алексеевне в вину, как сговор с братом, возглавлявшем Госплан СССР и являвшимся членом Государственного Комитета Обороны. По возвращении в Ленинград после окончания войны она заведовала Домом политпросвещения, затем до 15 июня 1949 г. была первым секретарем Куйбышевского райкома партии. 23 декабря 1948 г. выступала на Ленинградской X областной и VIII городской объединенной партконференции. В частности, критиковала ЛПИ им. Герцена за ученые записки по экономгеографии, в которых «протаскиваются буржуазные установки в экономическом районировании СССР»²⁴⁷. Последний раз она упоминалась в печати начале февраля 1949 г. в качестве автора статьи «Идеологическая работа с интеллигенцией»²⁴⁸.

Она была арестована 21 июля 1949 г., когда проживала в Ленинграде, ул. Чайковского, 10, кв. 50. Л.А. Вознесенский писал, что с нее начались все аресты по «Ленинградскому делу». Она отказалась дать нужные сведения показания в отношении ряда других лиц. Была осуждена Военной коллегией Верховного суда СССР 27 октября 1950 г., по ст. 58-1 «а», 58-7, 58-10 ч.1 и 58-11 УК РСФСР к расстрелу с конфискацией всего принадлежащего ей имущества. И ее расстреляли вместе с Александром Алексеевичем 28 октября 1950 г. на что указано выше²⁴⁹. Через год после этого один из ее следователей, это уже вовремя его допроса, сказал, что он с другим следователем свыше восьми часов убеждали ее подписать протокол допроса с обоснованием ее виновности, который был составлен им и его начальником²⁵⁰. Он не сказал, каким путем проводилось это «убеждение».

Заметим, что ее судьба была предрешена и тем, что она была упомянута в опубликованном проекте «Закрытого письма Политбюро членам и кандидатам в члены ЦК ВКП(б) “Об антипартийной враждебной группе Кузнецова, Попкова и др.”», которое направили Сталину 12 октября 1949 г. Г. Маленков и Л. Берия: «...В ходе следствия по делу о враждебной партии группе Кузнецова, Попкова и др. установлено, что с этой группой был связан Вознесенский Н.А. Предложение бывших ленинградских ру-

ководителей Н.А. Вознесенскому о “шефстве” над Ленинградом, сделанное ему Попковым после смерти Жданова, было не случайным. А вытекало из существа их антипартийных связей. Теперь доказано, что только наличием близких связей можно объяснить тот факт, что бывшие ленинградские руководители, втайне от ЦК ВКП(б), вернули из ссылки, восстановили в партии и выдвинули на руководящую партийную работу активного врага партии и Советской власти сестру Вознесенского Н.А. – М.А. Вознесенскую. По этой же причине бывшие ленинградские руководители в своих враждебных целях осуществили выдвижение на руководящую работу сначала ректором Ленинградского университета, а затем министром просвещения РСФСР его брата – Вознесенского А.А.»²⁵¹.

12 июня 1957 г. ее родственникам было выдано «Свидетельство о смерти» 1-ЮБ № 043278. В нем указывалось, что «гражданка Вознесенская Мария Алексеевна умерла 27 октября 1950 г., возраст 49 лет», о причине и месте смерти сведений нет²⁵². В другом документе, выданном 15 февраля 1990 г. по просьбе сыновей, отмечена причина смерти – расстрел, а место смерти – «в местах заключения г. Москва, республика РСФСР». ВКВС 16 июля 1954 г. выдала «Справку»: «Дело по обвинению Вознесенской Марии Алексеевны пересмотрено 14 мая 1954 г. Приговор от 27 октября 1950 г. в отношении Вознесенской М.А. отменен и дело за отсутствием состава преступления производством прекращено. Председатель ВКВС генерал-лейтенант юстиции А. Чепцов». Захоронена была, как и ее брат, на Донском кладбище в Москве.

Имеется «Справка о реабилитации» Вознесенской М.А., «родившейся в селе Теплое (Теплово) Тульской губернии, проживающей по адресу г. Ленинград, наб. р. Фонтанки, д. 22, кв. 22, по решению Комиссии УНКВД по Лен. обл. от 8 августа 1937 г., высланной в административном порядке из Ленинграда без указания срока высылки, как исключенная из рядов ВКП(б) по политическим мотивам. Решением ГУВД С.-Петербурга и Ленинградской области от 25 августа 1997 г. Вознесенская М.А. в связи с административной высылкой реабилитирована. Начальник ГУВД А.В. Пониделко»²⁵³. Имеется справка и о ее полной реабилитации по делу 1950 г., когда она была обвинена «в участии в контрреволюционной организации», от 14 мая 1954 г. в соответствии с указом Верховного Совета Союза ССР о реабилитации жертв политических репрессий²⁵⁴.

Ее муж Федор Францевич Визнер (1895–1971), чех, уроженец Праги, участник ВОВ, раненый в боях под Ленинградом. После войны – директор автобазы. Арестован 20 октября 1950 г. Осужден ОСО при МГБ СССР 11 ноября 1950 г. по ст. 58-1 «в» УК РСФСР на восемь лет ИТЛ. Дело было пересмотрено ВКВС 30 января 1954 г. и прекращено за отсутствием состава преступления. Сохранилась «Справка № 1821», выданная начальником Озерного ИТЛ МВД Визнеру Федору Францевичу в том,

что «он с 20 октября 1950 г. содержался в тюрьме и 23 октября 1954 г. освобожден за прекращением дела в порядке статьи 4 п. 5 УПК РСФСР и следует к месту жительства г. Ленинград». На бланке указано, что «видом на жительство не служит. При утере не возобновляется». Отметим, что в лагере у него был инсульт, приведший к частичному параличу. До выхода на пенсию он работал директором той же автобазы, что и до ареста²⁵⁵. Был восстановлен членом партии, награжден орденом «Знак почета» за добросовестную работу.

Сын Марии Алексеевны Владимир Федорович Визнер (1929–2010) учился в ЛВМИ. После ареста матери был вынужден перевестись в ЛГИ. Арестован 21 октября 1950 г., осужден ОСО при МГБ СССР 11 ноября 1950 г. по ст. 58-1 «в» УК РСФСР на восемь лет ИТЛ. Находился в заключении в Песчаном лагере под Карагандой. Освобожден в ноябре 1953 г., реабилитирован. Работал инженером-конструктором на авторемонтном заводе. Окончил ЛВМИ, работал в конструкторском бюро завода «Арсенал», заместитель главного конструктора, кандидат технических наук²⁵⁶.

Другой сын Марии Алексеевны – Евгений Федорович Визнер (1934 г.) – до ареста 14 марта 1951 г. был студентом 1-го курса Энергетического техникума. Осужден ОСО при МГБ СССР 28 апреля 1951 г. по ст. 7 и 35 УК РСФСР на пять лет ссылки «как сын осужденной участницы антисоветской вредительской группы Вознесенской М.А. и осужденного Визнер Ф.Ф., на иждивении которых он находился до дня ареста»²⁵⁷. Правда, в другом документе сказано, что он осужден «за причастность к антисоветской вредительской группе»²⁵⁸. Но такое определение вызывает сомнение, так как за эту «причастность» наказание могло бы быть значительно более суровым.

Имеется письмо, посланное ему 9 июня 2004 г. № 18/769 из УФСБ РФ по СПб и ЛО, в котором сказано: «Настоящим подтверждаем, что Визнер Евгений Федорович был арестован 14 марта 1951 г. и содержался во внутренней тюрьме УМГБ СССР ЛО с 14 марта 1951 г. по 4 мая 1951 г.». В «Справке», выданной 12 мая 1994 г. № 4622 Управлением внутренних дел Красноярского краевого исполкома, отмечено, что Е.Ф. Визнер был осужден «как социально-опасный элемент». Затем содержался в «Крестах», оттуда этапом был направлен «в ссылку на поселение в Тасеево Красноярского края. К месту ссылки прибыл 19 сентября 1951 г. этапом под конвоем. Основание: лично-архивное дело № 20276». В другом документе указано, что он под конвоем направлялся через пересыльные тюрьмы г. Красноярска и г. Канска²⁵⁹.

В упомянутых выше документах отмечено, что Е.Ф. Визнер был от ссылки освобожден 1 июня 1953 г. «на основании Указа ПВС СССР об амнистии от 17 марта 1953 г.». В «Справке» ВКВС сказано: «Постановление ОСО при МГБ СССР от 28 апреля 1951 г. в отношении Визнера Е.Ф.

отменено и он поданному делу полностью реабилитирован». После освобождения он вернулся в Ленинград. Служил в армии, окончил техникум. Работал инженером-конструктором в НИИ-49. В 1974–1976 гг. работал главным энергетиком завода торгового машиностроения. С 1976 по начало 2010-х гг. – главный энергетик Государственного Эрмитажа²⁶⁰.

Имеется так же весьма любопытный документ – «Справка о реабилитации» Евгения Федоровича Визнера, уроженца г. Пушкин Ленинградской области, проживавшего наб. реки Фонтанки, 22, кв. 22», выданная в 1997 г. В ней указано, что он вместе с отцом Визнером Ф.Ф. находился в «высылке с 22 августа 1937 г.». Получается, что этот документ относится к трехлетнему мальчику, который через 60 лет был реабилитирован²⁶¹. Удивительный случай! Во время беседы с ним он с большой теплотой отзывался о своей матери Марии Алексеевне Вознесенской. С болью говорил о том, что на тюремной ее фотографии, как он считает, явно видны следы побоев. Рассказывал о тяжелейших условиях, в которых он сам находился: изнурительные допросы, пересыльные лагеря²⁶².

Любовь Георгиевна Вознесенская находилась в ссылке вместе с дочерью Валентиной Алексеевной, которая окончила экономический факультет ЛПИ. Преподавала политэкономии в Ленинградском институте культуры им. Н.К. Крупской, во Всесоюзном ленинском коммунистическом университет им. Сталина. Кандидат экономических наук (1940). До 1 октября 1949 г. она заведовала кафедрой политической экономии в ЛПИ им. Герцена²⁶³. В мае 1950 г. исключена из партии. Проживала в Ленинграде, площадь Труда, 6, кв. 89.

Ее арест был произведен 20 октября 1950 г. по обвинению в том, что она, «являясь сестрой врагов народа Вознесенского А.А., Вознесенского Н.А. и Вознесенской М.А., проводивших вредительско-подрывную работу в партийном и государственном аппарате, знала об этом и скрывала от органов Советской власти». Осуждена ОСО МГБ СССР 11 ноября 1950 г. по ст. 58-1 «в» и «г» УК РСФСР на 10 лет ссылки в Красноярский край с конфискацией имущества. По постановлению ОСО МГБ СССР от 24 ноября 1951 г. переведена для отбытия срока ссылки в Акмолинскую область Казахской ССР²⁶⁴. Была освобождена 27 февраля 1954 г., реабилитирована²⁶⁵. После возвращения в Ленинград преподавала политическую экономии в вузах. Выпустила монографию «Экономические воззрения великих социалистов-утопистов Запада» (1958).

Был выслан также ее муж – Евсеев Евгений Александрович (1905–1962), экономист. Работал в Ленинградском областном земельном отделе. В 1939–1943 гг. – первый секретарь Ораниенбаумского райкома ВКП(б). В 1943–1945 гг. – председатель исполкома Ульяновского облсовета. В 1946–1949 гг. – начальник Университета марксизма-ленинизма

в Ленинграде. Арестован в ноябре 1950 г., осужден ОСО МГБ СССР 27 января 1951 г. по ст. 7 и 5 УК РСФСР на восемь лет ссылки, которую отбывал в Акмолинской области Казахстана. Освобожден в мае 1954 г., реабилитирован²⁶⁶. Их сын Евсеев Михаил Евгеньевич (1932–2007) был арестован 3 февраля 1952 г., осужден ОСО МГБ СССР 2 апреля 1952 г. по указанным статьям на пять лет ссылки. Отправлен по этапу в Караганду, освобожден в апреле 1953 г., реабилитирован. Окончил ЛГИ. С 1960 г. преподаватель теоретической электротехники в Северо-Западном заочном политехническом институте, кандидат технических наук. Другой сын – Евсеев Александр Евгеньевич (1935–2011) – был осужден ОСО МГБ СССР 22 марта 1952 г. по указанным статьям также на пять лет ссылки. Освобожден в 1954 г., реабилитирован. Окончил ЛПИ им. А.И. Герцена. Там же был профессором на кафедре высшей алгебры, кандидат математических наук²⁶⁷. Во время беседы с ним сказал, что был в ссылке в Макинском районе Акмолинской области вместе с родителями.

Евдокия Марковна Косачевская (1906–1994) – гражданская жена А.А. Вознесенского с 1944 г. Она родилась в деревне Кобицы Черниговской губернии. Закончила ЛГУ, была историком, доцентом истфака. Автор работ по истории революционного движения в Галиции, о первом ректоре Петербургского университета М.А. Балугьянском, об украинском просветителе Н.А. Маркевиче. В июле 1941 г. начальник штаба трудовой повинности ЛГУ, осенью 1941 г. активно участвовала в создании стационара в помещении истфака. Л.Л. Эльяшова писала: «О трагедии Евдокии Марковны Косачевской мы знали. Как только освободили Украину, она совершила длинный, трудный путь в поселок, где жили ее родители и дочка. Узнала, что все погибли. Она решила, что жить не сможет. Пыталась выброситься из окна. Ее спасли. А ректор понял, что лучшим спасением для этого энергичного человека будет важное дело, и отправил ее в Ленинград [на восстановление ЛГУ]. Он оказался прав»²⁶⁸. Она в 1945 г. была директором лектория ЛГУ, получила благодарность от Политуправления ЛВО за активную лекционную работу²⁶⁹. Была включена в 1947 г. в комиссию для создания книги по истории ЛГУ. По «Ленинградскому делу» как бывшая жена А.А. Вознесенского была осуждена ОСО при МГБ СССР 16 декабря 1950 г. по ст. 58-1 «в» ч. 1 УК РСФСР на восемь лет ИТЛ. Прошла тюрьму и лагерь.

Проведя в ней свыше трех лет в лагерях, она была освобождена со смертью Сталина. Только за несколько дней до этого она узнала о трагической участи А.А. Вознесенского. Ни дома, ни имущества у нее не было, от библиотеки не осталось и следа. Почти год проработала в Ашхабадском университете. А потом поездка в Москву, ознакомление со следственным делом Александра Алексеевича, с его многочисленными талонами на карцер. Она-то знала, что такое карцер Лефортовской тюрьмы: трех раз

ей хватило, чтобы он продолжал ей сниться в кошмарах всю жизнь! А потом, с большими трудностями, реабилитация, восстановление в партии и работа в ЛГУ. «Нет, она не хочет возмездия. Уже хватит крови и жертв. Но нужна вся правда, необходимо, чтобы все кругом знали, кто есть кто»²⁷⁰.

Однако на историческом факультете остались люди, ответственные за прошлые репрессии. И им очень хотелось добить жертву. Надо заметить, что неприязненное отношение к ней на этом факультете напоминает отношение к С.Д. Заку на экономическом, также вернувшемуся в ЛГУ после тюрьмы и лагеря. В свое время мы его спрашивали, как он может постоянно встречаться на факультете со своими врагами. На это он горько усмехался: мол, а что делать?

Во всяком случае, как пишет Р.Ш. Ганелин, Е.М. Косачевская была уволена в 1968 г. на пенсию в основном за то, что она голосовала на партсобрании против изгнания из партии Ю.Д. Марголиса»²⁷¹. К этому моменту как нельзя лучше относится его замечание: «В 1949 г. попытка заступничества за кого-либо была чревата арестом, а в 1968 г. – лишь возможностью лишиться служебного положения или навредить ему»²⁷². Р.Ш. Ганелин также отмечал: «Юрий Давидович Марголис опекал, сколько мог, Е.М. Косачевскую в течение многих лет, до самого ее конца»²⁷³.

5. Вспоминая Вознесенских

Л.Л. Эльяшова писала: «Судьба семьи Вознесенских кажется фантастической судьбой сказочных богатырей. Люди исключительной одаренности и энергии, преданные своей стране и идее человеческого прогресса, они до 40–50 лет успели сделать удивительно много. Были ценимы и востребованы. И вдруг – черная пропасть клеветы и пыточных застенков. Александр Алексеевич, Николай Алексеевич и Мария Алексеевна совершили трудно вообразимый великомученический подвиг – больше года они провели в запредельных для человека условиях и не подписали ни одного клеветнического протокола допросов ни на себя, ни друг на друга, ни на одну из организаций, сорвав этим планы создания новых следственных дел. Считается, что подобное терпение невозможно, но оно было. Подтверждают документы. Вероятно, эти люди редчайшего мужества обретали силы в акте самого своего сопротивления. И это – героизм из героизма. Были уничтожены многие теоретические работы братьев Вознесенских, в том числе и последние неопубликованные. Все делалось для того, чтобы о них забыли. Не вышло»²⁷⁴.

И далее: «С нашим ректором связывали мы все самые важные события своей жизни. Так, в ночь на 2 мая 1945 г., услышав о взятии Берлина, общежитие устремилось к университету. Возник митинг, выступал Александр Алексеевич, и мы в буйном порыве качали его. В университет к “папе” ринулись мы и в день Победы. Пришли мы в кабинет ректора и в день

защиты дипломов. Без его поздравления не могло быть полной радости. Наша любовь к замечательному человеку, ректору военных и послевоенных лет осталась с нами пожизненно. Проходя по длинному коридору Главного здания, я останавливаюсь у портрета А.А. Вознесенского. с благодарностью и мысленно кланяюсь ему»²⁷⁵.

К 90-летию со дня рождения бывшего ректора намечалось выпустить книгу «Александр Алексеевич Вознесенский – ученый, государственный и общественный деятель, человек». В конце 1985 г. был составлен ее проспект, в котором предполагались очерки о жизни и деятельности А.А. Вознесенского, составленные Л.А. Вознесенским, М.П. Саковым, С.Д. Заком, В.В. Мавродиным, К.Ф. Огородниковым, Е.М. Косачевской, Л.Л. Эльяшовой, С.М. Фирсовой, В.С. Торкановским, С.И. Тюльпановым и др. Общее руководство должно было осуществляться Л.А. Вознесенским и Л.Л. Эльяшовой. В качестве приложения должны были быть помещены статьи А.А. Вознесенского, опубликованные в периодической печати. В отношении целесообразности их переиздания возникли сомнения, так как большинство их откликлось на злобу дня и, по мнению некоторых экономистов, не имело собственно научного значения. Но и без них собранные воспоминания многих лиц, сведения о несохранившихся трудах А.А. Вознесенского и другие материалы представляли большой интерес²⁷⁶.

Как говорила Л.Л. Эльяшова, были собраны уникальные материалы. Лично она потратила много сил для их получения и систематизации. Однако выпуск книги не состоялся по ряду причин. Между тем в ней должны были быть не опубликованные ни тогда, ни потом воспоминания ряда лиц, включая народного артиста СССР Игоря Горбачева (1927–2003), в прошлом студента философского факультета ЛГУ, активного участника университетской самодеятельности, уже тогда производившего неизгладимое впечатление своими выступлениями. Он отмечал, что в университете «атмосфера тех лет была проникнута торжеством мысли, поэзии, искусства, духом интересных общений. Мы поднимались над трудностями жизни, над бедным бытом. Гуманитарные факультеты университета блистали созвездием крупных ученых: Михаил Васильевич Серебряков, Александр Алексеевич Вознесенский, Владислав Евгеньевич Евгеньев-Максимов, Константин Николаевич Державин, Борис Герасимович Ананьев и многие другие профессора представляли русскую советскую интеллигенцию, обладали прекрасными качествами учителей <...> А.А. Вознесенский поддерживал в первую очередь лучшие традиции Петербургского университета, его вольнолюбивый дух, напряженную работу мысли. Он не признавал школярства, поощрял дискуссии, споры. Я слышал, как он говорил: “Сомневайтесь. Чем больше вы сомневаетесь тем глубже постигаете верность идей. Выстраданные истины станут вашими”. Он обладал лучшими качествами учителя: колоссальной эру-

дицией, широтой кругозора. Он прекрасно знал литературу, искусство». И далее: «Александр Алексеевич любил нас, молодежь, студентов. Эта была любовь к будущему. Охотно, с интересом он общался с нами, и мы не чувствовали той огромной разницы, которая разделяла нас. Он никогда не подчеркивал своей исключительности, разговаривал с нами на равных. Но его любовь к нам сочеталась со строгостью. Он не был мягким человеком. Он умел сказать “да” и “нет” и отвечал за сказанное. Двусмысленности в его словах быть не могло. Он умел верить студенту и умел прощать ошибки. Но если человек не оправдывал доверия, то с такими он был крут».

И. Горбачев считал, что «огромным вкладом Александра Алексеевича в университетскую жизнь было всемерное содействие любительского искусства. До войны театральным коллективом университета руководил Ефим Захарович Копелян, после войны Евгения Владимировна Карпова. Я видел, как помогал им и нам ректор во всем: от помещений до костюмов, что тогда было очень нелегким делом. Именно в то время были организованы танцевальный коллектив и знаменитый хор Ленинградского университета, руководимый Г.М. Сандлером, ныне заслуженным деятелем искусств РСФСР. Соловьем хора в те годы была Катя Шарапова». Он подчеркивал, что «А.А. Вознесенский – крупный ученый, организатор, пропагандист науки – всячески покровительствовал искусству в университете. Но это было не меценатство, а сознательное эстетическое и этическое воспитание студентов. Какие прекрасные вечера проводились на факультетах, какие капустники! Смелые, веселые университетские вечера. Для них снимались помещения в домах и дворцах культуры. На них царила атмосфера поэзии, чистых, благородных чувств. Наш ректор посещал многие концерты. И, сидя в первых рядах, живо реагировал и смеялся, когда я играл Хлестакова в “Ревизоре”, слушал стихи, басни, сказки Андерсена»²⁷⁷.

По поводу состоявшихся тогда научных чтений в связи с указанной выше датой рождения А.А. Вознесенского, Г. Гаврилова писала: «Рожденное больно или преступной фантазией “Ленинградское дело” не дало в полную мощь развернуться таланту ученого и педагога, трагически прервав жизнь яркой личности в самом расцвете. Но память не убить, она жива в нас. И сегодня память о ректоре, имя которого стало легендарным, память о его уроках живут в традициях университета. Жива память о его судьбе, которая служит для нас уроком»²⁷⁸.

Людмила Владимировна Розе рассказывала, что вышла в замуж за сына Николая Владимировича Розе, известного ученого, декана математико-механического факультета ЛГУ. Он был арестован в январе 1942 г. по обвинению в принадлежности к созданной карательными органами контрреволюционной организации «Союз старой интеллигенции»,

члены которой арестовывались с 1932 г., и умер в Ленинграде в тюрьме в апреле 1942 г. Она добавляла к этому, что он был арестован как немец. Во всяком случае, это сыграло свою роль в обвинениях. Семья Розе жила в доме 29 по 16-й линии Васильевского острова до 1970 г., пока его жильцов, в основном сотрудников ЛГУ, не стали расселять. Их квартира находилась напротив квартиры Вознесенских. После ареста Н.В. Розе там жила его жена Вера Васильевна Розе с двумя малолетними детьми. По ее просьбе А.А. Вознесенский взял ее на работу в ЛГУ и отправил в эвакуацию в Саратов. Это спасло им жизнь. Есть сведения, что он оказывал подобную поддержку и семьям других арестованных²⁷⁹.

В 1998 г. было отмечено 100-летие со дня его рождения А.А. Вознесенского. Была помещена статья в «Российской газете» – «Просвещенный век профессора А.А. Вознесенского». Л.Л. Эльяшева писала: «Мог ли здравый ум вообразить, что эта гнусная выдумка уже через четыре года после победной войны сможет погубить главных организаторов военного сопротивления? В их числе и наших профессоров. Всех. На факультете не осталось ни одного из них. Остро не хватало и других преподавателей, так что лекции на младших курсах читали старшекурсники. Наши блестящие профессора оказались в тюрьмах. Там погибли В.В. Рейхард, Л.В. Некраш, Г.А. Гуковский, А.А. Вознесенский <...> Наш же профессор Александр Алексеевич Вознесенский сотни, нет, тысячи раз стоял за кафедрой рядом со своими учениками, читавшими лекции в самых разных вузах страны. Знаю по себе – при раскрытии сложных теоретических проблем, при ответах на трудные вопросы студентов, да и просто при нелёгких обстоятельствах жизни я думала: “А что бы сказал сейчас Александр Алексеевич? Как бы он поступил? Что бы он ответил на этот вопрос?” И мой профессор неизменно помогал мне. Знаю, он помогал многим. И докторам наук С.М. Фирсовой, до конца своих дней считавшей его Главным Учителем своей жизни, и В.С. Торкановскому, и другим. А многолетний ректор Театрального института Н.М. Волынкин прямо говорил, что учился быть ректором у А.А. Вознесенского»²⁸⁰.

Нельзя не привести не публиковавшиеся воспоминания бывшей студентки ЛГУ Надежды Федоровны Афонской, касающиеся А.А. Вознесенского. Она пишет, что стала студенткой филфака в 1938 г., но «академический отпуск по болезни, двухлетняя эвакуация в Саратов, возврат потом на год назад в связи с измененным учебным планом привели к тому, что мне посчастливилось учиться и работать под руководством Александра Алексеевича не пять, а девять лет. Дело в том, что я была членом профкома ЛГУ и путевочным работником ректората. Поэтому довольно часто общалась с Александром Алексеевичем: у него на совещаниях, в Обкоме нашего союза, по его вызовам, когда надо было заключать договора на путевки, на университетских вечерах (если он мог, то всегда

был на них). Можно сказать, что мы были лично знакомы. Прежде всего, он не был стяжателем, не гонялся за роскошью, хотя в то время кто-кто, а он мог бы себе многое позволить. Зато к студентам он относился очень заботливо, входя иногда прямо в мелочи, в пустяки. Однажды в Обкоме союза во Дворце профсоюзов на площади Труда было какое-то совещание, на котором были и мы с Лизой Мирошниковой (она была культработником профкома, а я по быту). Александр Алексеевич сидел в президиуме совещания и, конечно, после его окончания вышел к выходу из здания сразу. А пока мы оделись, прошло минут 15–20, а может быть и полчаса. Выходим – прямо против ворот в “бобике” сидит он.. Открывается дверь и он с улыбкой говорит: «Ну, студентки, вам куда? Садитесь!» Мы, конечно, стали отнекиваться, тем более, что она жила на Староневском, а я на проспекте Газа. Но он все-таки усадил нас, доехал до университета, сказал водителю отвезти нас, а потом заехать за ним. А пока, мол, он поработает. Мы тогда были уверены, что никакой работы в ректорате у него не было. Просто он от широкой души хотел доставить нам удовольствие (тогдашние студенты и на трамвае-то норовили проехать без билета, не говоря уже о машине!).

Когда мы были в Саратове, он добился для нас в Москве целого вагона сливочного масла. Будучи и в Саратове бытработником, я частенько была свидетельницей, как он допрашивал Могилевича (это был зав. студенческой столовой), что можно сделать для улучшения питания. В частности, по хлопотам А.А. Вознесенского в столовой ввели карточки для инвалидов войны (а они в студенческой среде в 1943 г. уже были) и матерей с детьми. Они отоваривались особым хлебом – “кухом”». Н.Ф. Афонская, говоря об организаторских способностях А.А. Вознесенского, выделяет его решение готовить специалистов-строителей из числа студентов еще в Саратове, с тем, чтобы их доставить в Ленинград в первую очередь для восстановления общежития.

Уже после возвращения в Ленинград он говорил Афонской, чтобы она не торопилась с заключением договоров на путевки студентам, а сперва лично убедилась, чем там и как кормят. Просил стараться дома отдыха выбирать поближе к Ленинграду для экономии студенческих затрат на дорогу. «Говорят, что на ученом совете он был непреклонен. Но мы, студенты, не знаем этих дел и потому судить не можем. 9 мая 1945 г., услышав о Победе, мы все ринулись в университет. Мы с подругой вышли рано утром с проспекта Газа, и в 9 с чем-то с балкона главного входа в университет услышали выступление Александра Алексеевича. Что он говорил, не вспомнить. И не потому, что он мог сказать плохо, бесцветно. Нет! Просто у него предательски дрожал голос, а мы все ревели белугами. Это тоже свидетельство того, что и в беде и в радости он был вместе с нами, и мы к нему тянулись как к самому близкому человеку.

Была у меня и еще одна встреча с Александром Алексеевичем (по моему, в 1948 г.), когда он был министром просвещения, а я учительствовала. Пробылась на прием к нему. Он меня узнал, очень хорошо встретил, вспомнил Ленинград, и, как мне показалось, он всегда сожалел об университете. Понимая, что у него на счету каждая минута, я заторопилась. И тогда он меня спросил, в чем состоит моя просьба к нему. Никакой просьбы нет, ответила я. Просто я зашла навестить его, напомнить о себе. Он так громко рассмеялся. Сказал, что к нему теперь ходят только с просьбами. «Ваше посещение я запомню навсегда как приятное исключение». А мне приятно сознавать, что Александра Алексеевича Вознесенского уважали, ценили, любили и помнят. И вообще именно о нем с полным основанием можно сказать, что есть на земле люди, которые своим своим наличием делают более приятной жизнь людей, живущих рядом с ними»²⁸¹.

Надо сказать, что вспоминают А.А. Вознесенского не всегда достаточно корректно. Так в статье «Краткое описание жизни и деятельности А.А. Вознесенского», помещенной в свое время в Интернете, было сказано, что он стал министром просвещения благодаря поддержке своего брата. Как можно видеть из предыдущего изложения, это противоречит действительности.

Член-корреспондент РАН Р.Ш. Ганелин в своих воспоминаниях писал, что ректор, профессор кафедры политической экономии А.А. Вознесенский читал в актовом зале свой курс, в основе которого был «Капитал» К. Маркса, всем студентам гуманитарных факультетов. Весьма часто его заменяла доцент С.М. Виленкина, которую студенты между собой называли «Маркс в юбке». «Курс, хотя и читался двумя лекторами, был очень интересен. А.А. Вознесенский часто отвлекался ради очень поучительных житейских рассказов»²⁸²... Университет был его домом, в котором он чувствовал себя хозяином. Вел он себя порой в полном противоречии с той манерой поведения, которая была присуща руководящим работникам идеологического, как тогда называли, фронта. Незадолго до назначения его министром просвещения РСФСР в 1947 г. он провел в университете грандиозную конференцию «Наука, литература и искусство в новой сталинской пятилетке» с приглашением знатных москвичей». Сам Р.Ш. Ганелин от студентов был направлен встречать на вокзале приехавших поэтессу М. Алигер, критика Л.М. Суббоцкого, секретаря Союза писателей Д. Заславского. Позже на концерте для участников конференции он услышал характерный для того времени разговор о том, что после блестящего доклада на конференции музыковед Л.А. Энтелеса, А.А. Вознесенский спросил декана исторического факультета Мавродина, почему этот музыковед не работает на искусствоведческом отделении. Мавродин объяснил, что там занимаются только изобразительным искусством. «Меня это не интересует, – сказал А.А. Вознесенский, – если в

городе есть человек такой высокой одаренности, то он должен быть профессором нашего университета». По этому поводу Р.Ш. Ганелин писал, что, вероятно, не без такого взгляда ректора на искусствоведческом отделении исторического факультета был введен курс истории кино, который читал Л.З. Трауберг, лекции которого пользовались большим успехом²⁸³.

Р.Ш. Ганелин упоминал в своих воспоминаниях о том, что на историческом факультете в 1948 г. «прорабатывали», в частности, книгу историка Б.А. Романова «Люди и нравы древней Руси». Автора обвиняли в отсутствии классового подхода, а декана В.В. Мавродина – в выпуске этой книги. «Мне казалось, что выпуску способствовал А.А. Вознесенский через директора университетского издательства Тышлера. Вообще ректор хорошо относился к Б.А. Романову, пытался помочь ему в квартирном деле, но не успел это сделать ввиду препятствий, оказавшихся непреодолимыми»²⁸³. Отмечал Р.Ш. Ганелин и то, что профессор С.Н. Валк попал под преследование в 1949 г., в частности, за свой доклад, сделанный на сессии по поводу юбилея ЛГУ, проведенный с большой торжественностью в 1944 г. ректором А.А. Вознесенским²⁸⁴. Тогда критике подвергся профессор А.И. Молок за благоприятную рецензию по поводу выпуска Трудов научной конференции, посвященной 50-летию смерти Н.Г. Чернышевского, ответственными редакторами которого были В.Е. Евгеньев-Максимов, А.А. Вознесенский, Ш.И. Ганелин (Л., 1941). По поводу этого Р.Ш. Ганелин писал: «Представляется, однако, вероятным, что побудительным мотивом к проработке, хотя, может быть, и косвенным, была расправа над А.А. Вознесенским, одним из редакторов упоминавшегося сборника <...> Имя А.А. Вознесенского в печати резало глаз ответственным “идеологам” того времени»²⁸⁵.

На этом завершается исследование по истории трагических событий в жизни многих представителей рода Вознесенских. При этом следует отметить, что данное ее изложение не может претендовать на истину в последней инстанции. Мнения людей на оценку одних и тех же событий могут быть разными. В будущем, особенно после открытия ныне недоступных архивов, эта история может быть уточнена и дополнена.

Примечания

¹ *Вознесенский Л.А.* Истины ради... М., 2004. С. 52.

² ОА СПбГУ. Ф. 1. Оп. 26 (уволненных в 1949 г.). Личное дело № 22. Л. 3. По другим данным, А.А. Вознесенский родился в деревне Головкино (Письмо Центрального архива ФСБ РФ от 21.01.2013 № 10/А-Г-3489).

³ *Вознесенская В.А.* Воспоминания о брате и семье // <http://www.bram11.ru/kg/chernob>.

⁴ ОА СПбГУ. Ф. 1. Оп. 26 (уволненных в 1949 г.). Личное дело № 22. Л. 3.

⁵ Судьбы людей. «Ленинградское дело». СПб., 2009. С. 135.

⁶ Судьбы людей... С. 136.

⁷ *Вознесенский Л.А.* Указ. соч. С. 51, 52. Л.А. Вознесенский дополнительно сообщил, что всего было три «очень личных письма». В частности, в одном из них на основании опыта работы в Ленэнерго у А.В. Судаковой сложилось такое представление об окружающей обстановке: «Мерзко, гадко, тошнотворно, противно жить с пыльными хаями. Своего мнения иметь нельзя. Нужно благоговейно повторять, что сказали люди, стоящие выше по служебной, или партийной, или профсоюзной лестнице. Плыви по течению, спрячь поглубже свое я, будь автоматом в работе, умеи вовремя смолчать, будь маленьким попугаем в общем стаде – и будет обеспечен успех по службе: выдержанность, дисциплинированность, ортодоксальность и твердокаменность. Надо лишь перестать уважать себя и тебя будут уважать другие». Далее Л.А. Вознесенский писал: «Эти и другие жизненные наблюдения и соображения были обобщены следователем в формуле обвинения: “Неоднократно выражала враждебное отношение к советской власти и излагала клеветнические измышления в отношении мероприятий, проводимых ВКП(б) и советским правительством”». В обвинительном заключении по ее делу сказано: «Знала и скрывала от органов советской власти о преступной деятельности своего мужа. Кроме того, сама была враждебно настроена к существующему в СССР государственному строю и неоднократно выражала Вознесенскому свои антисоветские взгляды».

⁸ *Михельсон В.* Прерванный полет // Ленинградский рабочий. 1990. 2 ноября.

⁹ *Вознесенский Л.А.* Указ. соч. С. 51.

¹⁰ *Вознесенский Э.А.* Вхождение в жизнь // Вознесенский Л.А. Указ. соч. С. 689 С. 46, 689.

¹¹ Там же. С. 599.

¹² Там же. С. 313; Э.А. Вознесенский писал, что когда заключенные его лагеря узнали о смерти Берии, то это вызвало шквал надежд у заключенных и шквал опасений у лагерного начальства. Начальник их лагеря растерянно говорил заключенным: «Что же я буду делать, ребята, когда вас всех отпустят и закроют лагерь? Ведь я ничего не умею, кроме как стеречь вас...». А оптимистически настроенные заключенные его утешали: «Да не пропадете: нас выпустят, других посадят». При выходе из лагеря начальники только просили бывших заключенных: «Вы уж не рассказывайте, что у нас делается». Но никаких подписок о неразглашении условий содержания не брали (Там же. С. 344, 347); Судьбы людей... С. 136.

¹³ *Вознесенский Л.А.* Указ. соч. С. 210.

¹⁴ *Вознесенский Э.А.* Вхождение в жизнь // Вознесенский Л.А. Указ. соч. С. 651; Судьбы людей ...С. 136.

¹⁵ Научные работники Ленинграда. 1934. С. 239.

¹⁶ ОА СПбГУ. Ф. 1. Оп. 34 (уволненных 1949). Личное дело № 681. Л. 2, 6, 12, 18, 23.

¹⁷ Ленинградский университет за советские годы. 1917–1947. 1948. С. 325, 332. В составлении кратких очерков приняли участие А.А. Вознесенский, В.В. Рейхардт и В.М. Штейн.

¹⁸ Коммунисты университета в борьбе за передовую советскую науку // ЛУ. 1949. № 17. 5 мая.

¹⁹ Судьбы людей. «Ленинградское дело». С. 33.

²⁰ Там же. Л. 34; ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 1623. Л. 62.

²¹ ОА СПбГУ. Ф. 1. Оп. 34 (уволненных 1949). Личное дело № 681. Л. 35.

²² Там же. Л. 32.

²³ Судьбы людей. «Ленинградское дело». С. 135.

²⁴ Там же. С. 135.

²⁵ Там же. С. 136. Ирина Александровна Вознесенская вполне справедливо была возмущена тем, что на экономическом факультете ЛГУ в галерее, посвященной его деканам, повесили портрет С.А. Ильина – непосредственного виновника трагических событий на факультете. Она сняла его, унесла домой и уничтожила. После этого руководство факультета сочло за благо вообще ликвидировать эту галерею.

²⁶ ВП на 1925 г. С. 75/3.

²⁷ ВП на 1926 г. С. 68/3; На 1927 г. С. 106/3 и т. д.

²⁸ ВП на 1929 г. С. 115/3; На 1930 г. С. 98/3; На 1931 г. С. 86/3.

²⁹ *Тюльпанов С.И.* Александр Алексеевич Вознесенский. Биографический очерк // Ученый-коммунист. К 75-летию со дня рождения А.А. Вознесенского. 1973. С. 5. Обращает на себя внимание то, что в своей анкете А.А. Вознесенский указал на знание латинского языка, хотя и слабое. Видимо, это результат учебы в семинарии.

³⁰ ОАСПБГУ. Ф. 1. Оп. 26 (уволенных 1949). Личное дело № 22. Л. 3.

³¹ Там же. Л. 60.

³² *Вознесенский Л.А.* Указ. соч. С. 56. Указывал, что его отец много лет носил морскую форму.

³³ Там же. Л. 4.

³⁴ Там же. Л. 65; Научные работники Ленинграда. 1934. С. 70.

³⁵ ОАСПБГУ. Ф. 1. Оп. 26 (уволенных 1949). Личное дело № 22. Л. 5.

³⁶ Там же. Л. 6. Кулишер Иосиф Михайлович (1878–1933) – экономист, историк народного хозяйства.

³⁷ Там же. Л. 3.

³⁸ *Вознесенская В.А.* Воспоминания о брате и семье...

³⁹ *Картов И.И.* Лекции, экзамены, практика // На штурм науки. Воспоминания студентов факультета общественных наук ЛГУ. Л., 1971. С. 172.

⁴⁰ *Лазерсон Р.* Воспоминания // Там же. С. 177.

⁴¹ *Ром. М.А.* Первые шаги студенческой парторганизации (1920–1921) // Там же. С. 12.

⁴² Там же. С. 25.

⁴³ Там же. С. 38. Солнцев Сергей Иванович (1872–1936) – экономист, специалист по экономической теории, социологии, методологическим вопросам политэкономии.

⁴⁴ Записки Научного общества марксистов. 1923. № 4. С. 5–46. Содержались многочисленные цитаты из работ Н.И. Бухарина.

⁴⁵ Там же. 1924. № 6. С. 170–181. Святловский Владимир Владимирович (1871–1927) – историк, экономист, общественный деятель, педагог, поэт.

⁴⁶ *Тюльпанов С.И.* Александр Алексеевич Вознесенский. Биографический очерк // Ученый-коммунист... С. 6, 7.

⁴⁷ Под знаменем марксизма. 1925. № 12. С. 119–142. Не раз в положительном смысле упоминался Н.И. Бухарин. Тюльпанов Сергей Иванович (1901–1984) – ученый экономист, в 1956 г. проректор ЛГУ, создатель кафедры экономики современного капитализма, разгромленной деканом Моисеенко и другими сталинистами в 1979 г.

⁴⁸ Проблемы марксизма. 1931. № 3. С. 162–172.

⁴⁹ Общественное образование в советской школе. 1931. № 6. С. 33–48. Сокращенная стенограмма доклада на конференции общественников в Ленинграде в начале 1931 г. В основном направлена против двух меньшевиков-вредителей А.Ю. Финна-Енотаевского и И.И. Рубина. Косвенно против Н.И. Бухарина, К.В. Островитянова и И.А. Лapidуса.

⁵⁰ Политическая экономия. Учебник для комвузов и вузов. Составлен бригадой научных сотрудников ЛОКА. Бригадир и редактор Б.Д. Кофман. 1931. Второе издание, исправленное и дополненное, опубликовано в начале 1932 г. Указаны написанные А.А. Вознесенским в 1-м томе разделы: «Предмет и метод политической экономии» (С. 15–58) и «Товар» (С. 59–168). Эти разделы он поместил и в 3-м издании. Видимо, выпуск фактически за полтора года трех изданий во многом объясняется тем, что авторам отдельных глав приходилось все время

открещиваться от политэкономов, на которые они положительно ссылались в предыдущих выпусках учебника. От выпуска к выпуску усиливалась критика Н.И. Бухарина, не говоря уже о И.И. Рубине и многих других.

⁵¹ Правда. 1941. 2 июня.

⁵² *Тольпанов С.И.* Александр Алексеевич Вознесенский. Биографический очерк // Ученый-коммунист... С. 4; Пропаганда и агитация. 1941. № 4. С. 33–39.

⁵³ Ленинградская правда. 1940. 17 мая.

⁵⁴ Там же. 1940. 23 марта.

⁵⁵ ОАСПБГУ. Ф. 1. Оп. 26 (уволенных 1949). Личное дело № 22. Л. 12, 13.

⁵⁶ *Саков М.П.* Талантливый советский экономист // Ученый-коммунист... С. 15–17.

⁵⁷ Там же. С. 30. Наиболее полный перечень трудов А.А. Вознесенского приведен в сборнике «Избранные экономические сочинения» (М., 1983). Всего их насчитывается 84. Наиболее ценные посвящены острым политико-экономическим вопросам, а также методике преподавания этой дисциплины, задачам расширения роли университетов в научной и педагогической работе. Первая публикация была произведена в 1923 г. – «Социально-экономические предпосылки австрийской школы». Последняя – 13 июля 1949 г. в Учительской газете – «Всемерно укреплять дошкольные учреждения», т. е. за 36 дней до ареста.

⁵⁸ *Зак С.Д.* Об одной неопубликованной рукописи А.А. Вознесенского // Ученый-коммунист... С. 30. Зак Саул Давидович, политэконом, доцент ЛГУ, арестован в 1949 г., провел пять лет в тюрьме и лагерях.

⁵⁹ Там же. С. 42.

⁶⁰ *Вознесенский Л.А.* Указ. соч. С. 60. (Здесь речь идет об упомянутом «Учебнике политической экономии», составленном бригадой научных сотрудников ЛОКА под руководством и редакцией Б.Д. Кофмана, расстрелянного в 1937 г.).

⁶¹ Там же. С. 61.

⁶² Там же.

⁶³ Там же. С. 62.

⁶⁴ *Тольпанов С.И.* Александр Алексеевич Вознесенский. Биографический очерк // Ученый-коммунист... С. 9. Добавим, что в 1985 г. были изданы «Избранные экономические сочинения» А.А. Вознесенского. И в вводной статье там имеются дополнительные соображения о ценности научных трудов этого автора.

⁶⁵ *Алексеев М.П.*, акад. Прирожденный руководитель // Ученый-коммунист... С. 94, 95.

⁶⁶ *Тольпанов С.И.* На Ленинских курсах ЦК КПСС // Ученый-коммунист... С. 113. Занятия курсов проходили в Парадном зале Мариинского дворца.

⁶⁷ *Юдовин Э.* О работе кафедры политической экономии // ЛУ. 1939. 31 декабря. № 48. С. 3. Материал по истории преподавания экономических наук подготовлен на основе: *Широкоград Л.Д., Дмитриев А.Л.* Жизненный и творческий путь Якова Самойловича Розенфельда // Розенфельд Я.С. Крупная буржуазия России и ее политическое значение. СПб., 2010. С. 3–30.

⁶⁸ Перенесение курса политической экономии на будущий год // ЛУ. 1941. 7 февраля.

⁶⁹ *Носов В.* Год работы на основе штатно-окладной системы // Советская наука. 1939. № 2. С. 147.

⁷⁰ Бюллетень ВКВШ при СНК СССР. 1936. 21 мая. С. 42.

⁷¹ Резолюция 1-го Всесоюзного совещания работников высшей школы СССР // Там же. 1938. № 6/7. С. 5.

⁷² Первое Всесоюзное совещание работников высшей школы // Там же. 1938. № 6/7. С. 64.

⁷³ ОА СПБГУ. Ф. 1. Оп. 26 (уволенных в 1949 г.). Личное дело № 22. Карточка движения по службе. Л. 65.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 775. Л. 82.

⁷⁷ Ленинградский университет за советские годы. С. 283.

⁷⁸ Вестник высшей школы. 1940. № 7. С. 20.

⁷⁹ *Плоткин С.Я.* Экономическая подготовка студентов – серьезная политическая задача // Там же. 1941. № 2. С. 5.

⁸⁰ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 582. Л. 32.

⁸¹ ОА СПбГУ. Ф. 1. Оп. 26 (уволенных 1949). Личное дело № 22. Вознесенский А.А. Карточка движения по службе. Л. 65. По некоторым данным, был и приказ от 23 июля 1940 г. Заметим, что, несмотря на название факультета в приказе ВКВШ «экономический», он был назван «политико-экономический». Название «экономический» получил с конца 1949 г.

⁸² XVIII съезд ВКП (б). Третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР. Докладчик т. В.М. Молотов // Пропаганда и агитация. 1939. Апрель. № 7. С. 20.

⁸³ Там же. 1940. № 8. С. 23.

⁸⁴ *Шумилов Н.* Руководящие кадры должны овладеть экономикой производства // Там же. 1940. № 12. С. 15.

⁸⁵ Обсуждение работы ЛГУ в коллегии НКП РСФСР // ЛУ. 1940. 20 декабря. С. 2.

⁸⁶ Об итогах выборов руководящих парторганов в первичных партийных организациях. Доклад секретаря Ленинградского горкома ВКП(б) тов. А.А. Кузнецова на совещании секретарей парткомов и секретарей бюро первичных парторганизаций г. Ленинграда 30 мая 1941 г. // Пропаганда и агитация. 1941. № 11. С. 10.

⁸⁷ *Ковалев В.В.* Эволюция финансовой науки в Петербургском университете // Очерки по истории финансовой науки. 2009. С. 84. Политико-экономический факультет был создан в соответствии с приказом ректора ЛГУ № 80 от 23 августа 1940 г.

⁸⁸ Ленинградский университет за советские годы. С. 284–287.

⁸⁹ *Торкановский В.С.* Экономический факультет: от Вознесенского до Кудрина // СПбУ. 2000. 28 августа. С. 7.

⁹⁰ *Он же.* Живое прошлое // Мы знаем... С. 702–708. Мнение В.С. Торкановского о том, что между братьями Вознесенскими отсутствовала какая-либо связь, представляется слишком категоричным. Трудно себе представить, что этой связи вообще не было. Другое дело, что она не афишировалась.

⁹¹ *Храпунова Л.Г.* Незабываемое время // Мы знаем... С. 106.

⁹² *Зак С.Д.* Разные материалы. Архив С. Мамоновой.

⁹³ *Торкановский В.С.* Живое прошлое. Рукопись. Архив С. Мамоновой.

⁹⁴ *Эльяшова Л.Л.* Мой блокадный университет. Саратов. Мои учителя // Мы знаем, что значит война... Воспоминания, письма, дневники универсантов военных лет. СПб., 2010. С. 177.

⁹⁵ Ленинградский университет в годы Великой Отечественной. С. 12–13.

⁹⁶ *Фирсова С.М.* Яркая светлая личность // СПбУ. 2008. 10 июня.

⁹⁷ *Волькин Н.М.* Прирожденный ректор // Мы знаем... С. 700.

⁹⁸ К 90-летию со дня рождения Олимпиада Соломоновича Иоффе // Юрист. № 6 (36). 2004. С. 54.

⁹⁹ *Кузнецов С.С.* Из воспоминаний // Мы знаем... С. 74.

¹⁰⁰ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 664. Л. 135.

¹⁰¹ Там же. Л. 217; ОАСПбГУ. Ф. 1. Оп. 26 (уволенных 1949). Личное дело № 22. Л. 2.

¹⁰² Ленинградский университет в Великой Отечественной. С. 123.

¹⁰³ *Торкановский В.С.* Яркая светлая личность // СПбУ. 2008. 10 июня.

¹⁰⁴ *Демин В.И.* Из воспоминаний // Мы знаем... С. 32.

¹⁰⁵ *Эльяшова Л.Л.* Яркая светлая личность // СПбУ. 2008. 10 июня; От составителей // Мы знаем... С. 8.

¹⁰⁶ *Смолкин М.Д.* Комиссар отряда // Мы знаем... С. 415. Декан исторического факультета ЛГУ В.В. Мавродин вспоминал: «В первые же дни Отечественной войны университет зажил бурной, боевой жизнью. И в это тяжелое время А.А. Вознесенский на посту ректора ярко, незабываемо проявил себя как человек, организатор <...> С присущей ему энергией, любо-

вью, вкладывая всю душу, он взял за большое, трудное, ответственное дело, став кормчим своей Alma mater. Энергичный, бодрый, преисполненный веры в грядущую победу, беззаветно служивший Родине и народу на посту, порученном ему партией, он вселял такую же бодрость и энергию в других. Всегда подтянутый, неунывающий, остроумный, он был строг и требователен к себе и к другим. Днем и ночью, как бессменный часовой, в своем кабинете и в зданиях факультетов, в отсутствующих общежитиях и аудиториях, в лабораториях и в местах возведения укреплений руководил напряженной жизнью поредевшего коллектива университета. Трудно представить себе, когда он отдыхал, когда спал. Как внимательного, отзывчивого, заботливого человека запомнили А.А. Вознесенского все те, кому пришлось жить и трудиться плечом к плечу в грозные дни Великой Отечественной войны».

¹⁰⁷ *Эльяшова Л.И.* Мой блокадный университет. Саратов. Мои учителя // Мы знаем... С. 169.

¹⁰⁸ *Семенов В.Н.* Александр Алексеевич Вознесенский // ВСПбГУ. Серия 5. 2010. Экономика. Вып. 3. С. 5. В этой статье, написанной от лица саратовца, правда по возрасту не очевидца событий, наряду с отмеченными многими заслугами А.А. Вознесенского указывается его напористость, которая нужна была в Ленинграде военной поры, но в мирном Саратове часто оборачивалась в ущерб местному университету, который все, что мог, отдал ленинградцам. «В целом же вынужденное соседство с Ленинградским университетом и напористая деятельность его ректора приносили больше “убытков” саратовской стороне – так считала тогдашняя и.о. ректора СГУ В.А. Артисевич. Часто А.А. Вознесенский действовал в обход ректората СГУ, ставя на первое место интересы своего вуза и свои собственные. В конце концов она доложила в обком о своем видении ситуации, попросив как-то умерить “аппетиты” энергичного “постояльца”. Но в обкоме заявили, что вмешательство в деятельность Александра Алексеевича недопустимо. В результате министерством было принято беспрецедентное решение о временном административном объединении двух вузов. Ректором этого учебного новообразования был назначен А.А. Вознесенский, только так можно было его заставить, сочли в министерстве, одинаково заботливо опекать оба подчиненных ему вуза» (Там же. С. 5–6). «Весной 1944 г. окончилась блокада Ленинграда, и по завершении очередного семестра коллектив ЛГУ начал экстренно собираться в дорогу. Отъезд ленинградцев прошел буднично – не было торжественного прощания, провожания – не было речей и пожеланий. И та, и другая сторона с облегчением расставались, устав от скученности и неудобств, связанных с двухлетним “проживанием”. Отбывал из Саратова и “ректор по совместительству”, чьи полномочия окончилось 11 июня 1944 г. В этот день он сдал дела новому ректору Н.И. Усову» (Там же. С. 8).

Но были и другие мнения. Так, бывшая студентка Т.Б. Клопова об отъезде ленинградцев из Саратова вспоминала следующее: «Стоял прекрасный солнечный день. Вся интеллигенция Саратова пришла провожать нас. Была масса цветов. Играл духовой оркестр. Ленинградцы в обнимку с саратовцами прогуливались по платформе. Некоторые плакали» (Ленинградский университет в Великой Отечественной. С. 271). Также писали: «В эти годы на развитие университета [Саратовского] оказывали влияние такие ленинградские ученые, как физик Е.Ф. Гросс, историк В.В. Мавродин, филологи М.П. Алексеев, Г.А. Гуковский и Ю.Г. Оксман» (Саратовский университет им. Н.Г. Чернышевского. Интернет <http://ru.wikipedia.org/wiki>).

Заметим, что после публикации нашей статьи о Вознесенских (Клио. 2013. № 1. С. 121) было получено письмо из Саратова от д.и.н., члена редколлегии «Клио» А.И. Авруса: «С интересом прочитал Вашу статью в “Клио” о Вознесенских. Поскольку А. А. Вознесенский во время Великой Отечественной войны был одновременно ректором ЛГУ и СГУ, а я писал историю СГУ, то мне было интересно ознакомиться с Вашим описанием этого периода его деятельности. Что касается Вашего использования статьи В. Н. Семенова, то хочу сообщить Вам, что это не историк, а геолог и краевед, но пренебрегающий всеми правилами писания исторических трудов. У меня были опубликованы и в “Клио”, и в “Истории Петербурга” в 2009 г. статьи о пребывании ЛГУ в Саратове, и в них оценка не совпадает с семеновской.

У Семёнова был единственный источник – беседа с В. А. Артисевич. Но я сомневаюсь, что Семёнов правильно передает её мнение. Хотя В. Артисевич, как женщина эмоциональная, и может быть, обиженная в какой-то степени смещением с поста ректора СГУ, но которая очень много сделала в первый, самый тяжёлый год войны, в том числе и для самого тёплого приема ленинградцев, могла в сердцах, да ещё через 50 лет что-то сказать».

¹⁰⁹ Ленинградский университет в Великой Отечественной. С. 41.

¹¹⁰ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 713. Л. 18.

¹¹¹ Там же.

¹¹² Там же. Л. 58.

¹¹³ Там же. Л. 73.

¹¹⁴ Там же. Л. 71.

¹¹⁵ Там же. Д. 1264. Л. 93.

¹¹⁶ *Семенов В.Н.* Указ. соч. С. 8. Заметим, что с началом Сталинградского сражения Саратов превратился в прифронтовой город, что особо осложнило жизнь эвакуированного ЛГУ и его ректора. «Юнкеры постоянно кружили над новым прибежищем ленинградцев. Среди местного населения они вызывали большое возбуждение. Но обитатели “России” – гостиницы, где жили ленинградцы, относились к ним с поразительным спокойствием. Первое время еще смотрели в окна, выходящие на улицу, а потом перестали. Многие ложились спать, не дождавшись отбоя воздушной тревоги» (Из воспоминаний Я.С. Розенфельда // Ленинградский университет в Великой Отечественной. С. 17).

¹¹⁷ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 775. Л. 141.

¹¹⁸ Там же. Л. 129.

¹¹⁹ Там же. Оп. 17. Д. 847. Л. 68.

¹²⁰ Там же. Оп. 14. Д. 775. Л. 99.

¹²¹ Там же. Л. 55.

¹²² Там же. Л. 76.

¹²³ Там же. Л. 5.

¹²⁴ Там же. Д. 713. Л. 19.

¹²⁵ Там же. Д. 775. Л. 96.

¹²⁶ Там же. Д. 836. Л. 19.

¹²⁷ Там же. Л. 41, 42.

¹²⁸ От составителей // Мы знаем... С. 13. Если более точно, то это было 125 лет с момента воссоздания университета, а не создания, как это потом считали.

¹²⁹ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 17. Д. 836. Л. 39, 40.

¹³⁰ *Качаева В.А.* В трудные годы // Мы знаем... С. 265.

¹³¹ Вручение медалей «За оборону Ленинграда» // ЛУ. 1944. № 13. 20 ноября.

¹³² *Березина В.Г.* ЛГУ и дом-музей Н.Г. Чернышевского в годы войны // Мы знаем... С. 271.

¹³³ Научная сессия, посвященная 125-летию ЛГУ. 1945 (без нумерации страниц).

¹³⁴ *Шилова Е.И.* Материалы к истории ЛГУ // Мы знаем... С. 95, 96.

¹³⁵ Ленинградский университет в Великой Отечественной. С. 18.

¹³⁶ *Кузнецов С.С., Горелова В.И.* Саратовская эпопея ЛГУ // Мы знаем... С. 251.

¹³⁷ *Эльяшова Л.Л.* Мой блокадный университет. Саратов. Мои учителя // Мы знаем... С. 178.

¹³⁸ *Фирсова С.М.* Мой главный учитель. Из воспоминаний об А.А. Вознесенском // Мы знаем... С. 691–696. Написано автором в 1988 г. для книги «А.А. Вознесенский – ученый, государственный и общественный деятель, человек», которая была подготовлена издательством ЛГУ к печати, но в свет не вышла. Публикуется впервые.

¹³⁹ *Эльяшова Л.Л.* Мой блокадный университет. Саратов. Мои учителя // Мы знаем... С. 177. К саратовскому периоду относится и следующий отрывок из воспоминаний Л.Л. Эльяшовой: «Наш профессор, наш ректор А.А. Вознесенский обладал редким методическим даром – умел держать аудиторию два часа в непрерывном напряжении, пре-

вращая своих слушателей в единомышленников. Теоретические положения, высказанные на лекциях, не оставались абстракцией. Они объясняли жгучие вопросы современности. Поражала его демократичность. Помню, как нас двух членов комитета комсомола удивило отсутствие в Саратове жилья у ректора. Он заболел, мы пошли его проведать, а заодно решить неотложные дела. Оказалось, что ректор двух университетов жил в своем кабинете. За шторкой стояла кровать, которая задергивалась, когда жилье превращалось в кабинет» (*Эльяшова Л.Л.* Мы знаем... С. 178). Заметим, что ректором университетов Ленинградского и Саратовского А.А. Вознесенский был с июня 1942 г. по июнь 1944 г. Даже во время войны он пытался расширить сферу деятельности ЛГУ, в частности за счет установления связей с Физико-техническим институтом, руководимым акад. А.Ф. Иоффе, в чем нашел полное понимание. Писал ему: «Постановка в университете научной и учебной работы по разделам ядерной физики и электроники на должной высоте, очевидно, может быть осуществлена лишь при наличии тесной персональной связи между нашими обоими учреждениями» (*Эльяшова Л.Л.* О незабываемом человеке, профессоре и ректоре // ЛУ. 1988. № 7. 1988. 26 февраля. С. 5).

¹⁴⁰ *Эльяшова Л.Л.* Наш век. Из книги воспоминаний // СПб университет. 2003. № 13/14. 5 мая.

¹⁴¹ ОА СПбГУ. Ф. 1. Оп. 26 (уволенных 1949). Личное дело № 22. Л. 14.

¹⁴² Там же. Л. 15.

¹⁴³ Ленинградский университет за советские годы. С. 324.

¹⁴⁴ Там же. С. 348.

¹⁴⁵ *Вознесенский Л.А.* Истины ради... С. 64, 65; «Необычные для того времени деловые качества А.А. Вознесенского на посту ректора отмечали многие представители вузов. Так, профессор-славист Московского университета С.Б. Бернштейн, встречавшийся с ним в 1947 г. в Москве, писал в дневнике: “За час беседы с А.А. Вознесенским получил известное представление об этом человеке. Конечно, нашему Галкину [ректору МГУ] до него далеко. Чувствуется размах, хватка, инициатива. И по уровню культуры стоит повыше нашего Ильи Саввича. Что-то в нем есть от предпринимателя старой дореволюционной России. Именно такие люди прежде выходили в миллионеры. Конечно, ему легче руководить, так как за спиной стоит тень брата» (*Дружинин П.А.* Идеология и филология. Ленинград. 1940-е годы. М., 2012. Т. 1. С. 235). «Особенно стоит отметить тот факт, что А.А. Вознесенский, возглавляя университет, понимал, что главная его ценность – университетская профессура. После войны это достояние ломали и сверху и снизу. Но А.А. Вознесенский, надо отдать ему должное, сопротивлялся до последнего и в ЦК, и в Министерстве, и в обкоме, горкоме и парткоме ЛГУ, отстаивая своих профессоров» (Там же. С. 429). «А.А. Вознесенский был явно не в восторге от проводившегося из столицы антисемитского курса. Он понимал, что такие пристрастия отрицательно влияют не только на университет, но и в целом на науку». Это автор подтверждает воспоминаниями Д.Б. Каценельсон: «Когда моя кандидатура оказалась не утвержденной в Москве, в октябре 1946 г. меня вызвал ректор и около 10 минут беседовал со мной. Сказал, что едет в Москву хлопотать об утверждении аспирантами меня и некоторых других лиц еврейской национальности. Стал расспрашивать меня о моих научных планах и интересах. Беседуя со мной, он перелистывал бумаги, среди которых я увидела написанные от руки рекомендации профессоров Азадовского и Томашевского. Вскоре ректор привез утверждение и я, стала аспиранткой кафедры славянской филологии, провела в этом состоянии в ЛГУ три года» (Там же. С. 435). Указывает автор и относящийся к этой теме фрагмент из воспоминаний декана физического факультета С.Э. Фриша, который писал, что в 1945 г. он хотел взять на должность заместителя декана вернувшегося с фронта Е.Е. Гельмана. Он получил его согласие, пошел к ректору с проектом приказа на этот счет. Тот как бы «...начал издалика, расспрашивал, что представляет собой этот Гельман, справится ли он с такой работой. Потом, когда я стал настаивать, с раздражением воскликнул: “Слушайте, у вас на факультете и так много людей с нерусскими фамилиями, а вы тут подсовываете ещё какого-то Гельмана”. Я не удержался и спросил: “Разве в уни-

верситете введена процентная норма?” “Норма не норма, – успокаиваясь, ответил ректор, – но вы представить себе не можете, как на меня жмут, требуя борьбы за чистоту кадров”. Так Гельмана и не взяли на работу» (Там же).

¹⁴⁶ ЛУ. 1944. Спецвыпуск.

¹⁴⁷ Там же. № 6. 1 окт.

¹⁴⁸ Там же. № 9. 19 окт.

¹⁴⁹ ЛУ. 1944. № 10. 26 окт.

¹⁵⁰ Там же. № 13. 20 нояб.

¹⁵¹ Там же. № 17. 28 дек.

¹⁵² Там же. 1945. № 36. 28 сент.

¹⁵³ Там же. 1946. № 14. 13 апр.

¹⁵⁴ Там же. № 21. 31 мая.

¹⁵⁵ Там же. № 26. 22 июня.

¹⁵⁶ Там же. № 30. 31 авг.

¹⁵⁷ ВЛУ. 1946. № 3. С. 140, 141.

¹⁵⁸ ОА СПБГУ. Ф. 1. Оп. 26 (уволенных за 1949 г.). Личное дело № 22. Л. 23.

¹⁵⁹ Личный архив С.Ю. Мамоновой. Из других материалов известно, что эта должность оплачивалась ему исходя из половины ставки.

¹⁶⁰ ЛУ. 1947. № 3. 13 января; Там же. № 4. 21 янв.

¹⁶¹ Там же. № 8. 22 февр.

¹⁶² Там же. № 9. 3 марта.

¹⁶³ Там же. № 10. 8 марта.

¹⁶⁴ Там же. № 18. 15 мая.

¹⁶⁵ Там же.

¹⁶⁶ Там же. № 20. 3 июня.

¹⁶⁷ Там же. № 21. 11 июня.

¹⁶⁸ Там же. № 32. 16 окт.

¹⁶⁹ Там же. № 34. 7 нояб.

¹⁷⁰ ЛУ. № 40. 10 дек.; Там же. № 41. 17 дек.

¹⁷¹ Там же. № 40. 10 дек.

¹⁷² ЛГУ. Приказ № 815 // Мы знаем... С. 405. В числе профессоров, чьи воспоминания предполагалось собрать, был и Я.С. Розенфельд (Ленинградский университет в Великой Отечественной. 1990. С. 264).

¹⁷³ ЦГА СПб. Ф. 8557. Оп. 6. Д. 1066. Л. 8. 1946.

¹⁷⁴ *Фирсов Н.Н.* [О восстановлении ун-та] // Мы знаем... С. 278.

По словам Л.Л. Эльяшовой, «у ректора были специальные дни приема студентов, и никого другого он тогда не принимал. К нему можно было прийти с любым личным вопросом и после возвращения в Ленинград, когда студентов стало несравненно больше. Однажды в перерыве между лекциями Александр Алексеевич обратился ко мне, назвав по фамилии. Я удивилась, что он ее знает, а он, оказывается, знал даже то, что я – бытсектор комитета комсомола, и пригласил прийти к нему в кабинет по комсомольским делам. Профессор Вознесенский дал мне рекомендацию для вступления в партию. Этим я гордилась и горжусь. Для отопления общежития требовалось топливо. И на выгрузку бревен с пароходов шли прямо с лекций вместе с преподавателями. Помню, как одно бревно несла вместе с деканом нашего экономического факультета – В.В. Рейхардтом. Нашими профессорами, за редким исключением, можно было восхищаться. Даже те из них, кто лекции читал не очень интересно, многое давали нам благодаря своим знаниям, культуре, своеобразию и щедрости своей личности. Уважение к студенту без всякого панибратства, доверие к нему – такой был господствующий стиль отношений» (*Эльяшова Л.Л.* Мой блокадный университет. Саратов. Мои учителя // Мы знаем... С. 178–179). Л.Л. Эльяшова также писала: «И как же мы любили своих Учителей! И не только своих. Многие профессора других факультетов выступали с публичными лекциями, воспоминаниями, просто общались со студентами.

И мы знали и любили географа С.В. Калесника, астронома К.Ф. Огородникова, геолога С.С. Кузнецова, математика Г.М. Фихтенгольца, историков В.В. Мавродина и М.А. Гуковского, филолога Б.М. Эйхенбаума. Но несомненными всеобщими любимцами, на лекции которых набивались студенты разных факультетов, были экономист А.А. Вознесенский и филолог Г.А. Гуковский». Л.Л. Эльяшова вспоминала: «В моей жизни, как я считала, было два идеальных человека – мой отец и мой профессор. Отца в 37-м году навсегда увели люди, которым я сама открыла дверь. И Александр Алексеевич в какой-то степени заместил мне отца» (*Эльяшова Л.Л. Мой блокадный университет. 2005. С. 20; Она же. Легендарный ректор Ленинградского университета. К 100-летию со дня рождения А.А. Вознесенского // СПбУ. 1998. 23 февр.*).

¹⁷⁵ *Вознесенский Л.А.* Истины ради... С. 32; Л.Н. Гумилев писал, что «из всех интеллигентов, с которыми я встречался, лучше всех ко мне отнесся ныне покойный ректор университета Александр Алексеевич Вознесенский. Он дал мне возможность защитить диссертацию в университете» (Автобиография. Воспоминания о родителях. Магнитофонная запись. Интернет).

¹⁷⁶ ЛУ. 1948. № 3. 21 янв.

¹⁷⁷ Там же. № 8. 3 марта.

¹⁷⁸ ОА СПбГУ. Ф. 1. Оп. 26 (уволенных за 1949 г.). Личное дело № 22. Л. 31.

¹⁷⁹ *Вознесенский Л.А.* Истины ради... С. 66; Как вспоминала В.Н. Рогова, будучи послана на работу в Москву после окончания истфака ЛГУ, она в 1949 г. была на концерте Поля Робсона. И там встретила А.А. Вознесенского с Е.М. Косачевской. Он поднял руки и как бы с сожалением сказал: «Я ведь теперь министр просвещения».

¹⁸⁰ ОА СПбГУ. Ф. 1. Оп. 26 (уволенных 1949). Личное дело № 22. Л. 65.

¹⁸¹ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 1369. Л. 105.

¹⁸² Там же. Д. 1382. Л. 75.

¹⁸³ ЛУ. 1948. № 9. 8 мая. Фотография: А.А. Вознесенский на заседании ученого совета ЛГУ; Яркая, светлая личность // СПбУ. 2008. 10 июня.

¹⁸⁴ ЛУ. 1949. № 8. 2 марта.

¹⁸⁵ Книга, которая извращает историю университета // Там же. 1948. № 14. 4 апреля.

¹⁸⁶ О сборнике «Ленинградский университет за советские годы» // Там же. № 15. 21 апреля.

¹⁸⁷ *Вознесенский Л.А.* Указ. соч. С. 67–68, 146.

¹⁸⁸ Там же. С. 146.

¹⁸⁹ Там же. С. 67–68.

¹⁹⁰ Там же. С. 70.

¹⁹¹ *Косачевская Е.М.* Черновики записи бесед с дипломницей С.Ю. Мамоновой. Личный архив С.Ю. Мамоновой.

¹⁹² *Вознесенский Л.А.* Указ. соч. С. 75.

¹⁹³ Там же. С. 206.

¹⁹⁴ Там же. С. 215.

¹⁹⁵ Там же. С. 208.

¹⁹⁶ Из записок Ирины Александровны Вознесенской, знакомившейся с делом отца.

¹⁹⁷ *Вознесенский Л.А.* Указ соч. С. 314.

¹⁹⁸ Там же. С. 76.

¹⁹⁹ Там же. С. 216; На Пленуме ЦК в июне 1957 г., «разоблачившем» Молотова, Маленкова и Кагановича, генеральный прокурор Р.А. Руденко утверждал, что Абакумов организовывал «Ленинградское дело» с ведома Маленкова, но тот возразил: «Почему с моего ведома, когда Абакумов не был мне подчинен». На том же Пленуме Маленкова обвинили в том, что он однажды в «особой тюрьме» допрашивал арестованных по «Ленинградскому делу» людей. Маленков признал, что «выезжал в тюрьму по поручению тов. Сталина в присутствии товарищей, которые сидят здесь» (т.е. других членов Политбюро 1949 года). На что последовала реплика Хрущева: «Я тоже здесь сижу, но я не выезжал и не знаю, кто туда выезжал». На

это Маленков заявил: «Ты у нас чист совершенно, тов. Хрущев» (*Кожин В.В.* Россия. Век XX (1939–1964). Опыт беспристрастного исследования. 1999. С. 48).

²⁰⁰ *Вознесенский Л.А.* Указ соч. С. 219.

²⁰¹ Там же. С. 220; По другим данным: «И только 13 марта 1950 г. А.А. Вознесенский, уже представлявший собой после пыток одно подобие живого человека, подписал окончательный приговор с признанием вины» (*П.А. Дружинин.* Идеология и филология. С. 489).

²⁰² ОАД РНБ. Ф. 16. С. д. № П-48227. Т. 2. Л. 165–170.

²⁰³ *Зак С.Д.* Письмо. Личный архив С.Ю. Мамоновой.

²⁰⁴ *Вознесенский Л.А.* Указ соч. С. 230. 20. *Мамонова С.* Борьба с космополитизмом и «Ленинградское дело»... С. 37.

²⁰⁵ *Мамонова С.Ю.* Борьба с космополитизмом и «Ленинградское дело». Дипломный проект. С. 37.

²⁰⁶ АУ ФСБ ЛО. С. Д. № 18303. Л. 115, 116.

²⁰⁷ АУФСБ СПб и ЛО. С. д. Буковецкого А.И. № П-48227. Т. 2. Л. 352.

²⁰⁸ Там же. Л. 344.

²⁰⁹ *Сидоровский Л.* Разгром // Смена. 1989. № 33. 9 февраля. Следует напомнить о том, что этот журналист еще в 1988 г. первым начал в печати разоблачать преступления сталинизма, в частности в связи с «Ленинградским делом», жестокие репрессии в отношении преподавателей, аспирантов и студентов ЛГУ. В дальнейшем он в своих статьях не раз возвращался к этой теме.

²¹⁰ *Вознесенский Л.А.* Указ соч. С. 244.

²¹¹ Там же. С. 245. По иронии судьбы, менее чем через год на «лефортовский конвейер» был поставлен бывший министр МГБ Абакумов. В письме к Берии и Маленкову, описывая «зверские выходы» по отношению к нему, он рассказывал и о камере: «Это была холодная камера с трубопроводной установкой, без окон, совершенно пустая, размером 2 м, без воздуха, без питания (давали кусок хлеба и две кружки воды в день). Установка включалась, холод все время усиливался. Я много раз впадал в беспамятство. Такого зверства я никогда не видел» (Там же).

²¹² Там же. С. 245.

²¹³ Судьбы людей. «Ленинградское дело». СПб., 2009. С. 135.

²¹⁴ *Вознесенский Л.А.* Указ соч. С. 246.

²¹⁵ Там же. С. 249.

²¹⁶ *Вознесенская В.А.* Воспоминания о брате и семье; В поселке Чернь имеется историко-краеведческий музей и улица имени Н.А. Вознесенского.

²¹⁷ Судьбы людей. «Ленинградское дело». СПб., 2009. С. 123. Один из авторов писал, что деятельность Н.А. Вознесенского в годы ВОВ совершенно недостаточно рассматривается в большинстве работ, посвященных этой теме. «Даже в такой крупной работе, как книга В.В. Колотова (Н.А. Вознесенский. Биографическая повесть. 1976), мало уделено внимания роли, месту и вкладу Н.А. Вознесенского в процессе руководства народным хозяйством и военно-промышленным комплексом в годы войны, подготовке первых военно-хозяйственных планов, в которых были воплощены его теоретические положения, разработки и экономические взгляды в сфере планирования. Слабо показана его практическая работа» (*Дыгай А.И.* Государственная и военно-хозяйственная деятельность Н.А. Вознесенского (1939–1945). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992. С. 4). Этот автор отмечает, что и в ряде других работ на эту тему далеко не полностью освещены особенности его практической деятельности по созданию базы оборонной промышленности на востоке страны (Диссертации В.Н. Серегина и А.И. Арсентьева). «Н.А. Вознесенский стал не только крупным организатором военной экономики, но и одним из разработчиков военно-экономической политики государства. Наиболее весомый вклад он внес в разработку главных элементов военно-экономической концепции обороны СССР, а именно в теорию и практику перестройки народного хозяйства, превращения страны в единый военный лагерь» (С. 10). «Для Н.А. Вознесенского в деле руководства государственными органами характерна компетентность и решительность. Возглавляемый

им Комитет оборонной промышленности изменил подходы в оценках перспективных новых систем вооружения, боевой техники и боеприпасов. Стал рассматривать их в большей степени с позиций качественных параметров, боевого предназначения и техники применения. В отличие от К.Е. Ворошилова, Г.И. Кулика и М.З. Мехлиса, Н.А. Вознесенский не страдал субъективизмом при оценке новых видов оружия» (С. 13). Подчеркивалась особенно значительная роль Н.А. Вознесенского в планомерном проведении конверсии оборонной промышленности страны после завершения Великой Отечественной войны. «Это в отличие от того, что имело место в 1992 г., когда она проводилась весьма болезненно (для экономики), неорганизованно. В этом плане актуален опыт Н.А. Вознесенского по руководству Комитетом оборонной промышленности. Сосредоточение реальных полномочий в руках такого органа дало возможность избежать излишних дебатов, ускорить процесс выработки и принятия решений, претворения их в жизнь» (С. 20). И последнее из этой брошюры: «Усилиями Н.А. Вознесенского в годы войны в небывалой степени была достигнута концентрация в руках Госплана в общегосударственном масштабе планирования, материально-технического снабжения, распределения сырья, оборудования и продукции» (С.11). «Аппарат Госплана СССР, руководимый Н.А. Вознесенским, подготавливал для ЦК ВКП(б) и СНК все необходимые материалы и исходные положения для принятия ключевых хозяйственных решений, обеспечивал экономическую базу для действий Ставки Верховного главнокомандующего. Направляя в единое русло работу всех наркоматов и других хозяйственных органов, Н.А. Вознесенский сосредоточил в ведении Госплана не только хозяйственное планирование, но и право на использование основных материальных и финансовых ресурсов, что дало возможность обеспечить в первую очередь потребности фронта» (С. 14, 15). Также см.: *Дыгай А.И.* Военно-хозяйственная деятельность Н.А. Вознесенского в годы Великой Отечественной войны // Сб. научных статей Гуманитарной академии вооруженных сил СССР М., 1991. № 51.

²¹⁹ *Залесский К.А.* Империя Сталина. Биографический энциклопедический словарь. М., 2000. С. 15 и др.

²¹⁹ *Симонов К.* Глазами человека моего поколения. М., 1989. С. 160-161.

²¹⁰ Там же. С. 158–159. Также см.: *Микоян А.И.* Так было. М., 1999. С. 559; *Шетилов Д.Т.* Воспоминания // Вопросы истории. 1998. № 6. С. 15.

²²¹ *Вознесенский Л.А.* Указ соч. С. 126.

²²² Следует отметить, что вопрос о снижении общего объема валовой продукции промышленного производства и объема капитальных строительных работ в целом по СССР в первом квартале каждого года по сравнению с последним кварталом предыдущего года уже давно волновал Н.А. Вознесенского. Во всяком случае, в его книге, посвященной экономике военных лет, он был специально рассмотрен (С. 155). Так, в первом квартале 1940 г. это снижение суммарно составило 12%, а в 1943 г. – 13%. И это приводило к самым неприятным экономическим последствиям, особенно в годы войны. Получалось, что только в третьем квартале обеспечивался прирост указанных показателей по сравнению с аналогичным кварталом прошлого года. Он объяснял это в основном трудностями зимнего периода на значительной части территории страны. Но были, конечно, и другие причины. Для сокращения, а лучше ликвидации этого снижения он считал необходимым заблаговременное создание запасов сырья, металла и топлива. Но, видимо, это никогда не удавалось сделать. Мы хотели посмотреть, решен ли этот вопрос в России в последние годы. Но, к сожалению, в справочниках Роскомстата квартальные данные отсутствуют.

²²³ *Вознесенский Л.А.* Указ. соч. С. 146; *Хлевнюк О.В.* Советская экономическая политика на рубеже 1940–1950-х годов. Дело Госплана // Отечественная история. 2001. № 3. С. 79; *Его же.* Сталин и утверждение сталинской диктатуры. 2010.

²²⁴ Там же. С. 259; Один из авторов писал: «Не случись этого (т.е. убийства Н.А. Вознесенского), страна, вне всяких сомнений, уже в самые ближайшие годы могла иметь очень сильного Председателя Совета министров». Дочь Н.А. Вознесенского Наталья Николаевна говорила: «Дело в том, что она (его книга по политэкономии коммунизма) существовала только в рукописи. Отец писал ее все последнее время, когда почти год сидел без работы

дома. После написания (по данным профессора экономического факультета МГУ Александра Кошелева) секретарь Сталина Поскребышев якобы от имени вождя затребовал эту рукопись. И когда отца не стало, якобы дословно из этой рукописи были взяты главы, которые вдруг оказались основой сталинской брошюры “Экономические проблемы социализма в СССР”» (Интернет. http://enakievets.info/publ/enakievo_kak_na_ladoni/zhiteli).

²²⁵ *Гетнер М.Я.* Нескольكو рассказов о вожде // Избранные произведения. М., 1979; *Колотов В.В., Петровичев Г.Н.* Н.А. Вознесенский. М., 1976; *Кутузов В.* «Ленинградское дело» // Диалог. 1987. № 18, 19.

²²⁶ *Колотов В.В.* Николай Алексеевич Вознесенский. 1974. С. 3–10; *Вознесенский Л.А.* Указ соч. С. 140.

²²⁷ В рецензия на указанную книгу отмечалось, что она «представляет собой глубокое и всестороннее научное исследование экономики СССР периода Отечественной войны. Она служит примером диалектического сочетания теории и практики <...> Книга является примером ленинско-сталинского принципа партийности в теоретической работе...». «Для книги характерен большевистский политический подход к исследованию экономических явлений...» (*Гатовский Л.* Книга о военной экономике СССР // Большевик. 1948. № 1. С. 71). В конце рецензии было сказано: «Книга тов. Вознесенского существенно поможет нашим советским, партийным и промышленным кадрам полнее и глубже познать закономерности развития социалистического общества, социалистической экономики, принципы и методы планирования, хозяйственные и политические задачи, стоящие перед советским государством. Книга раскрывает великую, неизменно растущую, творческую мощь советского строя, она говорит о всепобеждающей силе ленинизма, о непобедимости мудрой политики партии Ленина-Сталина, ведущей нашу социалистическую Родину к коммунизму» (Там же. С. 88). Немало книги цитировалось в статье Г. Сорокина «Социалистическое планирование – закон развития советской экономики» (Там же. № 24. С. 12–29).

²²⁸ *Вознесенский Л.А.* Указ соч. С. 146, 256; При рассмотрении в ЦК претензий к журналу «Большевик» жестко критиковали напечатанную в нем хвалебную рецензию Гатовского на книгу Н.А. Вознесенского, который также не препятствовал цитированию выдержек из этой книги в отдельных опубликованных там статьях других авторов. Он даже дал положительное заключение о статье работника Госплана Сорокина, которая изобилует цитатами из книги Н.А. Вознесенского (опубликована в № 24 журнала «Большевик» за 1948 г.). Возможно, в книге нашли отражение его взгляды по экономическим вопросам из ранее напечатанных его статей, которые не полностью были созвучны соответствующим установкам. Например, писали следующее: «Если же прочитать ряд статей Вознесенского разного периода, что нетрудно – в 60–70-е годы его активно печатали, то можно увидеть, насколько большую роль он отводит в строительстве коммунизма рыночным методам и хозрасчету в частности. Конечно же, и реверансы в сторону коммунизма есть, и цитат из классиков марксизма предостаточно, но хозрасчет “всплывает” на каждом этапе от конца нпа до последней страницы. Например, в статье “Хозрасчет и планирование на современном этапе” он пишет: “Хозрасчет мы не только не можем уничтожать, но обязаны его укреплять. Текущее хозяйственное положение *сделало хозрасчет особенно актуальным* (выделено Вознесенским – В.Г.) <...> Мы должны перевести на хозрасчет каждый цех, каждую бригаду... Каждая хозрасчетная единица имеет твердые оборотные средства...” Заканчивается статья выводом: “Итак, наш общий вывод ясен: хозрасчет – мощный рычаг осуществления большевистских темпов, мощный рычаг социалистического планирования”. Эта статья была написана в конце 1931 г. А вот фрагмент из статьи 1939 г.: “Хозрасчетные отношения необходимы в период социализма <...> Вот почему необходимо вести денежный счет плановых показателей”. Т.е. Вознесенский и его ученики считали, что на каком бы этапе не находилась экономика СССР, на каждом – именно хозрасчет был самым “нужным, важным и актуальным”» (*Миронин С.* Ленинградское дело – надо ли ставить кавычки. Интернет).

²²⁹ *Ваксер А.З.* Шестьдесят лет так называемого «Ленинградского дела». История изучения и новые аспекты // Клио. СПб., 2010. № 1. С. 115–123.

²³⁰ *Вознесенский Л.А.* Указ соч. С. 201.

²³¹ Там же. С. 205.

²³² *Петрова О.* Ленинградское дело // <http://www.bing.com>

²³³ В результате принятия постановления Совета министров СССР от 5 марта 1949 «О Госплане СССР» и постановления Политбюро 11 сентября 1949 «О многочисленных фактах пропажи секретных документов в Госплане СССР» в аппарате Госплана СССР произошла существенная кадровая чистка. К апрелю 1950 г. был проверен весь основной состав ответственных и технических работников – около 1400 человек. Из них 130 человек были уволены, более 40 переведены из Госплана на работу в другие организации. За год в Госплан было принято 255 новых работников. Из 12 заместителей Вознесенского убрали семерых, причем лишь один к апрелю 1950 г. был арестован, а четверо получили новую ответственную работу (что также свидетельствовало о преимущественно неполитическом характере «Дела Госплана»). Состав начальников управлений и отделов и их заместителей обновился на треть. Из 133 начальников секторов было заменено 35 (*Хлевнюк О.В.* Советская экономическая политика на рубеже 1940–1950-х гг. Дело Госплана // Отечественная история. 2001. № 3; Госплан СССР // <http://ru.wikipedia.org/wiki/>).

²³⁴ *Вознесенской Л.А.* Указ. соч. С. 99.

²³⁵ Там же. С. 215; Расследование «Ленинградского дела» держал под постоянным контролем Маленков, он же будто бы неоднократно присутствовал на допросах арестованных. Следственную группу непосредственно возглавлял полковник Комаров, который впоследствии признал (возможно, под давлением следователей хрущевцев), что по приказанию Абакумова лично избивал Н.А. Вознесенского, а следователи Сорокин и Питовранов применили такие же меры грубого физического воздействия к Кузнецову (*Миронин С.* Ленинградское дело...). «Ленинградское дело» единственное, после которого многие участвовавшие в нем следователи были расстреляны. Много спекуляций имеется о роли тогдашнего министра госбезопасности Абакумова. Действительно, 11 июля 1951 г., Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «О нездоровой ситуации в Министерстве государственной безопасности СССР». В соответствии с данными в этом решении оценки, спустя сутки был арестован тогдашний министр государственной безопасности Союза ССР генерал-полковник В.С. Абакумов, объявленный «главой сионистского заговора в МГБ», и началась чистка органов госбезопасности. На выездном заседании Военной коллегии Верховного суда СССР в Ленинграде 12–19 декабря 1954 г. Абакумов был обвинен в фабрикации судебных дел, в т.ч. «Ленинградского дела», назван членом банды Берия, расстрелян (Там же).

²³⁶ *Вознесенский Л.А.* Указ. соч. С. 242.

²³⁷ Судьбы людей. «Ленинградское дело». СПб., 2009. С. 193.

²³⁸ *Вознесенский Л.А.* Указ. соч. С. 192; Расстрел был произведен не более чем через два часа после вынесения приговора. Это, как считается, было сделано столь стремительно с целью того, чтобы осужденные не успели подать прошение о помиловании в Президиум Верховного Совета, на что в принципе они имели право (*Миронин С.* Ленинградское дело...). Этому способствовало близкое расположение помещения суда (Дом офицеров) от места расстрела (Большой Дом на Литейном проспекте или Дом предварительного заключения на Шпалерной улице).

²³⁹ Там же. С. 193.

²⁴⁰ Там же. С. 194.

²⁴¹ Там же. С. 62.

²⁴² Там же. С. 113. Н.С. Хрущев в своих воспоминаниях утверждал, что слышал, как Сталину докладывали, будто Вознесенский в последнем слове на суде проклинал день, когда впервые появился в Ленинграде. «Он сказал, что Ленинград уже сыграл достаточную роль в заговорах, что город испытал на себе все виды реакционного влияния – от Бирона до Зиновьева». Между тем чекист В.И. Бережков писал: «Я беседовал со многими ветеранами, которые присутствовали на суде в зале Ленинградского дома офицеров, и ни один

из них не сказал дурного слова о поведении там Вознесенского. Наоборот, они отмечали его спокойствие, твердость, порядочность и непризнание им своей вины» (*Бережков В.И.* Питерские прокураторы. СПб., 1997. С. 239–240).

²⁴³ *Волгогонов Д.А.* Триумф и трагедия. Политический портрет И.В. Сталина // <http://http.lbi.ru/history/wolcogona>

²⁴⁴ *Иванченко В. Н.А.* Вознесенский: опыт, вошедший в историю // <http://www.gruzdev.ru/pesscenter>

²⁴⁵ Советский экономист. 1973. № 31. 20 ноября. В следующем номере этой газеты была большая статья о Н.А. Вознесенском, но не было сказано ни слова о его расстреле.

²⁴⁶ Судьбы людей. «Ленинградское дело». СПб., 2009. С. 123.

²⁴⁷ Ленинградская правда. 1948. № 304. 24 декабря.

²⁴⁸ Там же. 1949. № 28. 2 февраля.

²⁴⁹ *Вознесенский Л.А.* Указ соч. С. 54, 56; Судьбы людей. «Ленинградское дело». СПб., 2009. С. 136, 137.

²⁵⁰ Там же. С. 217.

²⁵¹ Коммерсант ВЛАСТЬ. 2000. 26 сент. С. 56.

²⁵² Выдана по месту регистрации смерти: Ленинград, Московское районное бюро ЗАГС.

²⁵³ УВД ЛО. Письмо от 17 ноября. 1997 г. № 35/14-4-В-168.

²⁵⁴ Расстрельные списки. Москва 1935–1953. Донское кладбище. М., 2005.

²⁵⁵ Судьбы людей. «Ленинградское дело». СПб., 2009. С. 137, 206.

²⁵⁶ Там же. С. 137. Заметим, что его в своих воспоминаниях отмечает Лев Михайлович Сафонов, сын М.И. Сафонова, расстрелянного по «Ленинградскому делу». С ним он встретился на этапировании из Лефортовской тюрьмы в Казахстан. Потом полтора года был вместе с ним, с сыновьями Я.Ф. Капустина и М.В. Басова. Они выделялись на общем фоне нестандартными сроками наказания – восемь лет – и считались «малосрочниками». К ним некоторые лагерники (националисты, фашисты и бывшие уголовники) относились весьма недружелюбно, считая их «просоветскими». На этой почве возникали проблемы, были и стычки. В их лагере содержалось более 3500 заключенных. Начальником лагеря был майор Колпачков. Ко всем, кто носил погоны или были вольнонаемными работниками, заключенные были обязаны при обращении говорить «гражданин начальник». Рано утром проводились проверки. Заключенных выстраивали и пересчитывали несколько раз, пока фактическая численность не совпадала с учетной. «Особенно неприятно это было в мороз или под дождем». После скудного завтрака выводили на работы после новых проверок, по пять человек в шеренге, в сопровождении конвоиров с автоматами и с немецкими овчарками на длинных поводках. И на протяжении всего пути на объект и обратно в зону раздавались грубые окрики, угрозы, отборный мат. Конвоиры могли натравить собак, могли положить колонну на дорогу, в грязь. В начале лета 1952 г. в лагере было сформировано несколько этапов, и его разлучили со своими знакомыми ребятами (Там же. С. 118).

²⁵⁷ Арх. справка. УФСБ ЛО. 6 ноября. 1992 г. № 10/81-П-14401.

²⁵⁸ Справка. Верховная коллегия Верховного суда РФ. 25 мая 1992 г. № 4н-0971/54.

²⁵⁹ МВД России. УВД Красноярского края. 25 июня 2004. № 1/3-3482. Арх. справка.

²⁶⁰ Судьбы людей. «Ленинградское дело». СПб., 2009. С. 137.

²⁶¹ Справка о реабилитации. ГУВД ЛО. 17 ноября. 1997 г. № 35/14-4-В-168.

²⁶² Братя Владимир и Евгений Федоровичи Визнеры рассказывали корреспонденту газеты: «Маму арестовали в 1949-м, рано утром 25 июля на даче. Через месяц нас выселили из квартиры на Чайковской, а еще через некоторое время увезли отца. Затем пришел черед испить и нам горькую чашу: узнав от следователя, что мама как враг народа расстреляна, один из нас через Лефортовскую тюрьму последовал в Казахстан, другой через «Кресты» в уже знакомый Красноярский край...» (*Жертвы сталинщины // Невское время.* 2009. 21 февр.).

²⁶³ Научные работники Ленинграда. 1934. С. 70. В.А. Вознесенская упоминается в воспоминаниях Л.М. Демина как его преподаватель. Студенты обсуждали происходив-

шие трагические события, гонения на ученых. «Еще вчера я почувствовал что-то неладное, – вмешался в разговор Федя. – Зашел к Валентине Алексеевне за моим рефератом. Спрашиваю, когда примете у меня экзамен. Валентина Алексеевна отвечает как-то вяло, безучастно – пока не знаю. Вам сообщает. Полистал дома свой реферат и вижу – в разделе библиографии тщательно вырезана первая страничка. А на ней после сталинских работ была упомянута книга Николая Алексеевича Вознесенского о военной экономике» Вскоре автор воспоминаний видит вывешенный на доске объявлений список уволенных преподавателей, в котором она указана первой с формулировкой: «Освободить от занимаемой должности как не утвержденную в установленном порядке». Тогда же ее исключили из партии (*Де-мин Л.М.* Как это было... О герценовских студентах 1940-х гг. // Вестник Герценовского университета. 2009. № 7. С. 75, 76).

²⁶⁴ Письмо Центрального архива ФСБ РФ от 21.01.2013 № 10/А-Г-3489.

²⁶⁵ Судьбы людей... С. 137.

²⁶⁶ Там же. С. 138, 206.

²⁶⁷ Там же. С. 138.

²⁶⁸ *Эльяшова Л.Л.* Наш век. Из книги воспоминаний // СПбУ. 2003. № 13/14. 5 мая.

²⁶⁹ ЛУ. 1949. № 7. 23 февр.

²⁷⁰ Судьбы людей. «Ленинградское дело». СПб., 2009. С. 136; *Тверилова Г.* Терновый памяти венец // ЛУ. 1988. 16 сент. Сохранился и такой документ, как копия заявления Е.М. Косачевской ректору ЛГУ проф. С.П. Меркурьеву и секретарю парткома И.В. Дубову: «Представляя черновые копии документов, адресованных в партийные органы, считаю своим партийным долгом заявить, что наличие портрета Ильина в галерее деканов экономического факультета ЛГУ является оскорблением памяти невинно погибших и искалеченных судеб многих научных работников коммунистов ЛГУ и их потомков, недопустимым кощунством над памятью мертвых и живых. Справедливость и восстановление партийных норм нашей жизни, а также достоверной истории Университета, требуют незамедлительного изготовления и экспонирования портрета В.В. Рейхардта, который с 1941 по 1948 г., в самые трудные военные и послевоенные годы, был деканом экономического факультета. Он был и остается крупным ученым в области политической экономии <...> Провокационными действиями Ильина нанесен невосполнимый ущерб развитию экономической наука в связи с тем, что В.В. Рейхардт был объявлен врагом народа и физически уничтожен. Благодаря стараниям Ильина были арестованы, заключены в лагеря такие деятели экономической науки, как А.И. Буковецкий, В.М. Штейн, Я.С. Розенфельд и другие...» (*Косачевская Е.М.* Письма и документы. Личный архив С.Ю. Мамоновой). В отношении тюремного быта интересна следующая ее зарисовка: «Отныне ее одежда стала исключительно тюремная, домом одиночная камера. Уют заменяли жесткая койка, табурет и глазок. Так что спать приходилось под зорким оком надсмотрщика. Если во сне поворачивалась на бок или убирала руки под одеяло – тут же открывалась со скрипом железная дверь и офицер с дежурным охранником грубо толкали, призывая лечь, как положено – на спину, руки – поверх одеяла. Заключенный был лишен воли даже во сне. Что уж говорить об уважении человеческого достоинства в другое время суток». Интересны также ее воспоминания о лагере: «Ранним утром выгоняли под конвоем с собаками за несколько километров вглубь тайги. После 14 часов работы такой же путь назад. Однажды на нем ее свалил сердечный приступ. Но она знала, что в лагере особо тяжелой была жизнь людей, не приспособленных к физическому труду. Такой несчастной была в их лагере первая жена Н.И. Бухарина – доктор философских наук Э.И. Гурвич. Ее унижали и издевались над ней и охранники и рецидивисты, помещенные специально вместе с политическими, чтобы осложнить их существование. Они всех держали в страхе, чувствовали себя вольготно, так как не считались врагам народа».

²⁷¹ *Ганелин Р.Ш.* Советские историки: о чем они говорили между собой». Страницы воспоминаний о 1940–1970-х годах. СПб., 2006. 2-е изд. С. 182.

²⁷² Там же. С. 343.

²⁷³ Там же. С. 345.

²⁷⁴ *Эльяшова Л.Л.* Мой блокадный университет. Саратов. Мои учителя // Мы знаем... С. 181.

²⁷⁵ *Эльяшова Л.Л.* Там же. С. 178. 29 октября 2004 г. у здания Двенадцати коллегий, напротив ректорского флигеля СПбГУ, был открыт памятный знак жертвам политических репрессий – ученым и универсантам, репрессированным в середине XX века. В церемонии открытия памятника приняли участие ректор СПбГУ Л.А. Вербицкая, декан филологического факультета С.И. Богданов, директор Музея СПбГУ И.Л. Тихонов и архитектор Г.П. Постников, разработавший проект памятного знака, а также родственники, друзья пострадавших от репрессий и бывшие студенты и аспиранты. Л.А. Вербицкая призвала собравшихся помнить не только о тех, кто не вернулся с полей битв, защищая Родину, но и о тех, кто погиб в тюрьмах, лагерях в годы репрессий. И открываемый мемориальный знак – дань памяти тем людям, для которых не было ничего дороже служения науке и университету. Архитектору Г.П. Постникову поблагодарил С.И. Богданов, при содействии которого осуществляется создание мемориальных зон. Сам же С.И. Богданов сказал, что место выбрано не случайно. Теперь памятный знак пострадавшим от политических репрессий являет собой третий угол треугольника, состоящего из памятника погибшим в Великой Отечественной войне и недавно открывшейся Чаши искупления. Отметил символичность памятника репрессированным, чьи судьбы и места погребения долгое время держались в тайне... История репрессированных по политическим причинам преподавателей и студентов Петербургского университета берет начало еще с XVIII в., когда ректор Миллер был обвинен в политической неверности государству за научный труд. Но пик репрессий пришелся на XX век. В начале его был арестован Щерба, были расстреляны Новицкий, Лазаревский, Гумилев. В тридцатые годы прошлого века власти создают «Академическое дело», повлекшее многие жертвы. В сороковых годах заводится «Ленинградское дело», с которым связаны репрессии в отношении преподавателей и профессоров почти со всех факультетов университета, в том числе ректора А.А. Вознесенского. Эти люди были вырваны из научной и преподавательской деятельности, иначе – скошены. Это объясняет название памятного знака (*Кольцова Е.* Тирания не терпит таланта // Санкт-Петербургский университет. 2004. № 26. 9 ноября).

²⁷⁶ Проспект книги. Личный архив С.Ю. Мамоновой. По словам Л.Л. Эльяшовой, были собраны уникальные материалы. Лично она потратила на это много сил и времени. По поводу указанной книги, Л.А. Вознесенский написал, что его отказ от ее издания объясняется тем, что тогда издательство «упорно “редактировало” работы А.А. Вознесенского для того, чтобы они переплетались с выступлениями М.С. Горбачева. Это привело к потере этими работами их подлинного историко-научного значения. Поэтому я и предложил отказаться от выхода в свет уже набранной книги».

²⁷⁷ СПбУ. 2008. № 9. Июнь. С. 42.

²⁷⁸ *Гаврилова Г.* Он был бойцом неукротимым, страстным... // Ленинградский университет. 1988. № 10. 18 марта.

²⁷⁹ Н.В. Розе упомянут как жертва войны, но не как жертва сталинизма: Не все дожили до Победы, но каждый приближал ее, как мог... // СПбУ. 2011. № 6. 5 мая; *Голованов Яр.* Палачи и жертвы // Огонек. 1992. № 1. С. 16; Экстремистская деятельность ученых. Пулковское дело. Интернет.

²⁸⁰ *Эльяшова Л.Л.* Мой блокадный университет. Саратов. Мои учителя // Мы знаем... С. 181.

²⁸¹ *Афонская Н.Ф.* Воспоминания об Александре Алексеевиче Вознесенском. Архив С. Мамоновой.

²⁸² *Ганелин Р.Ш.* «Советские историки: о чем они говорили между собой». Страницы воспоминаний о 1940–1970-х годах. СПб., 2006. 2-е изд. С. 50.

²⁸³ Там же. С. 74, 75.

²⁸⁴ Там же. С. 122.

²⁸⁵ Там же. С. 248, 252.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Копии некоторых документов

Личный листок по учету кадров

1. Фамилия Вознесенский
 имя Александр отчество Александрович

2. Пол муж. 3. Год и м-ц рождения Март 1898 г.
 4. Место рождения: а) по существующему административ. делению _____

б) по существовавшему адм. делению с. Подчалово Новосильского уезда Тульской губернии

5. Национальность русский 6. Социальное происхождение: а) бывш. сословие (звание) родителей Лицо-полетный прапорщик основное занятие родителей до Октябрьской революции Приказчик а затем сторож в лесу после Октябрьской революции отец умер в 1917 г., мать дом. хозяйка Основная профессия (занятие) в настоящее время: для членов ВКП(б) — к моменту вступления в партию Научный работник стаж работы с 1923 г. 8. Соц. положение самоучка (по этой профессии)

9. Партийность Член ВКП(б) 10. Какой организацией принят в члены ВКП(б) Василеостровским Райкомом ВКП(б) г. Ленинград

11. Партежаз IV. 1927 г. № партбилета 2468032 или к/кварт. _____ 12. Стаж пребывания в ВЛКСМ с _____ по _____ 13. Состоял ли в других партиях (каких, где, какого и по какое время) не состоял

14. Состоял ли ранее в ВКП(б) нет с какого и по какое время _____ и причины исключения или выбытия _____

15. Были ли колебания в проведении линии партии и участвовал ли в оппозициях (каких, когда) нет

16. Членом какого профсоюза состоит и с какого года Сотоз работников Высшей Школы с 1918 г.

17. Образование Высшее

	Подробное название учебного заведения (вуза, техникума, комвуза, школы и проч.) и его местонахождение	Название факультета или отделения	Дата (м-ц, год)		Если не окончил, то с какого курса ушел	Какую (узкую) специальность получил в результате окончания учебного заведения
			вступления	окончания или ухода		
Общее образование	<u>Ленинградский Университет</u>	<u>Факультет общественных наук</u>	<u>1917</u>	<u>1923</u>	<u>Да</u>	<u>Теоретическая экономика</u>
Партийно-политическое						

18. Ученая степень и звание профессор кандидат

19. Имеет ли научные труды и изобретения да (перечень научных трудов и изобретения с указанием, по каким вопросам и где опубликованы, необходимо дать в приложении)

Личный листок по учету кадров
(Объединенный архив СПбГУ)

В ЦК ВКП(б)

40

89

Товарищ Сталин!

Обращаюсь к Вам с великой просьбой - дайте мне работу, какую найдете возможной, чтобы я мог вложить свое дело и труд на пользу партии и Родины. Очень тяжело бить в стороне от работы партии и товарищей.

Из сообщения ЦСУ в печати я, конечно, вижу, что колоссальные успехи нашей партии достигнуты еще тем, что ЦК и Президиум ЦКП управляют огромными запасами и вверивают новые резервы. Заверяю Вас, что я безусловно исполню урок партии и не своего дела и прошу дать мне возможное и активное участие в общей работе и жизни партии.

Прошу Вас оказать мне это доброе; на мой работе, которую поручите, отдаю все свои силы и труд, чтобы не отставать.

Преданный Вам Н. Вознесенский

17. VII 49.

Письмо Н.А.Вознесенского в ЦК ВКП(б) после смещения со всех постов.
17 авг. 1949. (Личный архив Е.Ф. Визнера)

Военная Коллегия
Верховного Суда
Союза ССР

С П Р А В К А

16. ИЮЛЯ 1954 г.

№ 4н-5453/54

Москва, ул. Воровского, д. 13

Дело по обвинению ВОЗНЕСЕНСКОЙ Марии Алексеев-
ны пересмотрено Военной Коллегией Верховного Суда
СССР 14 мая 1954 года.

Приговор Военной Коллегии от 27 октября
1950 года в отношении ВОЗНЕСЕНСКОЙ М.А. отменен и
дело за отсутствием состава преступления производ-
ством прекращено.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ
ВЕРХОВНОГО СУДА СОЮЗА ССР
ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ ЮСТИЦИИ

А. Чепцов
/А. ЧЕПЦОВ/

аб.

*Приговор Военной коллегии Верховного суда Союза ССР по
«Ленинградскому делу». Выездная сессия в Ленинграде.
29-30 сент. 1950. (Личный архив Е.Ф. Визнера)*

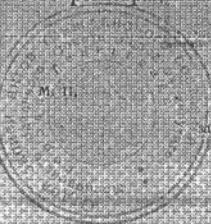
СВИДЕТЕЛЬСТВО О СМЕРТИ

Гражданин(ца) *Вознесенская*
Мария Алексеевна
 умер(ла) *27 октября 1950 года*
тысяча девятьсот
пятидесятого года
 в возрасте *49* лет, о чем в книге регистрации актов о смерти
 19 *67* года *июня* месяца *03* числа
 произведена запись за № *47*

Причина смерти *Расстрел*

Место смерти: город, селение *в месте захоронения*
 район *Киня* г. *Москва*
 область, край
 республика *РСФСР*

Место регистрации *г. Ленинград*

Дата выдачи *15 февраля 1950*
 Заведующий отделом
 записей актов гражданского состояния

V-АК № 268691

Свидетельство о смерти М.А. Вознесенской.
 (Личный архив Е.Ф. Визнера)

УПРАВЛЕНИЕ
ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ БЕЗОПАСНОСТИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
по г. Санкт-Петербургу
и Ленинградской области

Следственный изолятор

09.06.04г. № I8/769

г. Санкт-Петербург

194017, г. Санкт-Петербург,
ул. Дрезденская, д. 5, кв. 41
Визнеру Евгению Федоровичу

Настоящим подтверждаем, что Визнер Евгений Федорович, 1934 года рождения, был арестован 14.03.1951 года, и содержался во внутренней тюрьме УМГБ СССР Ленинградской области с 14 марта 1951г. по 04 мая 1951г.

Администрация

*Справка об отмене приговора М.А. Вознесенской.
(Личный архив Е.Ф. Визнера)*

СССР
МИНИСТЕРСТВО
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Форма «Б»
ВИДОМ НА ЖИТЕЛЬСТВО НЕ СЛУЖИТ.
ПРИ УТЕРЕ НЕ ВОЗОБНОВЛЯЕТСЯ.

2-ДП

Озерный
Уч. 11
„ 23 „ февраля 1954 г.

СПРАВКА № 1821

Выдана гражданину (ке) Визнер Федору
Францевичу, 1895
года рождения, уроженцу (ке) г. Арцах (Сексловакия)

гражданство (подданство) СССР национальность Чех
в том, что он (она) с „ 20 „ октября 1940 г.

содержался (лась) в тюрьме в „ 23 „ февраля 1954 г.
освобожден (на) за прекращением дела в порядке ст. 1

п. 5 УПК (УК) РСФСР и следует в место жительства
г. Ленинград, Ленинградский район, об.

по ст. Ленинград
железнодорожной

ПАСПОРТ-БЛАНК
в 1954 году
11-122 x 88,5 x 14
2-й ст.
0-1-2-3-4-5-6-7-8-9-0

Начальник Озерного
Уч. 11
кабинета
М. Колосов
М. Михайлов

Справка об освобождении Ф.Ф. Визнера.
(Личный архив Е.Ф. Визнера)

УПРАВЛЕНИЕ
ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ БЕЗОПАСНОСТИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
по г. Санкт-Петербургу
и Ленинградской области

194017, г. Санкт-Петербург,
ул. Дрезденская, д. 5, кв. 41
Визнеру Евгению Федоровичу

Следственный изолятор

09.06.04г. № 18/769

г. Санкт-Петербург

Настоящим подтверждаем, что Визнер Евгений Федорович, 1934 года рождения, был арестован 14.03.1951 года, и содержался во внутренней тюрьме УМГБ СССР Ленинградской области с 14 марта 1951г. по 04 мая 1951г.

Административный отдел

*Справка об аресте Е.Ф. Визнера.
(Личный архив Е.Ф. Визнера)*

Военная коллегия
Верховного Суда
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СПРАВКА

025, мая 19 92 г.
№ 4Н-0971/54

121260, Москва, ул. Воровского, д. 15

Дело по обвинению ВИЗНЕРА Евгения Федоровича, 1934 года рождения, до ареста - 14 марта 1951 года - студента I курса Энергетического института, высланного на основании ст.ст.7 и 35 УК РСФСР (за причастность к антисоветской вредительской группе), пересмотрено Военной коллегией Верховного Суда СССР 30 января 1954 года.

Постановление Особого Совещания при МГБ СССР от 28 апреля 1951 года в отношении ВИЗНЕРА Е.Ф. отменено.

ВИЗНЕР Е.Ф. по данному делу полностью реабилитирован.

НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛА ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ
ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В.ШЕНКОВОЙ

ТКЗ. Зак. 2119

*Справка о реабилитации Е.Ф. Визнера.
(Личный архив Е.Ф. Визнера)*

112
Копия.

П Р И Г О В О Р

МАКСИМУМ ОБЩАЯ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК
ВОЕННАЯ КОЛЛЕГИЯ ВЕРХОВНОГО СУДА СОВЕТА ССР

в составе:

Председательствующего - Генерал-майора в отставке МАТУШЕВИЧ И. А.
Ч л е н о в - Генерал-майора в отставке ВАГАНОВА А. А.
Генерал-майора в отставке ДЕТЯКОВА И. В.
При секретаре - Подполковника в отставке КАЗЬМ А. С.

29-30 сентября 1960 года, в городе Ленинграде, в
открытом судебном заседании рассмотрела дело по обвинению:

1. ИЗУМЕНЦОВА Алексея Александровича, 1905 года рождения, уроженца города Борозичи, Новгородской области, русского, бывшего члена ВКП/б/;
2. ПОПКОВА Петра Сергеевича, 1908 года рождения, уроженца Владимирской области, русского, бывшего члена ВКП/б/;
3. ВОЗНЕСЕНСКОГО Николая Алексеевича, 1903 года рождения, уроженца города Чернь, Тульской области, русского, бывшего члена ВКП/б/, происходящего из семьи владельца сапожной мастерской;
4. КАПУСТИНА Якова Федоровича, 1904 года рождения, уроженца Калининской области, русского, бывшего члена ВКП/б/;
5. ЛАЗУТИНА Петра Георгиевича, 1905 года рождения, уроженца города Петропавловск Казахской ССР, русского, бывшего члена ВКП/б/;
6. ГОЛЮНОВА Михаила Ивановича, 1907 года рождения, уроженца Горьковской области, русского, бывшего члена ВКП/б/, происходящего из кулаков;
7. ТУРКО Иосифа Михайловича, 1908 года рождения, уроженца города Константиновки /Донбасс/, Белорусия, бывшего члена ВКП/б/;

П Р И Г О В О Р И Л А :

1/ КУЗНЕЦОВА Алексея Александровича, 2/ ПОПКОВА Петра Сергеевича, 3/ ВОЗНЕСЕНСКОГО Николая Алексеевича, 4/ КАПУСТИНА Якова Федоровича, 5/ МАСУТИНА Петра Георгиевича и 6/ ГОДОНОВА Михаила Ивановича подвергнуть высшей мере наказания - РАССТРЕЛУ, с конфискацией всего лично им принадлежащего имущества.

7/ ТУРКО Носима Михайловича, 8/ ЗАКРЯВСКОМУ Таисии Владимировну и 9/ МИЛЕВА Филиппа Егоровича подвергнуть тюремному заключению сроком: ТУРКО на ПЯТНАДЦАТЬ /15/ лет, ЗАКРЯВСКОМУ и МИЛЕВА на ДЕСЯТЬ /10/ лет каждого, с поражением политических прав на 5 лет каждого и с конфискацией у них всего лично им принадлежащего имущества. Срок отбоя наказания исчислять: ТУРКО - с 24 августа 1949 года, ЗАКРЯВСКОМ - с 27 июля 1949 года и МИЛЕВУ - с 5 августа 1949 года.

Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

Подлинный за надлежащими подписями
с подлинным верно.

Верно: СЕКРЕТАРЬ СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ
ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХСУДА СССР
подполковник юстиции - М. М. /МАСУР/

*Приговор Военной Коллегии Верховного Суда СССР
по делу Вознесенского Н.А. 29-30.09.1950 г.
(Архив Президента РФ)*

УПОМИНАЕМЫЕ СТАТЬИ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РСФСР

Министерство юстиции РСФСР. Официальный текст Уголовного кодекса с изменениями на 1 августа 1948 г.

Ст. 7. В отношении лиц, совершивших общественно-опасные действия или представляющих опасность своей связью с преступной средой. Карается высылкой или заключением в ИТЛ на 5 лет (С. 26). Применяется при контрреволюционных преступлениях (С. 150).

Ст. 35. Удаление из пределов РСФСР или из пределов отдельной местности, оставление в которой признается общественно опасным (С. 26).

Ст. 58. Контрреволюционная деятельность, направленная к свержению, подрыву или ослаблению власти рабоче-крестьянских советов и правительства Союза ССР.

Ст. 58-1а. Измена родине (шпионаж, выдача военной тайны, переход на сторону врага). Карается ВМН – расстрелом с конфискацией всего имущества, а при смягчающих обстоятельствах – лишение свободы на 10 лет с конфискацией всего имущества (С. 26).

Ст. 58-1в. Способствование чем-либо членами семьи изменнику родины, недонесение властям о его действиях. Карается лишением свободы от 5 до 10 лет. Остальные совершеннолетние члены семьи изменника родины, проживающие совместно с ним, подлежат ссылке в отдаленные районы Сибири на 5 лет (С. 27).

Ст. 58-1г. Недонесение о готовящемся контрреволюционном действии – от 6 мес. до 25 лет (С. 27).

Ст. 58-7. Подрыв государственной промышленности, транспорта и др. в контрреволюционных целях. Карается ВМН – расстрел. При смягчающих обстоятельствах – лишение свободы на 10 лет с конфискацией всего имущества (С. 30).

Ст. 58-10. Пропаганда и агитация, содержащие призыв к свержению или ослаблению советской власти. Карается ВМН – расстрел. При смягчающих обстоятельствах – лишение свободы на 10 лет с конфискацией всего имущества (С. 31).

Ст. 58-11. Всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению предусмотренных в настоящей главе преступлений. Карается лишением свободы на срок до 25 лет (С. 32).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абакумов В.С.** 47, 67, 91, 92, 95
Аврус А.И. 87
Азадовский М.К. 89
Александров А.М. 41, 54
Алексеев М.П. 20, 85, 87
Алигер М.И. 81
Ананьев Б.Г. 77
Андерсен Г. 78
Андреев Е.Е. 63
Андрианов В.М. 66, 71
Арсентьев А.И. 92
Артисевич В.А. 87, 88
Афонская Н.Ф. 79, 80
- Байков А.А.** 24
Балугьянский М.А. 75
Басов М.В. 96
Берггольц О. 31
Берлович Е.С. 16
Бережков В.И. 95, 96
Берия Л.П. 47, 50, 51, 61, 62, 65, 71, 83, 92, 95
Березина В.Г. 36, 88
Бернштейн С.Б. 89
Бирон Э. 95
Блохин В.М. 68
Богданов С.И. 98
Бортник М.Ю. 13, 27, 37
Буковецкий А.И. 12, 13, 24, 25, 54, 55, 92, 97
Булганин Н.А. 50, 51
Бухарин Н.И. 69, 84, 85, 97
- Ваксер А.З.** 65, 66, 94
Валк С.Н. 82
Варшавский К.М. 51, 52
Венедиктов А.В. 25
Вербицкая Л.А. 98
Веселовский А.Н. 45
Визнер В.Ф. 73, 96
Визнер Е.Ф. 73, 96, 106
Визнер Ф.Ф. 70, 72, 105
Виленкина Е.М. 21, 81
Вознесенская А. 70
Вознесенская А.А. 4
- Вознесенская В.А.** 4, 5, 11, 56, 69, 70, 74, 83, 84, 92, 96, 97
Вознесенская (Самсонова) М.Н. 70
Вознесенская М.А. 4, 7, 8, 49, 57, 58, 66, 70–76, 103, 104
Вознесенская Н.Н. 70, 93
Вознесенская (Мироненко) И.А. 3, 6, 11, 84, 91
Вознесенский А.А. 3–5, 7, 9, 11–58, 61, 66, 70–92, 98, 99
Вознесенский А.Д. 4, 9
Вознесенский Л.А. 4, 7–9, 18, 45–51, 56, 57, 61, 64, 70–72, 77, 83, 85, 89, 91–96
Вознесенский Н.А. 3, 5, 9, 26, 44, 58–71, 74, 76, 92–97, 100–102
Вознесенский Э.А. 6, 7, 9, 48–50, 83
Волкогионов Д.А. 96
Вольнкин Н.М. 28, 79, 86
Воробьев 69
Ворошилов К.Е. 47, 93
- Гаврилова Г.** 78, 97, 98
Галкин И.С. 89
Гальперин Д.М. 22
Ганелин Р.Ш. 81, 82, 97, 98
Ганелин Ш.И. 76, 82
Гарманов 52
Гатовский Л.М. 94
Гельман Е.Е. 89, 90
Герцовский А.Я. 57, 68
Гетнер М.Я. 94
Гинзбург М.Б. 27
Глаголева (Вознесенская) Л.Г. 4–6, 11, 74
Голованов Яр. 98
Горбачев И.О. 77, 78
Горбачев М.С. 98
Горелова В.И. 37, 88
Гросс Е.Ф. 87
Гуковский Г.А. 79, 87, 91
Гуковский М.А. 91
Гумилев Л.Н. 43, 91
Гумилев Н.С. 98
Гурвич Э.И. 97

- Д**волайцкий Ш.М. 22
 Демин В.И. 31, 86
 Демин Л.М. 96, 97
 Державин К.Н. 77
 Дмитриев А.Л. 4, 85
 Домнин Н.А. 10, 44
 Дружинин П.А. 89, 92
 Дубов И.В. 97
 Дубровина И.В. 46
 Дыгай А.И. 92, 93
- Е**вгеньев-Максимов В.Е. 77, 82
 Евсеев А.Е. 75
 Евсеев Е.А. 74
 Евсеев М.Е. 75
- Ж**данов А.А. 26, 28, 34, 36, 44, 56, 70, 72
 Жемов 68
 Жуков А. 23
- З**ак С.Д. 16–18, 52, 54, 55, 76, 77, 85,
 86, 92
 Залесский К.А. 93
 Заславский Д.И. 81
 Захаров 33
 Зиновьев Г.Е. 95
 Золотухин П.В. 24
- И**ванов П.П. 43
 Иванченко В. 69, 96
 Ильин С.А. 55, 84, 97
 Иоффе О.С. 28, 86
- К**аблуковский 24
 Каганов Е.Д. 27
 Каганович Л.М. 47, 62, 63, 91
 Каиров И.А. 45
 Калесник С.В. 91
 Капустин Я.Ф. 53, 67, 96
 Карпов И.И. 84
 Карпова Е.В. 78
 Кафтанов С.Ф. 32
 Кашкаров Д.Н. 43
 Каценельсон Д.Б. 89
 Качаева В.А. 36, 88
 Киров С.М. 58
- Клопова Т.Б. 87
 Ковалев В.В. 24, 86
 Ковалев И.В. 60
 Кожинов В.В. 92
 Колотов В.В. 92, 94
 Колпачков 96
 Кольцова Е. 98
 Комаров А.М. 30
 Копелян Е.З. 78
 Косачевская Е.М. 39, 40, 47, 48, 75–77,
 91, 97
 Кофман Б.Д. 50, 84, 85
 Кошелев А. 94
 Крыльцов 29
 Кузнецов А.А. 7, 24, 34–36, 44, 50, 56,
 61, 67, 71, 86, 95
 Кузнецов А.И. 50, 51
 Кузнецов С.С. 29, 37, 86, 88, 91
 Кулик Г.И. 93
 Кулишер И.М. 12, 25, 84
 Кульчицкий 68
 Купцов 63
 Кутузов В. 94
- Л**азаревский 98
 Лазерсон Р. 84
 Лазуркин М.С. 22
 Лазутин П.Г. 67
 Лapidус И.А. 84
 Легкий В. 34
 Ленин В.И. 17, 33, 47, 65
 Литвинова (Вознесенская) М.А. 70
 Лосский Н.О. 45
- М**авродин В.В. 38, 77, 81, 82, 86, 87, 91
 Маленков Г.М. 46, 50, 51, 61–66, 71,
 91, 92, 95
 Малинина Е.М. 6
 Мамонова С.Ю. 53, 86, 90–92, 97, 98
 Марголис Ю.Д. 85
 Маркевич Н.А. 75
 Маркс К. 14–19, 29, 30, 81
 Матулевич И.О. 56, 57, 68
 Межлаук В.И. 59
 Межлаук И.И. 22
 Мейерхольд В.Э. 50

- Меркурьев С.П. 97
 Мехлис М.З. 93
 Мещанинов И.И. 24
 Микоян А.И. 61, 62, 93
 Милейковский А.Г. 27
 Миллер Ф.И. 98
 Мироненко В.А. 11
 Мироненко К.Н. 10, 45
 Миронин С.С. 94, 95
 Мирошникова Л. 80
 Михайлов А.И. 10
 Михайлов Н.А. 46
 Михеев Ф.Е. 69
 Михельсон В. 7, 83
 Могилевич 80
 Моисеенко Н.А. 55
 Молок А.И. 82
 Молотов В.М. 23, 34, 59, 86, 91
- Некраш** Л.В. 37, 41, 52, 79
 Немилов А.В. 43
 Новиков 69
 Новицкий 98
 Новожилов В.В. 24
 Носов В. 85
- Огородников** К.Ф. 77, 91
 Оксман Ю.Г. 87
 Островитянов К.В. 84
- Пальцев** А.А. 13, 27
 Петрова О. 95
 Петровичев Г.Н. 94
 Питовранов 95
 Плоткин С.Я. 86
 Плотников 22
 Полянский Ю.И. 38
 Помазнев М.Т. 62, 63
 Пониделко А.В. 72
 Пономарев Б.Н. 63
 Попков П.С. 34–36, 50, 61, 67, 71, 72
 Порецкий В.С. 43
 Поскребышев А.Н. 94
 Постников Г.П. 98
 Потемкин В.П. 40
 Пьянова Т.Х. 27
- Раутбард** М.В. 27
 Рейхардт В.В. 13, 16, 26, 27, 32, 36, 37,
 44–46, 50, 53–55, 79, 83, 90, 97
 Рейхардт Л.В. 53
 Робсон П. 91
 Рогова В.Н. 91
 Родионов М.И. 61, 68
 Розе В.В. 79
 Розе Л.В. 78
 Розе Н.В. 78, 79, 98
 Розенберг Д.И. 17, 19
 Розенфельд Я.С. 25, 27, 32, 36, 37, 42,
 85, 88, 90, 97
 Ром М.А. 84
 Романов Б.А. 82
 Ротштейн А.И. 24
 Рубин И.И. 84, 85
 Руденко Р.А. 91
 Рыжикова Э.Г. 27
 Рыжков Н.И. 8
- Сабуров** М.З. 59
 Садилов В.С. 43
 Саков М.П. 15, 16, 77, 85
 Самсонова Е. 70
 Сандлер Г.М. 78
 Сафонов Л.М. 96
 Сафонов М.И. 96
 Святловский В.В. 13, 25, 84
 Семенихин 69
 Семенов В.Н. 32, 33, 86, 88
 Семин С.И. 69
 Сергеенков 24
 Серебряков В. 13
 Серебряков М.В. 77
 Серегин В.Н. 92
 Сидоровский Л.И. 92
 Симонов К.М. 60, 93
 Смолкин М.Д. 31, 86
 Сорокин 95
 Сорокин Г. 56, 94
 Солнцев С.И. 12, 25, 84
 Сталин И.В. 14, 33, 35, 47, 50, 51, 53,
 56, 59, 60–67, 75, 91, 93, 94, 96
 Судаков В.М. 6
 Судаков О.М. 6

- Судаков П.В. 6
Судакова А.В. 6, 7
Судакова А.М. 6
Судакова Е.М. 6
Судакова Л.В. 7, 49
Суббоцкий Л.М. 81
- Тарле Е.В. 33
Тихонов И.Л. 98
Томашевский Б.В. 89
Топчиев А.В. 44
Торкановский В.С. 25, 26, 27, 30, 77,
79, 86
Трауберг Л.З. 82
Туган-Барановский М.И. 45
Тюльпанов С.И. 13, 14, 19, 20, 26, 77,
84, 85
Тышлер 82
- Усачев 24
Усов Н.И. 87
Ухтомский А.А. 43
- Финн-Енотаевский А.Ю. 84
Федорова 33
Фирсов Н.Н. 43, 90
Фирсова (Прупис) С.М. 28, 34, 38–40,
54, 55, 77, 79, 86, 88
Фихтенгольц Г.М. 91
Фишман С. 34
- Фриш С.Э. 89
Фурье Ш. 27
- Хлевнюк О.В. 93, 95
Храпунова Л.Г. 86
Хрущев Н.С. 91, 92, 95
- Чепцов А. 72
Чернышевский Н.Г. 36, 82, 87
Чехов А.П. 5
Шарапова К. 78
Шепилов Д.Т. 65, 93
Шилова Е.И. 88
Широкорад Л.Д. 85
Шкирятов М.Ф. 63, 64
Шостакович Д.Д. 33
Штейн В.М. 40, 45, 55, 83, 97
Шумилов Н. 86
- Щеголев 24
Щерба Л.В. 98
- Эйхенбаум Б.М. 91
Эльяшова Л.Л. 27, 31, 32, 38, 39, 41,
75–77, 79, 86–90, 97, 98
Энтелис Л.А. 81
- Юдовин Э.М. 21, 85
- Яковкин И.И. 29

СОКРАЩЕНИЯ

ВКВС – Военная коллегия Верховного суда СССР

ВКВШ – Всесоюзный комитет высшей школы при СНК СССР

ВП – Весь Петербург (Петроград, Ленинград), адресная книга

ЛВМИ – Ленинградский военно-механический институт

ЛГИ – Ленинградский Горный институт

ЛГУ – Ленинградский государственный университет

ЛИИС – Ленинградский институт советского строительства и права
им. М.И. Калинина

ЛИФЛИ – Ленинградский институт философии и лингвистики

ЛОКА – Ленинградское отделение Коммунистической академии

ЛПИ – Ленинградский Политехнический институт

ЛУ – Ленинградский университет (газета)

МВО – Министерство высшего образования

МГБ – Министерство государственной безопасности СССР

НИИ ЭФП – Научно-исследовательский институт экономики, философии и права при ЛГУ

ОА СПбГУ – Объединенный архив С.-Петербургского госуниверситета

ОСО – Особое совещание при МГБ

ПВС – Президиум Верховного Совета СССР

ПГУ – Петроградский госуниверситет

СНК – Совет народных комиссаров

УМГБ по СПб. и обл. – Управление Министерства госбезопасности по Ленинградской обл.

Управление Министерства госбезопасности по Ленинградской обл.

ФОН – Факультет общественных наук при ПГУ

ЦГА СПб. – Центральный государственный архив С.-Петербурга

ЦГА СПб – Центральный государственный архив С.-Петербурга

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
1. Общие сведения о семье Вознесенских	4
2. Александр Алексеевич Вознесенский	11
2.1. Ученая, педагогическая и организационная деятельность.....	11
2.2. В ЛГУ: создатель политико-экономического факультета и ректор	21
2.3. Начало Великой Отечественной войны, блокада Ленинграда и эвакуация в Саратов.....	30
2.4. Послевоенные годы	40
2.5. Лишение А.А. Вознесенского поста министра, арест и гибель ..	44
3. Николай Алексеевич Вознесенский	58
4. О других членах семьи Вознесенских	70
5. Вспоминая Вознесенских	76
Примечания	83
Приложение. Копии некоторых документов	99
Упомянутые статьи Уголовного кодекса РСФСР	108
Именной указатель.....	109
Сокращения	118

Валерий Юльевич Гессен

СЕМЬЯ ВОЗНЕСЕНСКИХ –
ВЫСОКАЯ И ТРАГИЧЕСКАЯ
СУДЬБА

ООО «Полторак».
195220, Санкт-Петербург, Гражданский пр., 11.
Телефон (факс): 534-28-28.
E-mail: poltorak2006@yandex.ru; nestorklio@mail.ru
www.poltorak.spb.ru

Подписано в печать 20.06.2013.
Формат 60x90/16. Бумага офсетная. Гарнитура «PetersburgC».
Печать офсетная. Объем 7,5 п.л. Тираж 200 экз. Заказ 5.

А. А. Вознесенский с сыном Лёвом (1930)

А. А. Вознесенский
(1938?)

А.А. Вознесенский
(1946)

Профессора ЛГУ после награждения орденом Ленина.
Ректор А.А. Вознесенский сидит второй справа (1944)

А. А. Вознесенский выступает на общеуниверситетском митинге
в связи с Победой в Великой Отечественной войне (1945)

А. А. Вознесенский на открытии мемориальной доски
в честь А.С. Попова (1946)

А. А. Вознесенский и акад. Л. А. Орбели
на сессии Верховного Совета СССР (1947)

А. А. Вознесенский выступает на торжественном заседании
Ученого совета ЛГУ, посвященного его 50-летию (1948)

А. А. Вознесенский (в центре) вице-председатель
Общеславянского комитета в Варшаве на его пленуме (1948)

А. А. Вознесенский
с преподавателями ЛГУ после заседания (1948)

А.А. Вознесенский – министр образования РСФСР – готовится выступить по Всероссийскому радио 20 апреля 1948 г.

А. А. Вознесенский после ареста.
Уже в арестантской одежде (1949)

Донское кладбище в Москве.
Мемориал в память жертв политических репрессий в 1945–1953 гг.

Часть мемориала на Донском кладбище
с указанием захороненных ленинградцев, в том числе
Александра Алексеевича и Марии Алексеевны Вознесенских

Елизавета Михайловна Судакова (Малинина), Василий Артемьевич Судаков (1872(?)–1937) (справа), Дмитрий Михайлович Малинин

Анна Васильевна Судакова (1902–1979) (1930)

Лидия Васильевна Судакова, тетя А. А. Вознесенского, самоотверженный хранитель трех поколений детей своих сестер и братьев (1909–1990)

Елизавета Михайловна Судакова (1875(?)–1949), Любовь Георгиевна Вознесенская (1866–1951) (справа) с внуком Львом (1929)

Л. В. Судакова с детьми Вознесенских
(1960?)

Клавдия Николаевна
Мариненко (Вознесенская)
(1903–1993) (1934)

Мария Алексеевна
Вознесенская
(1901–1950)

Валентина Алексеевна
Вознесенская (1906–1996)

Лев Александрович
Вознесенский (1926)

Эрнест Александрович
Вознесенский (1931–1997)

Любовь Георгиевна Вознесенская
со своими внуками. Слева сидят:
Евгений Федорович Визнер
и Валерий Александрович
Мироненко,
стоят Евсеевы Михаил Евгеньевич
и Александр Евгеньевич (1947)

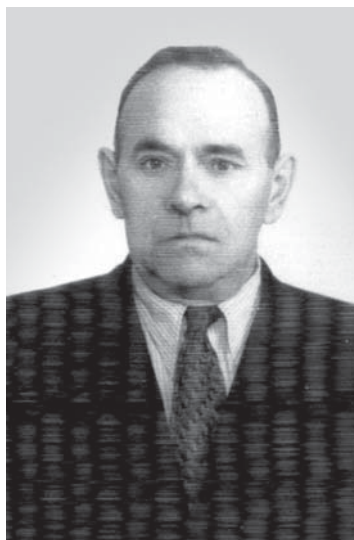
Валерий Александрович
Мироненко (1935 – 2000)

Ирина Александровна
Вознесенская (1941)

Анна Александровна
Вознесенская (1966)

Федор Францевич
Визнер (1895–1971)

Владимир Федорович Визнер
(1929–2010)

Евгений Федорович Визнер
(1934)

Преподаватели и учащиеся Чернского высшего начального училища.
Н. А. Вознесенский – второй справа в первом ряду (1912?)

Н. А. Вознесенский в группе товарищей по партийной работе в Донбассе – первый слева во втором ряду (1927)

Н. А. Вознесенский руководитель семинара Экономического Института красной профессуры – второй слева во втором ряду (1931?)

М. И. Калинин вручает председателю Госплана СССР
Н. А. Вознесенскому первый орден Ленина (февраль 1941)

Н. А. Вознесенский, как Первый заместитель Председателя СНК СССР,
представляет правительство на чествовании годовщины революции –
второй слева (ноябрь 1941)

Н. А. Вознесенский
(1945)

Н. А. Вознесенский
(1948)

Н. А. Вознесенский на восстановлении комбината «Запорожсталь».
Слева Л. И. Брежнев – секретарь Запорожского КП(б)У,
А. Н. Кузьмин – директор комбината,
справа В. Э. Дымшиц – управляющий треста «Запорожстрой» (1947)

Н. А. Вознесенский на сессии Верховного Совета Союза ССР.
Слева И. В. Сталин, справа К. Г. Жуков (1946)

Н. А. Вознесенский на воздушном параде в Тушино.
Слева: И.В. Сталин, К. Готвальд, В.М. Молотов (1948)

Бюст Н. А. Вознесенского
в Черни у здания музея
его имени

Памятный камень на мемориальном
кладбище «Левашовская пустошь», где
было захоронено тело растреляного
Н. А. Вознесенского вместе с другими
жертвами «Ленинградского дела».
Установлен его семьей (1998)

Н. А. Вознесенский с семьей:
женой Марией Андреевной
и дочерьми Маей и Наташей (1947?)

Группа студентов 3-го курса и преподавателей экономического факультета ЛГУ. 1948. Сидят слева четвертый Кочергин – зам. декана, далее профессора В. В. Рейхардт (декан) и проф. А. И. Буковецкий

Проф. С. И. Тюльпанов (1901–1984), проректор ЛГУ, зав. кафедрой современного капитализма, разгромленной сталинистами в 1969 г.

Проф. В. В. Рейхардт (1901 – 1949), декан экономического факультета, умер во время допросов

Проф. В. М. Штейн
(1890–1964),
более пяти лет
провел в тюрьме и лагерях

Проф. А. И. Буковецкий
(1881–1972),
более пяти лет провел
в тюрьме и лагерях

Проф. Я. С. Розенфельд
(1883 – 1973),
более пяти лет провел
в тюрьме и лагерях

Проф. Л. В. Некраш
(1886 – 1949),
умер
во время допросов

Проф. М. И. Бортник
(1899–1976), подвергался
преследованиям, вынужден был
уехать в Ростов-на-Дону

Проф. М. В. Раутбард
(1899–?), более пяти лет
провел в тюрьме
и лагерях

Доц. С. М. Фирсова
(1919–1999), более пяти лет провела
в тюрьме и лагерях, арестована,
будучи беременной,
родила сына в тюрьме

Доц. К. М. Варшавский
(1893–1978),
более пяти лет провел
в тюрьме
и лагерях